

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б.М. Гаспаров

ИЗ КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО СИНТАКСИСУ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Простое предложение

ТАРТУ 1971

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б.М. Гаспаров

ИЗ КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО СИНТАКСИСУ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Простое предложение

ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ЗАОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ТАРТУ 1971

Настоящее пособие не ставит своей целью заменить стабильный учебник по современному русскому языку в разделе, посвященном простому предложению. Автор стремился дать более полное и специальное, по сравнению с учебной литературой, освещение тех разделов вузовской программы, где в этом, по его мнению, возникала необходимость, останавливаясь в этой связи прежде всего на проблемных теоретических вопросах. При этом важной задачей автору представлялось, оставаясь, в основном, в рамках учебной программы, дать освещение программных вопросов с учетом ряда новых работ и, в особенности, с учетом идей и методов, связанных со структурным моделированием синтаксиса. Решение этой задачи представляется нелегким, но вместе с тем необходимым делом, учитывая все возрастающий разрыв между складывающейся в современной лингвистике теорией и практикой синтаксического описания и школьным (в широком смысле) синтаксисом. Между тем трудность выполнения данной задачи состоит в том, что в распоряжении лектора, который пожелал бы ввести понятия структурального синтаксиса в свой курс, нет систематических дескрипций с использованием соответствующего аппарата, без чего курс современного русского языка, разумеется, невозможен. Интерпретируемый в специальных исследованиях материал либо иноязычный (часто — английский), либо по своему характеру далек от программных требований вузовского курса (таковы работы по автоматическому синтаксическому анализу и автоматическому переводу).

Поэтому решение сформулированной выше задачи — интерпретации программного материала с позиций и с помощью методов структурного моделирования, потребовало от автора введения в курс как ряда оказавшихся полезными в этом плане идей, почерпнутых из специальной литературы, так и собст-

венных наблюдений и описаний различных фрагментов синтаксического строя русского языка. При этом автор постоянно стремился в изложении материала соотнести получаемые выводы с традиционными понятиями, показать смысл и практические следствия (с точки зрения потребностей синтаксического анализа) вводимых изменений и уточнений.

Таким образом, настоящий курс призван расширить круг сведений, получаемых студентами из учебной литературы, ввести в современную проблематику синтаксических описаний и отчасти показать возможности практического использования предлагаемых решений в преподавании языка. Книга может быть использована в качестве дополнительного пособия по курсу современного русского языка и материалов к спецкурсу по синтаксису простого предложения.

Часть I. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ.

Общие принципы строения языковой системы.

Понятие языковых уровней

Задачей лингвистического описания является построение модели языковой структуры. Этой цели, по-видимому, наилучшим образом отвечает представление о языке как о системе, то есть устройстве такого рода, все элементы которого связаны между собой необходимыми отношениями, так что функционирование некоторого элемента определяется характером его отношений к другим элементам. При этом языковая система рассматривается в современной лингвистике как комплексное образование, распадающееся на ряд подсистем. Каждая подсистема образуется однопорядковыми элементами, то есть единицами, непосредственно противопоставляемыми друг другу и вступающими между собой в определенные комбинации.

Эти подсистемы называются ядрусами, или уровнями, языка. Среди лингвистов нет полного единодушия относительно того, какие и сколько уровней образуют языковую систему; да это и естественно, поскольку различные исследовательские задачи могут потребовать разной степени детализации уровневой структуры языка. Но наиболее обычным является представление о четырех уровнях языковой системы. Это — уровни фонем, морфем, слов и предложений. Данные четыре уровня, чаще всего фигурирующие в языковом описании, мы можем считать основными и отправляться от них в нашем представлении языковой системы.

Само название — "уровень языка" — объясняется тем, что между различными уровнями в языковой системе существуют иерархические отношения — они располагаются как бы один над другим, так что оказывается возможным говорить о "высших" и "низших" уровнях. Эта иерархичность наиболее очевидным образом проявляется в том, что комбинация единиц

нижнего уровня образует одну единицу более высокого уровня, обратное же соотношение никогда не наблюдается; так, комбинация фонем дает морфему (не наоборот), комбинация морфем — слово, комбинация слов — предложение.

Однако иерархия уровней проявляется не только в этом, так сказать, количественном плане, но и в качественном отношении: единица каждого нового уровня характеризуется некоторым специфическим свойством, отличающим ее от предыдущего уровня. Именно поэтому свойства некоторой языковой единицы не сводятся к простой сумме свойств ее составляющих, а представляют собой качественно новое образование. Так, мы уже сказали, что морфема образуется комбинациями фонем, которые строятся по законам сочетаемости фонем. Однако от всякой правильной комбинации фонем собственно морфема отличается некоторым свойством, которое не присуще ни фонемам, ни их сочетаниям самим по себе; это свойство — наличие значения. Точно так же предложение отличается от комбинации слов, как таковой, тем, что выступает как единица сообщения, как высказывание. Менее ясны в этом плане специфические свойства слова, в связи с чем оказывается возможным, а в ряде случаев и удобным, обходиться в описании языковой системы без данного уровня, представляя предложение в качестве комбинации морфем. Мы сохраняем, однако, представление о предложении как комбинации слов в связи с прочно сложившейся в русистике традицией и, по-видимому, большим удобством такого представления для русского языка.

Однако, говоря об отношении между уровнями, недостаточно констатировать наличие здесь определенной иерархии. Необходимо также заметить, что при всем различии в свойствах единиц, образующих различные уровни, их организация обнаруживает значительные черты подобия и строится, в сущности, по одним принципам. Данное явление — подобие строения — получило название изоморфизма уровней.

Явление изоморфизма проявляется прежде всего в том, что на каждом уровне некоторая единица системы может быть

представлена в качестве абстрактного образования - инварианта, характеризуемого прежде всего своими отношениями к другим инвариантам. В речи инвариант выступает (манифестируется) в ряде частично различных вариантов. Обычно выбор того или иного варианта определяется условиями употребления, прежде всего - окружением в речи (занимаемой позицией). Так, слово (лексема) как инвариант выступает в речи в своих различных вариантах - словоформах (падежные словоформы существительного, личные формы глагола и т.д.), морфема также может иметь свои варианты - морфы (ср. бег- и беж- в бегу и бежать), определяемые позицией, и т.д.

Другим обстоятельством, объединяющим все уровни, является тождественный характер отношений между языковыми единицами. Данные отношения можно свести к двум основным типам. Это - синтагматические и парадигматические отношения.

Синтагматические и парадигматические отношения в языковой системе

Синтагматика и парадигматика - два вида отношений, имеющих универсальный характер: любой элемент языковой системы (на любом уровне) конституируется на пересечении данных двух типов отношений с другими элементами.

Синтагматические отношения - это отношения соединения, связи. Данные отношения проявляются при соединении элементов в тексте. Синтагматические отношения регулируют, во-первых, сочетаемость элементов, то есть регламентируют самую возможность появления тех или иных сочетаний. Во-вторых, синтагматические отношения выявляют характер образующихся сочетаний, характер связи между элементами в сочетаниях - например, в предложении Вчера я был в гостях у друзей моего брата выявляются следующие синтагма-

1

тические отношения между словами. Прежде всего, на основании знания синтагматики русского языка мы можем определить, какие слова входят в сочетания друг с другом. Так, мы знаем, что слово вчера относится к слову был, а не к я, хотя последнее линейно расположено ближе к нему, поскольку нам известно, что слова данных классов (наречие и личное местоимение) не сочетаются друг с другом. То же самое можно сказать о последовательности друзей моего брата: в ней слово моего относится к слову брата (а не друзей), так как именно такое соотношение форм (согласование) необходимо для образования соединения прилагательного и существительного. Во-вторых, в обнаруженных сочетаниях слов мы можем определить отношения зависимости между компонентами этих сочетаний¹.

Синтагматические отношения могут быть представлены в двух различных планах, в связи с тем, что и сами сочетающиеся единицы существуют как бы в двух планах: как инварианты и как те варианты (сегменты текста), в которых они реализуются в тексте. Соответственно, мы можем говорить, с одной стороны, о синтагматических правилах, регулирующих выбор того или иного из имеющихся вариантов (сегментов) в определенной позиции, и с другой стороны, о синтагматических правилах, регулирующих возможность соединения и характер отношений между инвариантами. Например, при построении сочетания большой дом необходимо, с одной стороны, знание того, что из всего набора вариантов слова большой (всех родовых, числовых, падежных словоформ) в данной позиции (...дом) необходимо выбрать именно данную

¹ Механизм обнаружения зависимости будет рассмотрен нами в дальнейшем. Сейчас же достаточно констатировать, что мы каким-то образом можем определять порядок зависимости слов во фразе, поскольку без этого было бы невозможно правильное понимание фразы.

словоформу (мужского рода, единственного числа, именительного падежа), во-вторых, знание того, что в принципе данные слова (большой и дом), и даже шире, данные классы слов (прилагательное и существительное) могут образовать сочетание (с использованием каких-либо из своих вариантов-словоформ), в отличие, например, от приаждективного наречия (очень) и существительного.

Мы можем назвать данные два плана сегментной и категориальной синтагматикой, а рассматриваемые с точки зрения этих планов сочетания — соответственно, сегментными и категориальными синтагмами. Таким образом, наше словосочетание большой дом, представляемое с точки зрения действующего в нем механизма согласовательных связей, является сегментной синтагмой; это же сочетание, представляемое как соединение прилагательного и существительного, выступает в качестве категориальной синтагмы.

Мы сказали, что синтагматика регламентирует не только сам порядок построения синтагм, но и отношения элементов в синтагме. Эти отношения проявляются как зависимость. Любой элемент, с точки зрения синтагматических отношений, может быть представлен либо как зависимый, либо как независимый от другого элемента. Этим определяется возможность исчисления типов синтагматических отношений. Если мы представим минимальную синтагму — соединение двух элементов, то в пределах этой "клетки" синтагматики возможны, очевидно, три случая:

а) односторонняя зависимость одного из элементов от другого: $A \longrightarrow B$

б) взаимная зависимость элементов: $A \longleftrightarrow B$

в) взаимная независимость элементов: A, B .

Мы можем назвать данные случаи: подчинение, или детерминация; взаимное подчинение, или координация; сочинение, или констелляция. Очевидно, что синтагматическую структуру любой сложности можно представить как комбинацию данных элементарных случаев.

Парадигматические отношения - это отношения замещения и противопоставления. Данные отношения регламентируют объединение элементов в классы и их соотношения в пределах класса, на основании которых осуществляется выбор из этих элементов в том или ином случае в тексте. Таким образом, если синтагматика предполагает соположение, совмещение элементов (А и В), то парадигматика всегда предполагает некую альтернативу (А или В) и регламентирует решение этой альтернативы в том или ином случае. Так, в приведенном ранее предложении каждое слово выступает не только как член синтагмы, но и как представитель такого рода слов, из которого оно было выбрано в данном случае: слово вчера "представляет" в данном предложении наречия, брата - существительные и т. д.

Так же как и синтагматические отношения, парадигматика осуществляется в двух планах: во-первых, как ряд вариантов одной единицы, из которых осуществляется выбор в той или иной позиции; во-вторых, как классы инвариантных единиц. Таким образом, мы можем говорить о сегментной и категориальной парадигматике и, соответственно, о сегментной и категориальной парадигме. Так, ряд словоформ, образующих какую-либо лексему (например, падежные варианты слова дом), образуют сегментную парадигму, в то время как класс существительных - это категориальная парадигма.

Подобно тому как виды синтагматических отношений определяются наличием или отсутствием зависимости, виды парадигматики определяются наличием или отсутствием противопоставления. При этом в минимальной парадигме (бинарном соотношении элементов) оказываются возможны следующие случаи:

- а) отношения тождества   А, В
- б) отношения включения
- в) отношения пересечения
- г) отношения исключения

Надо сказать, что два крайних случая (а и г) имеют для лингвистического описания ограниченное значение. Конечно, в ряде случаев некоторые элементы оказываются удобно представить в качестве тождественных (входящих в один класс) по какому-либо признаку; однако при этом между данными элементами всегда может быть обнаружено некоторое противопоставление (ведущее к разбиению на подклассы) по другому признаку. Так, выделив класс "существительные" (и признав тем самым тождество элементов в пределах этого класса), мы можем затем противопоставить, например, конкретные и абстрактные существительные и т.д. Так что всякое тождество является относительным; абсолютного тождества элементов язык в принципе не допускает, и примеры подобного рода встречаются весьма редко (ср. формы горой и горю в русском языке). То же можно сказать и об отношениях исключения: как бы велико ни было различие между некоторыми элементами языка, между ними всегда может быть обнаружено и нечто общее, некоторое "основание для сравнения" — по крайней мере то, что они в равной мере принадлежат языку.

Из этого следует, что основное значение имеют отношения двух типов — включения и пересечения. Отношения включения предполагают неравноправное противопоставление, в котором один из элементов наделен некоторым специальным признаком, другой же характеризуется (в данном противопоставлении) чисто отрицательно — отсутствием у него этого признака. Соответственно, сфера распространения первого элемента должна быть уже, чем второго, в соответствии с общим принципом обратной пропорциональности объема и содержания. Такое противопоставление (оппозиция) называется привативным. Элемент, наделенный признаком, называется сильным, или маркированным, элементом. Беспризнаковый — соответственно слабым, или немаркированным.

Отношения пересечения — это равноправные отношения, в которых каждый элемент наделен некоторым собственным

признаком, и в то же время имеется нечто общее (основание противопоставления). Такое противопоставление называется эквидолентным.

Синтагматика и парадигматика тесно связаны между собой. В самом деле, парадигматические классы формируются в конечном счете на основании их употребления, то есть на основе однородности синтагматических связей. Так, любая часть речи характеризуется прежде всего определенным типом сочетаемости с другими частями речи¹. С другой стороны, синтагматические отношения характеризуются на базе парадигматических классов, в терминах этих классов.

Из этого не следует, однако, что соотношение парадигматики и синтагматики сводится к простой тавтологии. Свойства элементов, определяемые их парадигматическими противопоставлениями, служат как бы фундаментом, определяющим в основных чертах их употребление в составе синтагм. Однако на базе этого фундамента синтагматика являет бесконечное разнообразие вариантов отношений. Мы можем сказать, что в парадигме оказываются формально закреплены основные, фундаментальные свойства элементов, соответствующие их наиболее обычному, стандартному, типизированному употреблению в синтагматических сочетаниях, а синтагматические отношения базируются на возможностях, предоставляемых парадигматическими противопоставлениями, как реализация и вместе с тем спецификация данных возможностей.

---

¹ Этому не противоречит школьная методика определения части речи "по вопросам": говоря, что существительное "отвечает на вопрос кто? или что?", мы тем самым констатируем, что существительное — это часть речи, занимающая в тексте те же позиции (обладающее тем же типом сочетаемости), что и слова кто или что.

Вопрос о предмете синтаксиса

Вопрос о предмете синтаксиса является чрезвычайно сложным. Во-первых, существует два совершенно различных понимания задач и границ данной дисциплины. С одной стороны, синтаксис понимается как описание синтагматики любых языковых элементов; в этом смысле можно говорить о синтаксисе фонем, морфем и т.д. Но даже становясь на более традиционную (и вместе с тем более узкую) точку зрения, согласно которой предметом синтаксиса является описание словосочетаний и предложений, мы не решаем проблемы, поскольку далеко не очевидно, что понимать под данными единицами. Рассмотрим данную проблему подробнее.

Итак, имеются, с одной стороны, некоторые правила построения сочетаний слов. Изучение этих правил, описание типов образующихся в некотором языке сочетаний, очевидно, входит в задачу синтаксиса. С другой стороны, данные сочетания слов образуют единицу более высокого порядка — предложение. Изучение свойств данной единицы и классов этих единиц также признается предметом синтаксиса. Тем самым перед данной дисциплиной открываются две различные задачи, каждая из которых может быть сформулирована самостоятельно.

В истории изучения синтаксиса можно наблюдать ряд различных попыток связать воедино данные задачи и тем самым сформировать единый предмет данной науки. Первоначально определение предложения строилось посредством апелляции к экстралингвистическим категориям. Роль такой модели, в терминах которой интерпретировались все понятия, связанные с теорией предложения, длительное время — начиная с античной эпохи вплоть до середины XIX в. — выполняла логика. В русской грамматической традиции логический синтаксис получил отражение в трудах Н.И.Греча

(*"Практическая русская грамматика"*, 1827) и Ф.И.Буслаева (*"Историческая грамматика русского языка"*, 1869; нов. изд.: Учпедгиз, М., 1959).

В концепции логического синтаксиса предложение представлялось в качестве словесного выражения логического суждения. Функция предложения, его отличительные свойства — в выражении некоторого сообщения, "мысли" ("предложение — это сочетание слов, выражающее законченную мысль" данное определение логического синтаксиса получило прочную традицию в школьном преподавании).

Такое экстралингвистическое определение предложения оставляло открытым вопрос о том, какие структурные (собственно языковые) свойства предложения позволяют ему функционировать в качестве суждения. Чтобы связать данные два аспекта (структура предложения и его функция), логический синтаксис высказывает предположение о соответствии структурных частей предложения (членов предложения) и членов логического суждения — логического субъекта и подлежащего, логического предиката и сказуемого (вернее, группы подлежащего и группы сказуемого).

Однако легко обнаружить, что в действительности структура предложения и выражаемого им логического суждения далеко не всегда совпадают. Прежде всего, существуют предложения, не обнаруживающие в своем составе полного соответствия логическому суждению. Таковы предложения с одним главным членом — Светает, Пожар!, Иду, Молчать! и т.п. Логический синтаксис объявляет такие предложения "неполными", однако признание неполноты предполагает также подразумевание пропущенных членов. Между тем во многих случаях такого типа не только не заметно никакого сколько-нибудь явного подразумевания, но восстановление "пропущенного" члена нередко просто невозможно и разрушает предложение (ср. Это есть пожар как "полное" соответствие предложения Пожар).

Но и у "стандартных" предложений подлежащее и сказуемое далеко не всегда соответствуют субъекту и предикату суждения. Известно, например, что субъект может быть выражен словом в форме косвенного падежа (мне душно, подку унесло ветром). Это обстоятельство оказывается дезориентирующим при анализе предложения: непонятно, что мы должны искать — соответствие логическому субъекту ("то, о чем говорится в предложении") или формальное подлежащее (номинатив).

Наконец, даже в наиболее благополучном случае соответствия членов суждения и предложения обнаруживается, что формальная характеристика словосочетаний (с точки зрения составляющих их частей речи и типов связи между ними) и их отношения в качестве членов предложения (определяемые на основании соответствия стандартным логическим функциям) далеко не всегда совпадают. Так, атрибутивную (определятельную) функцию может выполнять имя прилагательное, присоединяемое к главному слову по принципу согласования, и существительное, присоединяемое по принципу управления (кирпичный дом — дом из кирпича); точно так же обстоятельственные отношения могут выражаться управляемым именем и примыкающим наречием (вышли из лесу — вышли справа) и т.д.

В результате описание внутренней словесной структуры, образующей предложение, и экстралингвистическое определение функции данной единицы фактически остаются разобченными, и "экспансия" логических критериев в область структурного изучения предложения отнюдь не решает данную проблему, а лишь делает непоследовательным синтаксис словосочетаний.

Во второй половине XIX в. на смену логическому пришел психологический синтаксис, представленный в русской лингвистике прежде всего трудом А.А.Потебни "Из записок по русской грамматике" (для нас особенно важен т. I-II, Харьков, 1888; нов. изд.: Учпедгиз, М., 1958). Предста-

вители данного направления закончили с иллюзиями относительно тождества предложения и логического суждения. Сущность предложения интерпретировалась ими, в соответствии с положением ассоциативной психологии, как результат соединения двух представлений, из которых одно выступает как господствующее, другое — как "сопутствующее", подчиненное.

Такое представление оказывалось в ряде случаев более гибким, чем то, которое давалось логическим синтаксисом, так как уже не исходило из обязательного жесткого соответствия некоторых компонентов структуры предложения строго определенным членам суждения, допускало смещение этих соответствий, например, при переносе логического ударения (в случае типа Птица летит — Птица летит, где главное и сопутствующее представление — члены психологического суждения — меняются в зависимости от места ударения во фразе). Но в принципе положение осталось тем же — функции и свойства предложения определялись экстралингвистически, и тем самым данный аспект синтаксиса оказывался глубоко разобщен с описанием структуры предложения.

Положение радикально изменилось с появлением нового, так называемого формального, направления. В России основателем данного направления был Ф.Ф.Фортунатов. В трудах Фортунатова¹ и его учеников² намечается последовательное стремление описывать языковые единицы только с точки зрения их репрезентации в тех или иных явлениях материальной формы. В соответствии с этим принципом, логическое и психологическое учение о предложении оказалось отброшенным, как учение экстралингвистическое. В

¹ Ф.Ф.Фортунатов. Сравнительное языковедение; его же, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, в кн.: Ф.Ф.Фортунатов, Избранные труды, т. I-II, Учпедгиз, М., 1956-1957.

² М.Н.Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, М.-Пг., 1923; А.М.Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, Учпедгиз, М., 1956.

рамках лингвистики осталась лишь одна сторона, один аспект синтаксического описания — изучение связей слов, типов словесных сочетаний. Можно сказать, что в классическом определении предложения, отражающем дуалистический подход к этой единице ("сочетание слов, выражающее законченную мысль"), формальный синтаксис отбрасывает его экстралингвистическую часть (апелляцию к "мысли") и тем самым сводит предложение, как предмет лингвистики, к грамматически оформленному сочетанию слов. Синтаксис становится учением о словосочетании, предложение интересует формальную школу лишь как разновидность словосочетания и не более того.

В результате оказался преодолен дуализм, разноплановость синтаксического описания и последнее стало последовательно лингвистическим. Но простое устранение проблемы предложения оставило нерешенными целый ряд вопросов. Прежде всего, оказывалось неясным, в чем заключается отличие (именно языковое отличие) сочетания слов — не предложения, и того же сочетания слов, получающего статус предложения, какие свойства приобретает словосочетание, будучи употреблено в качестве целого предложения. Данная проблема особенно наглядно проявлялась в случаях с однословными предложениями: поскольку в этом случае не было словосочетания, оказывалось, что таким предложениям нет места в формальном синтаксисе. Эти трудности наглядно показывали, что синтаксис не может ограничиться одним лишь "словосочетательным" аспектом и должен содержать ответ на вопрос о том, что составляет свойства предложения, как языковой единицы.

Наиболее известная попытка дать ответ на этот вопрос и в то же время остаться на почве языковых фактов в истории русского синтаксиса связана с концепцией В.В.Виноградова. Акад. Виноградов возвращается к дуалистической трактовке синтаксиса как учения о словосочетании и предложении, но в синтезе этих двух аспектов идет в направлении, прямо противоположном концепции логического синтаксиса: если последняя отдрывалась от свойств предложения (экстралинг-

вистических), и структуру предложения пыталась интерпретировать с точки зрения данных свойств, то В.В.Виноградов исходит из некоего стандартного построения, типичной словесной структуры предложения, и свойства данной единицы стремится вывести из особенностей этой структуры.

Такой типизированной структурой является "предикативная синтагма", то есть построение на базе глагольного класса слов (в широком смысле - включая сюда и связку, и, в условиях русского языка, "нулевую" связочную форму в предложениях типа Он - студент), чаще всего - соединение подлежащего и сказуемого. Собственно, еще А.А.Потебня указывал на наличие *verbum finitum* (личной формы глагола) как на признак предложения. А.М.Пешковский также говорил о классах слов, репрезентирующих "сказуемость" как свойство предложения. Но Виноградов не просто эмпирически констатирует, что словосочетание на базе глагольной формы является наиболее обычной, типизированной формой репрезентации предложения, а пытается сформировать свойства предложения, как единицы, в которой осуществляется коммуникация (сообщение), на базе грамматических категорий, репрезентируемых в предикативной синтагме. Этими категориями являются лицо, время и модальность (ядро которой составляют формы наклонения). Наличие данных категорий В.В.Виноградов и связывает с отнесенностью к действительности, характеризующей предложение, как акт коммуникации. Данные категории определяют "координаты" сообщаемого в плане пространственном (по отношению к первому лицу, говорящему) и временном, а также дают оценку сообщения с точки зрения его действительности, возможности, необходимости, что в совокупности и составляет отнесение содержания сообщения к действительности.

Мы видели, однако, что экспансия логического определения предложения в область описания его структуры привела к ряду противоречий в данном описании. Совершенно аналогично, обратная экспансия "словосочетательного"

аспекта в область определения предложения наталкивается на сопротивление языкового материала. Подобно тому как ранее мы видели, что синтаксические структуры в составе предложения далеко не всегда обнаруживают соответствие стандартным логико-синтаксическим функциям, нетрудно также обнаружить, что единицы, функционирующие в речи в качестве предложений (и притом, по-видимому, вполне "нормальных" предложений), далеко не всегда соответствуют стандартным схемам построения. Данное обстоятельство настолько очевидно, что в ряде стран принято терминологически различать предложение как высказывание, отделяемое паузами от других высказываний, и предложение как единицу, формируемую на базе предикативной синтагмы. Таковы, соответственно, английские термины *sentence* и *clause*, французские — *phrase, proposition*, чешские — *vypověď* и *věta*. В русской синтаксической традиции оба эти явления принято обозначать одним термином "предложение" (специальный термин "фраза" или "высказывание" не привился широко), что создает почву для многочисленных недоразумений.

Но даже если согласиться с выведением всех "нестандартных" структур за рамки учения о предложении (хотя у нас, вообще говоря, не больше оснований делать это, чем было у логического синтаксиса для того, чтобы третировать в качестве "неполных" все предложения, не обладавшие полным словесным выражением членов логического суждения), остается неясным следующий вопрос: чем предикативная синтагма как таковая (как не предложение) отличается от выраженного с помощью данной синтагмы предложения? Какие дополнительные свойства приобретает данная синтагма в качестве предложения? Ссылка на интонационное оформление тут недостаточна, поскольку законченную интонацию в речи может получить практически любое построение (не исключая даже отдельных морфем или служебных слов).

В.В.Виноградов пытается решить данный вопрос путем утверждения, что предикативная синтагма вообще не

является словосочетанием, так как употребляется только в роли предложения (или ядра предложения).

Однако, разумеется, такое решение вопроса — чисто внешнее, терминологическое. Вполне резонно здесь говорить о том, что перед нами единица, отличающаяся как по своему строению, так и по функции в предложении от других типов словосочетаний. Но невозможно на этом основании игнорировать тот факт, что перед нами — грамматически оформленное сочетание слов, которое может быть описано именно с этой точки зрения. Можно, конечно, не назвать эту единицу словосочетанием, но и в этом случае речь будет идти о единице одного порядка со словосочетанием. Назвать же данную единицу непосредственно предложением нельзя хотя бы потому, что предложение вовсе не обязательно оказывается равно данной единице. Таким образом, речь идет о некотором соединении слов, выполняющем определенную функцию в предложении (в отличие от других соединений слов — подчинительных и сочинительных — выполняющих в предложении другие функции) — и не более. Тезис о том, что данная единица "обнаруживается только в предложении", также не может быть принят во внимание, так как и любая языковая единица обнаруживается в конечном счете только в составе предложения.

Вывести учение о предикативной синтагме из разряда словосочетаний — это все равно, что вывести глагол из разряда частей речи на том основании, что он преимущественно характеризует предложение. Даже если мы это сделаем, результатом будет только сужение понятия "часть речи" и необходимость выдвигания для глагола какого-то другого наименования, но это не избавит нас от необходимости определить глагол как слово — то есть единицу, отличающуюся от предложения, равного слову.

Таким образом, попытки сформировать предмет синтаксиса, преодолевая дуализм синтаксического описания либо путем отбрасывания одного из его аспектов, либо путем экзопоники понятий, формируемых в одном плане, в область явле-

ний другого плана, указывая на прямое соответствие между некоторыми явлениями обоих планов, нельзя признать удачными. Они не только оставляют в конечном итоге ряд нерешенных вопросов, и прежде всего в том плане, который рассматривается в качестве вторичного, но препятствуют последовательному и непротиворечивому определению даже понятий, признаваемых исходными. В частности, попытка сформировать определение предложения на базе некоторого класса словосочетаний имеет, как мы уже видели (и как не раз убедился впоследствии) отрицательные последствия не только для теории предложения, но и для описания типов словосочетаний.

Следовательно, предмет синтаксиса должен конструироваться с учетом обоих названных аспектов таким образом, чтобы закономерности каждого из данных аспектов получили свое собственное истолкование. Мы должны отдать себе отчет в том, что правила комбинации слов в составе предложения и типы этих комбинаций, с одной стороны, и свойства предложения, как такового, и типы предложений, с другой стороны, — это явления различных порядков, между которыми хотя и существует известная связь, но нет прямого соответствия. Поэтому описания данных явлений должны обладать известной независимостью. В то же время они должны находиться в одной плоскости в том смысле, что оба плана должны описываться с точки зрения собственно лингвистических закономерностей. Лингвистическому описанию структуры предложения должно быть сопоставлено также лингвистическое (а не логическое или психологическое) описание признаков предложения, как языковой единицы.

Решение данной задачи оказывается возможным на базе функционального подхода к предложению.

Конструктивный и функциональный аспект
изучения предложения

Все рассмотренные нами синтаксические теории оставляли нас перед альтернативой: либо свойства предложения выводились непосредственно из свойств тех структур, на базе которых предложение конструировалось, либо свойства предложения определялись независимо от его структурной манифестации, но на базе экстралингвистических понятий. В первом случае оставалось неясным, в чем заключается отличие предложения, как особой единицы, от простой комбинации его составляющих. Во втором — оставались не раскрытыми языковые особенности, соответствующие экстралингвистическим свойствам — функциям, которые приписывались предложению.

Чтобы преодолеть ограниченность обоих этих подходов и создать учение о предложении как особой языковой единице, не сводимой к свойствам частей речи и их комбинаций, оставаясь в то же время в рамках лингвистических определений, обратимся к аналогиям в описании единиц других уровней языковой системы.

Такой прием позволяет констатировать, что описание каждой из данных единиц осуществляется в двух различных планах. Первый состоит в выяснении внутренней структуры, внутреннего устройства единицы, правил ее построения из единиц низшего уровня. Это — как бы взгляд на данную единицу "снизу", с точки зрения закономерностей сочетаемости единиц предыдущего уровня. Так, морфема образуется на основе закономерностей сочетаемости фонем. На основании этого создается учение о фонемной структуре морфемы, о различных типах фонемных цепочек, образующих морфему. Аналогично закономерности сочетаемости морфем (правила деривации) порождают слово как единицу следующего, еще бо-

лее высокого порядка: в результате слово рассматривается с точки зрения своей морфемной структуры, описываются типы морфемных цепочек, образующих слово.

Такой подход к описанию языковых единиц можно назвать конструктивным: каждая языковая единица определяется и описывается (классифицируется) с точки зрения тех правил, по которым она конструируется из других единиц (нижнего порядка).

Необходимость конструктивного подхода, рассматривающего построение языковых единиц, очевидна. Однако столь же очевидно, что таким подходом описание данных единиц ограничиваться не может, поскольку возникает вопрос, что же представляет собой описываемая единица как таковая, каковы ее специфические свойства, отличающие ее от простой суммы ее составляющих. На этот вопрос конструктивное описание, разумеется, не дает ответа.

Данное положение особенно наглядно выступает тогда, когда описываемая единица представляет собой не цепочку составляющих, а материально равна единому составляющему элементу; оставаясь в рамках конструктивного подхода, невозможно определить: чем однофонемная морфема отличается от фонемы, одноморфемное слово — от морфемы, предложение, состоящее из одного слова, — от этого слова как такового.

Итак, при конструктивном подходе мы имеем дело лишь с цепочками составляющих, а не с изучаемой единицей как таковой. Из этого вытекает также невозможность классификации данных единиц. Вернее, классификация на базе конструктивного подхода может быть построена, но она опять-таки будет отражать лишь типы цепочек составляющих, а не типы описываемых единиц как таковых. Например, классификация слов по характеру деривации (непроизводные и производные, слова одно- и двукорневые, слова с суффиксацией, префиксацией и т.д.) показывает только типы образования, построения слов из морфем, а не типы слов, понимаемых как

особые единицы, с точки зрения их собственных свойств.

Недостаточность описанного подхода вызывает необходимость еще одного, принципиально иного подхода, при котором каждая языковая единица определялась бы уже не с точки зрения способов и правил ее построения, а через свои собственные, внутренне ей присущие свойства. Такое описание, очевидно, возможно на основе показа функционирования языковых единиц. Поэтому такой подход, в противоположность конструктивному, мы назовем функциональным. Слова "функция", "функциональный" в современной лингвистике, как известно, могут осмысляться самым различным образом. Мы будем исходить из понимания (достаточно распространенного) функции как отношения. С этой точки зрения, описать функцию некоторого элемента — значит показать его отношения с другими элементами.

Поскольку здесь идет речь о функциональном лингвистическом определении, необходимо рассмотреть языковые единицы с точки зрения отношений, составляющих предмет данной науки, то есть с точки зрения внутренних отношений в языковой системе, отношений, получающих обязательное выражение в тех или иных явлениях языковой формы.

При этом мы уже отвлекаемся от внутреннего состава описываемой единицы, а представляем ее в виде элементарной частицы, вступающей в определенные отношения (синтагматические и парадигматические) с другими единицами того же порядка и выявляющей в этих отношениях свои свойства.

Таким образом, функциональный подход, в отличие от конструктивного, выходит за пределы рассматриваемой единицы, переходя от рассмотрения ее внутреннего устройства к обозрению ее внешних связей и отношений. Это — как бы взгляд "сверху", с точки зрения сочетаемости данных единиц.

Именно таким является учение о слове; мы имеем конструктивное описание слова — правила его деривации из морфемных цепочек (словообразование). Но кроме этого мы имеем грамматическое учение о слове (морфология), где свойства слова (его формы) и классы слов (части речи) уже не выводятся из описания внутренней морфемной структуры, поскольку к одной и той же части речи принадлежат слова, различные с точки зрения морфемного состава. Понятие о частях речи выводится из обозрения отношений между словами (взятыми в целом, в качестве элементарных единиц), прежде всего — из характера их сочетаемости. Таким образом, словообразование и морфология представляют собой реализацию двух аспектов описания — конструктивного и функционального — применительно к слову.

Между тем при изучении предложения мы обычно имеем дело только с одним подходом — описанием внутренней структуры предложения, то есть конструктивным описанием. Именно поэтому учение о свойствах предложения и классах предложений либо оказывается экстралингвистическим, либо строится на базе описания типов словосочетаний, манифестирующих предложение. В этом обнаруживается серьезная асимметрия синтаксиса, как учения о предложении, по отношению к описанию всех других единиц языка, в частности, по отношению к учению о слове.

В связи с этим возникает задача — наряду с существующим конструктивным описанием, построить, по образцу учения о слове, функциональное описание предложения. В рамках такого описания, очевидно, мы должны подойти к предложению так же, как мы привыкли подходить ко всем другим языковым элементам, то есть как к целостной единице, сочетающейся по определенным правилам с другими единицами того же уровня, другими предложениями, в тексте, и обладающей определенной системой форм, в которых морфологически закреплены ее дистрибутивные свойства. Предложение при та-

ком подходе оказывается не оболочкой, внешней границей структуры, а, напротив, элементарной частицей, атомом, входящим в структуру высшего порядка. Компоненты внутреннего состава предложения в таком описании привлекаются лишь постольку, поскольку они используются в качестве материальных выразителей функциональных свойств предложения (его принадлежности к определенному классу и связей с другими предложениями) — подобно тому как в описании слов морфемы привлекаются лишь в качестве внешних показателей грамматической характеристики — формы слова и его связей в словосочетании.

При таком подходе окажется возможным говорить о типах предложений не с точки зрения характера репрезентации экстралингвистических понятий и не с точки зрения особенностей внутреннего построения, а в плане выражения в каждом типе особых функциональных свойств, проявляющихся в характере сочетаемости предложений между собой. Иначе говоря, такие типы предложений будут представлять собой известную аналогию частям речи (в учении о слове).

Таким образом, синтаксическое описание, в связи с указанными двумя аспектами изучения предложения, оказывается состоящим из двух относительно независимых частей. Первая часть — конструктивный синтаксис — состоит в описании правил построения предложения из словесных комбинаций и типов структур, образующих предложения. Вторая часть — функциональный синтаксис — рассматривает предложения в их связях и отношениях друг с другом, выясняя выявляемые в данных отношениях свойства предложения, как особой языковой единицы, и определяя на базе проявления данных свойств классы предложений.

Часть II. СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(КОНСТРУКТИВНЫЙ СИНТАКСИС)

Трудности школьного анализа по членам
предложения

Основным видом представления структуры предложения в школьной грамматике является анализ по членам предложения. Члены предложения определяются по вопросам, которые могут быть к ним поставлены. Недостатки такого анализа совершенно очевидны. Легко увидеть, что в огромном количестве случаев к одному и тому же элементу структуры предложения могут быть поставлены с одинаковым успехом различные вопросы. Так, в сочетании посыльный от командира к зависимой части равным образом можно поставить вопрос от кого?, откуда?, какой?, квалифицируя ее, соответственно, как дополнение, определение или обстоятельство. Главный недостаток, однако, состоит не в этих очевидных трудностях анализа по вопросам, а в том, что этот анализ фактически не позволяет определить отношения между элементами структуры предложения, поскольку сам он оказывается возможен лишь на базе неявного (интуитивного) знания структурных отношений в предложении. В самом деле, считается, что, ставя вопрос, мы определяем член предложения. Однако в принципе вопрос может быть равным образом поставлен и к одному слову и к целой группе слов, поэтому с его помощью нельзя определить границы членов предложения, если они нам неизвестны заранее. Так, вопрос кто? что? в принципе может быть отнесен ко всей группе подлежащего. Так, в предложении мы с приятелем, человеком большой проницательности, долго обсуждали этот случай - вопрос

кто? может быть отнесен и к слову мы, и к сочетанию мы с приятелем, и ко всей группе мы с приятелем, человеком большой проницательности. Какой же из этих вариантов должен быть квалифицирован как подлежащее? Оказывается, мы должны уже предварительно знать границу подлежащего, чтобы правильно адресовать наш вопрос.

Далее, принято считать, что зависимость в предложении определяется тем, что мы ставим вопрос от главного слова к зависимому, а не наоборот. Но легко убедиться, что в принципе вопрос может быть задан в любом направлении. Определяя отношения в конструкции гребец в лодке, мы могли бы спросить: гребец — где? (или какой?), и в лодке — кто?, — и только предварительное знание отношений зависимости в данной конструкции заставляет нас избрать первый путь. Человеку, который не понял предварительно характера структурных отношений, очевидно, невозможно объяснить, в каком направлении он должен ставить вопрос для определения главного и зависимого слова.

Итак, выясняется, что постановка вопроса не может служить определителем структурных отношений в предложении, а напротив, сама оказывается возможной лишь на базе предварительного знания данных отношений. Представляется поэтому важным выяснить, каков в действительности механизм определения структуры предложения говорящим.

Понятие синтаксической зависимости.

Конфигурация. Типы синтаксических отношений.

Рассмотрим некоторое предложение, например, я пишу очень длинное письмо своему другу. Оказывается, что в данном предложении можно устранить некоторые элементы. Смысл предложения при этом, конечно, изменится (так сказать, "сократится"), но одно останется неизменным — предложение

останется правильным (то есть интуитивно оцениваемым говорящим в качестве такового) предложением русского языка. Это произойдет, если мы произведем, например, устранение слова очень, или слова своему. Но если мы попытаемся устранить элемент длинное, или другу, или пищу, мы разрушим наше предложение.

Такое устранение может иметь ряд последовательных этапов. Так, в нашем примере после того как мы устранили элемент очень (но не ранее), открывается возможность устранения элемента длинное, после этого, в свою очередь, оказывается возможно устранение слова письмо.

Операцию устранения некоторых элементов предложения без нарушения его правильности назовем свертыванием. Нетрудно убедиться, что в некоторой конструкции свертываемым является всегда элемент, интуитивно определяемый нами как зависимый в данной конструкции. Мы можем поэтому сказать, что наш механизм интуитивного определения зависимости в структуре предложения основывается на возможности и направлении свертывания данного предложения.

Столь же очевидно, что данный процесс может быть рассмотрен в обратном направлении. А именно, всякое предложение может быть развернуто определенным образом, путем добавления в его структуре некоторых элементов, без нарушения его правильности. Так, в любой конструкции, где нам встретится слово письмо, мы можем произвести развертывание, заменив его сочетанием длинное письмо и не нарушив при этом правильности построения. Этот процесс, обратный свертыванию, называется распространением предложения. При этом порядок распространения оказывается обратным порядку свертывания: те элементы, которые в составе предложения подлежат свертыванию в первую очередь, при распространении вводятся последними.

Здесь надо заметить, что говоря о правильности предложения, сохраняющейся при свертывании и распространении, мы имеем в виду грамматическую правильность. Грамматическую правильность можно считать ненарушенной при свер-

тивании (или распространении), если соблюдены два условия: а) построение может стать полностью правильным^I при условии замены некоторых из слов в его составе словами того же класса; б) синтаксические связи слов в результате операции распространения не изменяются.

Например, если мы произведем свертывание в конструкции — человек большого остроумия, то получим необычное сочетание слов человек остроумия. Однако связи слов остались тут прежними (по-прежнему словоформа остроумия относится к человек), и конструкцию можно сделать приемлемой во всех отношениях, заменив одно из слов другим существительным, например, человек слова. Следовательно, данная структура должна быть признана грамматически правильной. С другой стороны, в конструкции приехал знакомый писатель как будто бы можно свернуть слово писатель, в результате чего получится приемлемая фраза приехал знакомый. Однако при этом не соблюдается одно из наших условий: оказываются нарушены синтаксические связи — слово знакомый до свертывания не относилось к глаголу, теперь же вступает с ним в синтаксическое отношение. Следовательно, данное свертывание является неправильным.

Итак, свертывание и распространение состоит в замене в составе предложения некоторого отрезка другим: при свертывании — меньшим, при распространении — большим. Такие отрезки речи, взаимозаменяемые в любых позициях без нарушения грамматической правильности, мы будем называть синтаксически эквивалентными. Следовательно, некоторые отрезки А и В синтаксически эквивалентны, если в любой позиции, где будет встречен отрезок А, он может быть заменен отрезком В (xAy → xBy), и в любой позиции, где будет

^I Мы не определяем здесь само понятие правильности, предполагая, что правильность предложения может быть интуитивно определена говорящим на данном языке.

встречен отрезок В, он может быть заменен отрезком А без нарушения грамматической правильности¹.

Больший из синтаксически эквивалентных отрезков (содержащий большее число единиц, в которых определяются отрезки, в данном случае — большее число слов) называется конфигурацией. Элемент конфигурации, сохраняющийся в результате свертывания, называется результатирующим.

Конфигурация представляет собой конструкцию, характеризующую подчинительными (детерминативными) отношениями между элементами, причем результирующий элемент является главным, а свертываемый — зависимым. Схематически это изображают стрелкой, направленной от главного элемента к зависимому: большой дом, иду вверх и т. д.

Мы уже знаем, однако, что подчинение — лишь один из видов синтагматических отношений, наряду с сочинением и взаимной зависимостью. Последние также могут быть определены на основе свертывания.

В конфигурации свертываемым оказывается лишь зависимый элемент при главном, но не наоборот. Однако возможны такие конструкции, в которых свертываемыми оказываются равным образом оба элемента. Так, в сочетании красный и синий карандаш возможна замена отрезка красный и синий любым из этих слов без нарушения правильности. Такая возможность двустороннего свертывания конструкции говорит о ее констеллятивном характере.

Наконец, в конструкции вышли из лесу рассмотрим сочетание из лесу. Замена данного сочетания одним из элементов оказывается невозможной: равно неправильны сочетания вышли из и вышли лесу. Перед нами несвертываемая конструкция. Несвертываемость служит сигналом взаимной зависимости элементов.

¹ См. Е.В.Падучева, О понятии конфигурации, "Вопросы языкознания", 1965, № I.

Таким образом, на базе свертывания может быть определен механизм зависимости элементов в структуре предложения. Мы получили критерий, с помощью которого оказывается возможным объективно представить характер отношения между некоторыми словами в предложении.

Понятие синтаксического дерева.
Два способа представления структуры
предложения и их соотношения

Определив порядок зависимости между элементами предложения, мы можем представить теперь предложение в целом в виде схемы, на которой будут показаны структурные отношения. В принципе возможны различные схемы подобного рода. Простейшая из них — расстановка стрелок непосредственно в предложении.

Тучи над головой понемногу рассеялись¹.

Наиболее распространено, однако, представление структуры предложения в виде синтаксического дерева. Это — схема, на которой отношения подчинения между элементами соответствуют их расположению по вертикали — зависимый элемент располагается под главным, и к нему подводится стрелка. Тем самым элементы одной степени зависимости оказываются расположены на одной горизонтали. При этом дерево должно удовлетворять еще некоторым специальным условиям: а) оно должно иметь только одну вершину; б) к каждому узлу дерева должна подходить только одна стрелка; в) в пределах дерева не должно быть замкнутых циклов².

¹ В дальнейшем мы не будем специально оговаривать координативный характер сочетания предлога и существительного, считая эту несвертываемую конструкцию одним "узлом" в структуре предложения.

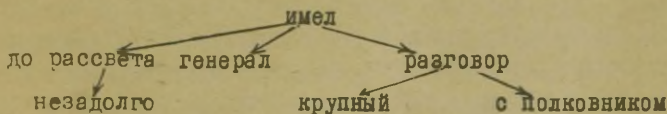
² Е.В.Падучева, О способах представления синтаксической структуры предложения, "Вопросы языкознания", 1964, № 2.

В рамках данных общих принципов в лингвистике разработаны два вида синтаксических деревьев, строящихся по разным правилам. Они получили названия деревя подчинения и деревя составляющих.

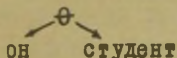
Дерево подчинения, разработанное французским синтаксистом Л.Теньером^I, строится по следующим правилам:

- на вершине дерева располагается глагольный элемент (собственно глагол или связка),
- подлежащее (номинатив) трактуется как управляемая глаголом форма, наряду с дополнениями,
- от каждого элемента может исходить любое число стрелок, соответствующее количеству зависимых от него элементов,
- порядок расположения элементов по горизонтали (слева направо) соответствует их линейному порядку следования в предложении.

Рассмотрим дерево подчинения предложения: Незадолго до рассвета генерал имел крупный разговор с полковником.

В условиях русского синтаксиса реализация данного вида дерева имеет одну специфическую трудность, связанную с тем, что в настоящем времени связка имеет нулевую форму. Таким образом, в предложении типа Он - студент отсутствует нулевой глагольный элемент, сигнализирующий о значении настоящего времени. Соответственно, в этом случае представляется целесообразным на вершине дерева подчинения помещать нулевой элемент:

^I L.Tesnière, *Eléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959.

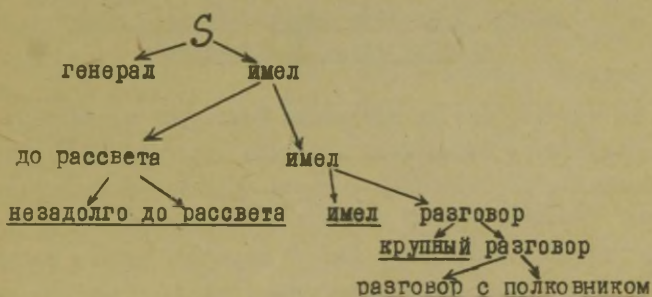
Такое решение, несмотря на некоторую внешнюю экстравагантность, представляется по существу правильным, так как структура данного предложения полностью соответствует структуре Он был студент, и естественно, что место на вершине нашего дерева занимает нулевое соответствие формы был. Кстати, чтобы правильно определить синтаксические связи, полезно нулевую форму связки при этом мысленно заменять не-нулевой формой (прошедшего или будущего времени).

Дерево составляющих было разработано в США. Его основные отличия состоят в следующем:

- на вершине дерева помещается символ S (от англ. sentence - "предложение"), соответствующий первичному представлению о предложении как нерасчлененном, глобальном образовании,
- дальнейший анализ строится путем последовательного членения некоторых отрезков в составе предложения на составляющие (откуда название дерева) в определенном порядке,
- первое членение соответствует группам подлежащего и сказуемого; данные группы на схеме представляют их заглавные элементы - номинатив и глагол,
- дальнейшее построение дерева происходит в виде развертывания каждого элемента путем подстановки вместо него бинарного сочетания данного элемента и его распространителя,
- при одном шаге развертывания всегда вводится только один распространитель; таким образом, от каждого узла дерева отходят всегда только две стрелки, - в этом состоит существенное отличие данного дерева от дерева подчинения,
- в случае необходимости введения ряда элементов одной степени подчинения порядок их введения произволен,
- порядок развертывания элементов по горизонтали соответствует линейному порядку в предложении,
- цепочка элементов, получаемых на концах дерева (то есть элементов, от которых не отходят стрелки), называется

терминальной; построение дерева считается законченным, если терминальная цепочка равна исходному предложению.

Построим дерево составляющих для избранного нами предложения.

(подчеркнуты члены терминальной цепочки).

Данные два дерева соответствуют двум операциям, производимым в структуре предложений: операции свертывания (в результате которого выясняется порядок подчинения элементов) и распространения. Мы можем поэтому сказать, что дерево подчинения соответствует операции анализа предложения (установления в нем структурных связей), а дерево составляющих - операции синтеза (развертывания) предложения. Данные два дерева представляют предложение как бы с точки зрения слушающего (воспринимающего структурные отношения в предложении) и говорящего (строящего предложение). Конечно, правила анализа и синтеза предложения тесно связаны и в конечном счете предполагают друг друга. Соответственно, имея одно дерево предложения, можно с помощью определенных правил перейти от него к другому дереву этого же предложения. Но все же можно сказать, что каждая из данных двух сторон единого в сущности процесса (анализ и синтез) выступает на первый план в одном каком-либо виде дерева. В этом смысле два указанных способа представления

структуры предложения являются взаимодополняющими. Использование того или иного из этих способов может оказаться более удобным в зависимости от характера поставленной задачи.

Вопрос о составе синтаксического ядра (главные члены предложения)

Мы видели, что на основании некоторых формальных приемов может быть обнаружена иерархия элементов в структуре предложения, отображением которой является синтаксическое дерево. При этом особый интерес представляет вопрос о том, какие элементы занимают в данной иерархии высшее положение, то есть являются несвертываемым ядром структуры предложения. Переводя данную задачу на язык традиционных понятий — необходимо выяснить, соответствует ли традиционное учение о подлежащем и сказуемом как "главных членах" тому представлению синтаксического ядра, которое получается в результате применения формальных методов обнаружения структурной зависимости.

Итак, традиционно ядерная структура представляется состоящей из двух членов — подлежащего и сказуемого, причем независимым элементом признается подлежащее, с которым сказуемое согласуется. Такой подход, однако, является далеко не бесспорным. Он не подтверждается ни ссылками на логическое строение фразы (поскольку далеко не всегда логический субъект выражается с помощью подлежащего), ни чисто структурными соображениями, поскольку ни подлежащее, ни сказуемое как будто не являются абсолютно необходимыми компонентами предложения, в связи с тем, что в языке существуют как бесподлежащие, так и бессказуемые предложения. Ссылка на "согласование сказуемого с подлежащим" тоже не может служить аргументом, так как для того чтобы узнать, что с чем в данном случае согласуется, надо

как раз определить сначала структурную иерархию согласуемых элементов.

Более того, поскольку именно сказуемое (вернее, его глагольный элемент) является носителем категорий, наиболее часто, почти всегда оформляющих предложение (времени и наклонения), именно последнее обычно признается в настоящее время центром предложения. В то же время подлежащее обнаруживает значительное функциональное сходство с дополнениями и может быть трактовано как управляемая глаголом форма (поскольку не все глаголы требуют при себе именительный падеж). Это привело к новой, в настоящее время широко распространенной концепции синтаксического ядра, согласно которой в состав последнего включается только сказуемое, а подлежащее рассматривается, наряду с дополнениями, как зависимый член.

Известно, что такой подход обладает рядом преимуществ, что и объясняет его быстрое распространение. Однако и при такой трактовке, в свою очередь, возникают некоторые вопросы. Во-первых, необъясненным остается существование бессказуемых предложений. Во-вторых, затуманивается одно важное формальное различие между подлежащим и дополнением: подлежащее корректирует со сказуемым (независимо от того, каким считать направление согласования) формы рода, числа, лица и падежа, тогда как любое дополнение корректирует относительно сказуемого только свою падежную форму.

Таким образом, оба подхода к определению ядерной структуры предложения объясняют только часть возникающих вопросов. Нам кажется, что это связано с рассмотрением данных подходов как альтернативных, из которых обязательно должен быть избран один, более подходящий для некоторых задач описания. Между тем, представляется более целесообразным структуру предложения описывать в двух разных (с точки зрения степени абстрагированности) планах, то есть произвести расщепление традиционного понятия "член предложения".

Назовем эти два плана функциональной и формальной структурой предложения.

Первая, более абстрактная, представляет собой наиболее обобщенные типы отношений, в отвлечении от морфологического выражения и механизма конкретных согласовательных связей. Функциональные синтаксические отношения оказываются тесно связаны с функциональными классами слов и задаются вместе с последними — собственно говоря, функциональные классы слов рассматриваются как группы, характеризуемые, в качестве "прямой" своей функции, одним определенным местом в системе функциональных синтаксических отношений.

В отличие от этого, формальные синтаксические отношения выявляются прежде всего на основе формальных показателей синтаксической связи — механизма свертывания и согласовательных (в широком смысле слова) связей между словами (которые, в свою очередь, тесно связаны с морфологическими свойствами соединяемых слов).

Таким образом, понятия функциональных и формальных синтаксических отношений не заменяют, а дополняют друг друга. Функциональные отношения представляют собой наиболее обобщенный идеальный остов всякой фразы, реализуемый с помощью различных языковых средств, между которыми осуществляются различные формальные механизмы соединения. Эти последние и составляют предмет рассмотрения в качестве формальных синтаксических отношений.

Следовательно, и понятие синтаксического ядра может рассматриваться в двух различных аспектах. С этой точки зрения, представление глагольного компонента как центра предложения имеет значительные преимущества в функциональном аспекте. В то же время недостатки такого представления, как мы видели, связаны с неодинаковостью формальных способов соединения подлежащего и дополнения с глаголом, различном механизме свертывания, то есть в формальном плане.

Это не значит, однако, что в данном плане автоматически следует предпочесть в качестве ядерной структуры конструкцию с подлежащим и сказуемым. В принципе здесь оказываются возможны три решения:

1) в состав ядерной структуры входит только сказуемое, сочетание подлежащего и сказуемого представляет собой одностороннюю детерминацию с главным словом — сказуемым (подлежащее — один из "актантов" предиката, наряду с дополнениями), то есть формальная и функциональная зависимость совпадают (в этом случае надо говорить о согласовании подлежащего со сказуемым, а не наоборот, как обычно);

2) в состав ядерной структуры входит только подлежащее, сочетание подлежащего и сказуемого представляет собой одностороннюю детерминацию с главным словом — подлежащим (сказуемое — одна из разновидностей атрибута), то есть направление функциональной и формальной зависимости противоположны (сказуемое согласуется с подлежащим);

3) в состав ядерной структуры входят как подлежащее, так и сказуемое, между ними — отношения взаимной зависимости (взаимосогласование).

Кроме того, разумеется, возможны еще различные варианты с введением в состав ядерной структуры также других элементов (например, прямого дополнения).

Наблюдения показывают, что механизм формальной зависимости (на основании которого и должна быть выделена формальная ядерная структура, то есть принято одно из предлагаемых решений) обнаружить нелегко.

В самом деле, наиболее очевидным показателем иерархии, детерминативных отношений является, как мы уже знаем, одностороннее свертывание некоторой конструкции. Отсутствие же свертывания в обе стороны дает "эксцентрическую конструкцию", характеризуемую отношениями взаимной зависимости. Но прямое применение данного приема в интересующем нас случае не дает желаемых результатов, по-

скольку в сочетании подлежащего и сказуемого возможно свертывание каждого из компонентов.

Более того, можно утверждать, что отношения в любом бинарном сочетании не могут быть показаны посредством механизма свертывания, так как в самом этом сочетании, взятом отдельно, свертывание всегда возможно в обе стороны: ведь любая словоформа может быть употреблена в изолированном положении, следовательно, допускает свертывание при себе другой словоформы. Поэтому механизм свертывания должен проверяться не в бинарных, а в тернарных сочетаниях. Здесь уже свертывание может быть односторонним, поскольку устранение несвертываемого члена может привести к образованию неправильного сочетания. Таким образом, мы можем сказать, что в конструкции В - С существует односторонняя зависимость (С зависит от В), если существует тернарное соединение А - В - С, в котором свертывание В невозможно, так как сочетание А - С формально неправильно, и не существует тернарных соединений В - С - Д, в котором невозможно было бы свертывание элемента С.

Данное определение, однако, еще недостаточно. Чтобы показать это, рассмотрим следующий пример. Сочетание прилагательного с существительным (высокий дом) может быть помещено в состав таких тернарных сочетаний, в которых несвертываемыми элементами окажутся либо одно, либо другое слово. Так, в сочетании строится высокий дом несвертываемо существительное, в сочетании очень высокий дом несвертываемо прилагательное. На основании сформулированного правила мы должны были бы заметить, что в данной конструкции перед нами двусторонняя зависимость; однако обращает на себя внимание неравноценность рассмотренных тернарных сочетаний: первое - со словом, от которого зависит проверяемое бинарное сочетание, второе - со словом, которое само является зависимым от одного из элементов рассматриваемого сочетания. Это обстоятельство позволяет признать данное сочетание случаем односторонней

зависимости с главным словом — действительным.

Мы можем, следовательно, так переформулировать наше правило: в конструкции В — С существует односторонняя зависимость (В — главный элемент), если имеется тернарное сочетание А — В — С, где А — главный элемент по отношению к В — С, в котором свертывание В невозможно, так как приводит к образованию формально неправильного соединения * А — С, и не существует ни одного такого тернарного сочетания В — С — Д, где Д — главный элемент по отношению к В — С, в котором свертывание С невозможно, так как приводит к образованию формально неправильного сочетания * В — С. Итак, диагностическим элементом, по которому определяется механизм свертывания (а вместе с тем и механизм зависимости) некоторого сочетания, может служить только главный по отношению к данному сочетанию элемент. Из этого правила с очевидностью следует, что характер свертывания может служить определителем зависимости только для периферийных элементов предложения, по отношению к которым известен, в качестве главного, ядерный элемент (или элементы). Последние не могут быть определены таким образом, так как для них не существует диагностического элемента (нет элементов, от которых зависели бы члены ядерной структуры, поскольку последние, по определению, занимают независимую позицию в структуре предложения).

Итак, соединение подлежащего и сказуемого (например, действительного и глагола) мы можем включить в такие тернарные конструкции, в которых несвертываемым может оказаться как один, так и другой из этих элементов (ср. пассажир парохода читает и пассажир читает книгу), но из этого не следует вывод о характере их зависимости, так как неизвестно, являются ли данные сочетания диагностическими, или нет, или диагностическим является только одно из них. Ведь зависимый характер элементов парохода и книгу (а вместе с тем — и недиагностический характер данных сочетаний) мы можем показать лишь после того, как

признаем интересующие нас элементы главными, то есть ядерными. Положение еще более усложняется благодаря тому, что существуют элементы, зависимые как от имени, так и от глагола, при которых, тем не менее, имя или глагол могут быть свернуты без нарушения формальной правильности. Для имени это — местоименные прилагательные, которые могут соединяться с глаголом и без посредства слова субстантивного класса (и без субстантивации, в отличие от собственно прилагательных). Ср.: этот человек пришел —> этот пришел. Для глагола — это обстоятельственные конструкции (наречия или именные сочетания) которые могут соединяться и непосредственно с подлежащим. Ср.: Он отправился в лес — Он в лес. В этом, кстати, заключается их отличие от дополнений, которые, в случае опущения глагола, либо вовсе не могут сочетаться с подлежащим, либо переосмысляются, принимая обстоятельственный или атрибутивный оттенок. Ср.: дом строится из кирпича — дом — из кирпича. Следовательно, необходимо отыскать какие-то иные признаки, на основании которых могли бы быть определены отношения в интересующем нас сочетании.

Поскольку речь идет об определении формальной ядерной структуры (в указанном выше смысле), эти признаки должны лежать в плане согласовательных связей и дистрибутивных возможностей соединяемых слов. Рассмотрим с этой точки зрения предложенные ранее варианты.

Первый вариант — подлежащее приравнивается к дополнению, именительный падеж рассматривается как управляемый. Против такого решения может быть выдвинуто несколько соображений.

Во-первых, средства связи у подлежащего (именительного падежа) со сказуемым (глаголом или связкой) иные, чем у дополнения. Дополнение корректирует относительно сказуемого только форму падежа, подлежащее, кроме формы падежа, еще формы лица, числа и рода. Последние у дополнения всегда являются свободными, не зависящими от сказуемого.

Далее, любая форма косвенного падежа может сочетаться лишь с определенными группами глаголов. Сочетаемость именительного падежа с глаголом обладает большей регулярностью: за вычетом небольшой группы безличных глаголов, все слова вербального класса сочетаются с именительным падежом.

Следовательно, перед нами соединение особого рода — более тесное и в то же время более регулярное, чем сочетание глагола с дополнением. В то же время зависимость подлежащего от глагола не проявляется здесь так отчетливо, как зависимость дополнения. Дело в том, что сочетания глагола с косвенным падежом характеризуются различной силой сцепления между словами, определяемой обычно как сила глагольного управления. Между тем сочетание именительного падежа с глаголом не может быть рассмотрено в категориях сильного-слабого управления, поскольку сила сцепления в этом случае, по-видимому, всегда одинакова. Поскольку сила управления зависит от глагола, а не от имени, сочетающегося с глаголом, можно сказать, что в этом плане косвенный падеж имени обнаруживает зависимость от глагола, а именительный — не обнаруживает.

Все это позволяет сделать вывод о том, что подлежащее не может быть приравнено к дополнению и рассмотрено наряду с дополнением как зависимая от сказуемого форма.

Второй вариант — сказуемое приравнивается к определению, как согласуемая с подлежащим форма. Однако отличия сказуемого от определения еще более очевидны, чем отличия подлежащего от дополнения, и в то же время (что важно отметить) имеют ту же природу. Во-первых, связь подлежащего и сказуемого более тесная, чем связь подлежащего и определения: между последними возможны согласовательные связи по категориям рода, числа, падежа, а в сочетании сказуемого и подлежащего корректируются формы лица, числа, рода у сказуемого и лица, числа, рода, падежа у подлежащего. Во-вторых, главное, и здесь зависи-

мость сказуемого от подлежащего (в отличие от зависимости определения) не имеет одностороннего характера, Действительно, определение не оказывает никакого влияния на грамматическую форму определяемого слова, а согласуется с последним независимо от того, в какой падежной форме оно стоит. Сказуемое же, как мы уже упоминали, согласуется только с именем, стоящим в определенной грамматической форме — форме именительного падежа, то есть, в отличие от определения, сказуемое оказывает влияние на грамматическую форму сочетавшегося с ним имени, "выбирает" для себя эту форму. Следовательно, и данный вариант решения должен быть отвергнут — нельзя приравнять сказуемое к определению и рассматривать его как односторонне зависимое от подлежащего слово.

Итак, представление сочетания подлежащего со сказуемым как односторонней детерминации не подтверждается с формальной точки зрения, то есть характером соединения данных элементов в предложении. Отсюда, методом от противного, можно заключить, что опровержение первых двух вариантов служит косвенным подтверждением третьего, то есть в формальном плане подлежащее (именительный падеж слов субстантивного класса и его заместители) и сказуемое (слова вербального класса) находятся в отношении взаимного подчинения и образуют ядерную структуру предложения^I.

Морфолого-синтаксическая связь слов

В речи слова расположены линейно, друг за другом. Однако цепочка слов, составляющая предложение, может быть представлена в виде структуры, с точки зрения отношений

^I Из сказанного вытекает также, что дополнения (в том числе прямые) не входят в состав ядерной структуры, в силу показанных отличий сочетаний глагола с любым косвенным падежом от сочетания с именительным падежом.

между членами этой цепочки. Данное представление уже не является линейным: порядок зависимости слов и характер этой зависимости не всегда совпадает с их линейным расположением. Поэтому необходимы какие-то показатели, сигналы, по которым мы в линейной последовательности слов обнаруживаем некоторые нелинейные отношения. Эти сигналы могут быть различными. В данной роли могут использоваться такие, преимущественно синтаксические, средства, как интонация и определенный характер линейного расположения. В некоторых языках данные средства являются основными, но в русском языке они не играют существенной роли. С другой стороны, в роли сигналов структурных отношений между словами может быть использовано некоторое соотношение материальной формы самих этих слов. Такое соотношение, служащее для выражения синтаксических отношений, называют морфолого-синтаксической связью (поскольку соотносимыми чаще всего оказываются словоизменительные формы слов, составляющие их морфологическую характеристику).

Со времен "Исторической грамматики" Ф.И.Буслаева в русском синтаксисе принято выделять три типа морфолого-синтаксической связи:

а) согласование, определяемое обычно как уподобление зависимого слова главному по форме: большой дом,

б) управление, то есть такая связь, когда главное слово требует постановки зависимого в определенной форме, хотя уподобления форм здесь не происходит. Примером управления служит сочетание глагола и зависимого существительного (с предлогом и без предлога): писать письмо, выйти из комнаты и т.д.

в) примкание - связь, не выражаемая непосредственно формами зависимого слова (чаще всего - неизменяемого), так сказать, "нулевая" морфолого-синтаксическая связь: быстро бегать. Данные определения прочно укоренились, в особенности в практике преподавания языка, стали традиционно-привычными. Между тем более внимательный их анализ поз-

воляет обнаружить значительные изъяны и противоречия данной теории. Попытаемся показать и, по возможности, устранить данные противоречия.

Традиционная теория словосочетания рассматривает все типы связи слов как подчинительные: зависимое слово согласуется, управляется или примыкает к главному. Такой подход, однако, вступает в серьезное противоречие с определением связи подлежащего и сказуемого как согласования. В самом деле, если согласование — это "такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями...", причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому¹, — то согласованием нельзя назвать связь подлежащего и сказуемого, связь, в которой оба главных члена взаимно предполагают друг друга. Ведь сам факт подобия двух слов в тексте еще ничего не говорит о том, какое из них является согласуемым: о словосочетании большой дом с этой точки зрения с равным успехом можно было бы сказать, что существительное дом требует постановки прилагательного в мужском роде, единственном числе и именительном падеже, и что прилагательное большой требует постановки при себе существительного мужского рода и т.д. Определить, какое из этих слов согласуется с другим, можно только исходя из отношений этих слов в структуре предложения. С этой точки зрения уже можно установить, что большой дом — конфигурация, ядерным элементом которой является слово дом, а распространителем — слово большой. Поскольку мы исходим из гипотезы о том, что предложение порождается говорящим, слово дом оказывается порождено на более раннем этапе, из чего уже с несомненностью вытекает, что форма слова большой подстраивается к форме существительного, а не наоборот. Но сочетание подлежащего и сказуемого не является конфигурацией ни подлежащего, ни ска-

¹ Грамматика русского языка, т. П, ч. I, м., АН СССР, 1960, стр. 22.

зуемого, а представляет собой несвертываемое ядро предложения. Поэтому здесь мы имеем столько же оснований утверждать, что сказуемое согласуется с подлежащим, как и то, что подлежащее согласуется со сказуемым. Таким образом, определение сказуемого как члена предложения, грамматически зависящего от подлежащего, противоречит анализу структурного механизма предложения (даже оставаясь в рамках традиционных понятий, это противоречит определению сказуемого как главного члена предложения).

Таким образом, определение типов связи слов как только подчинительных вступает в непримиримое противоречие с необходимостью применить данные понятия к случаям, явно выходящим за рамки подчинительных отношений.

Более радикальным представляется такое решение данного вопроса, при котором связь между подлежащим и сказуемым признается согласованием, однако согласованием особого рода. Так, М.В. Панов считает этот случай особым, четвертым (наряду с согласованием, управлением и примыканием) типом связи, который он называет взаимосогласованием (М.В. Панов, Русский язык, в кн.: "Язички народов СССР", т. I, АН СССР, М., 1960).

Положительной стороной данного подхода является признание отношений между подлежащим и сказуемым согласованием и в то же время отличия этой конструкции от подчинительного словосочетания. Однако при этом не учитывается, что разница между "взаимосогласованием" и обычным согласованием в детерминативной синтагме заключается не в технике согласовательных связей (она в этих случаях идентична), а лишь в характере структурных отношений между словами в предложении.

Более того, обычно сочинительные связи не рассматриваются в качестве словосочетаний. Тем самым и вопрос о согласовании, управлении или примыкании применительно к этому виду отношений не ставится. А между тем здесь можно также наблюдать явления, представляющие собой извест-

ный аналог рассматриваемым нами понятиям. Так, в примере красные, синие, зеленые шары обязательно не только согласование каждого из зависимых слов с главным, но и (тем самым) согласование форм зависимых слов между собой (по крайней мере по падежу). С другой стороны, в примере большой дом с флигелем подчиненные элементы не согласуются между собой, а "примыкают" друг к другу. О том, что здесь налицо именно разные отношения в пределах сочинительного сочетания, свидетельствует тот факт, что разные виды согласуемых сочинительных цепочек с неодинаковой легкостью могут быть трансформированы в примыкающие. Например, весьма естественна трансформация: большой кирпичный дом → большой дом из кирпича. Но гораздо менее обычной (хотя и не совсем невозможной) выглядит трансформация: красные и синие карандаши → карандаши красные и синего цвета.

Следовательно, и здесь теория словосочетания обнаруживает резкую асимметричность, принципиально различным образом квалифицируя в разных случаях аналогичные явления.

Чтобы избежать этих недостатков, необходимо отказаться от традиционного ограничения явлений согласования, управления и примыкания сферой одних лишь подчинительных отношений. Понятия подчинения, сочинения и координации, с одной стороны, и понятия согласования, управления и примыкания, с другой, — это понятия принципиально разных планов, не сводимые одни к другим.

В самом деле, первый ряд понятий касается вопроса о том, каков характер структурных отношений между словами — подчиняется ли одно слово другому, или слова находятся между собой в определенных равноправных отношениях. Понятия второго ряда касаются вопроса о том, как выражены данные отношения — путем приведения в соответствие форм слов или каким-либо иным способом. Данные два ряда относятся друг к другу, как план содержания (внутренний) и план выражения (внешний). При этом, поскольку в общем ви-

Де известно, что между единицами плана содержания и плана выражения нет одно-однозначного соответствия, нет оснований полагать и в данном случае, что некоторые средства плана выражения синтагматических отношений будут относиться к одной, и только одной, единице плана содержания (в частности, к понятию подчинительных отношений).

Итак, в теории, рассматривающей связи между словами, необходимо выделить два плана. Первый план — это отношения слов с точки зрения зависимости. Это, как мы уже сказали, внутренний план словесной связи, составляющий ее содержание и обнаруживаемый лишь после анализа структуры словосочетания. Здесь могут быть выделены три уже известные нам типа отношений.

Второй план словесных связей — внешний. Он касается формальных способов выражения отношений между словами. Если названные выше отношения характеризуют структурный план, структурную иерархию словесных соединений, то, соответственно, должны существовать некоторые формальные средства, которые служили бы сигналами данных отношений при линейном развертывании словесных цепочек, сигналами, которые показывали бы, какие слова в линейном тексте структурно связаны между собой. Роль таких сигналов в языке выполняет определенное соотношение форм слов, между которыми существуют некоторые структурные отношения. Видами этого соотношения и являются согласование, управление и примыкание. Например, в предложении Веселый в этот день был у наших соседей праздник мы опознаем структурную связь слов веселый и праздник, хотя линейно эти слова не сопоставлены, благодаря наличию согласования. Мы относим прилагательное веселый к существительному праздник, а не к другим существительным в этом предложении, только в результате рассмотрения, с чем данное прилагательное согласовано. Поскольку данные разновидности сигнализируют лишь о самом факте наличия связи между соответствующими словами, они используются при всех

шпах отношений. При этом механизм согласования (и других видов связи) зависит от характера отношений, которые в данном случае реализуются.

При детерминации зависимость односторонняя, поэтому и внешняя соотношенность связываемых слов носит односторонний характер: зависимое слово соотносится с главным. При координации, дающей взаимную зависимость, соответственно изменяется и механизм соотношения слов: последнее становится взаимным, перед нами как бы две детерминативные связи, направленные в противоположные стороны¹. То же можно сказать и о констелляции, с той лишь разницей, что здесь перед нами не необходимая связь форм, а лишь их взаимное соотношение, которое легко может быть нарушено путем устранения одного из членов констелляции. Таким образом, детерминация форм (требование одной формы другой) является фундаментальным явлением в теории средств выражения связи между словами, которое имеет место не только при выражении собственно детерминативных, но и координативных и констеллятивных отношений. В последних двух случаях детерминация форм носит двусторонне направленный характер.

Вот почему ограничение теории связи между словами сферой одних лишь детерминативных отношений представляется неправомерным. Более того, поскольку, как мы видим, соотношение слов в тексте имеет различный характер (двусторонний или односторонний), в зависимости от типа выражаемых отношений, мы должны каждое из средств связи рассматривать в трех измерениях, в трех разновидностях. Например, следует говорить, как о разновидностях согласования, о согласовании взаимносвязанном (координативном), взаимно-свободном (констеллятивном) и одностороннем

¹ При этом, поскольку слова в координативном соединении могут обладать разными категориями, эти взаимно противоположные детерминации могут носить различный характер: каждое слово оказывается детерминировано с точки зрения тех категорий, которыми оно обладает.

(детерминативном). То же самое относится, разумеется, и к управлению, и к примыканию.

Итак, каждое словесное соединение может быть определено в двух планах: с точки зрения типа структурных отношений между словами и с точки зрения способа, при помощи которого выражаются эти отношения. В общем виде мы должны поэтому ожидать наличия в языке девяти типов связей между словами.

средства ха- вырази- ра- жения тер от- ношений	согласование	управление	примыкание
координация	координативное согласование	координативное управление	координативное примыкание
детерминация	детерминатив- ное согласо- вание	детерминатив- ное управле- ние	детерминатив- ное примыка- ние
конstellация	конstellатив- ное согласо- вание	конstellатив- ное управле- ние	конstellатив- ное примы- кание

Таким образом, говоря о зависимости форм слов в тексте, мы будем различать в качестве вариантов случаи, когда эта зависимость носит только однонаправленный характер (от одного слова к другому) или сопровождается встречной зависимостью.

Однако прежде чем интерпретировать полученные классы, необходимо более подробно остановиться на рассмотрении самих средств выражения связи. Дело в том, что обычно практикуемые в литературе определения страдают известной расплывчатостью (даже если ограничиваться сферой только детерминативных отношений, на которых они базируются) и потому нуждаются в ряде уточнений.

Начнем с того, что согласование и управление оказы-

ваются недостаточно четко отграничены друг от друга. Особенно бросается в глаза расплывчатость определения управления как требования постановки зависимого слова в определенной форме. Ведь и при согласовании налицо данное требование (вообще это характеризует не один из видов выражения отношений, а сами детерминативные отношения). Но, может быть, мы отличаем согласование как такой вид связи, при котором происходит формальное уподобление слов, от управления как такого типа, где уподобления не происходит? Однако и это не вполне справедливо; по крайней мере, данный признак не выдерживается последовательно при интерпретации данных понятий на материале. В частности, говорится, что в соединении дом стоит происходит согласование по лицу. Но как может быть здесь согласование, то есть "уподобление форм", если существительное вообще не имеет форм лица? Чему же "уподобляется" форма глагола? На данное противоречие уже обращалось внимание в литературе, в связи с чем предлагалось считать этот случай управлением¹. Но и это не спасает положения, поскольку существуют случаи управления, когда форма главного и зависимого слова подобны; в примере книга жены брата отношение слов жены брата характеризуют обычно как управление, но оба слова имеют форму родительного падежа, следовательно, если придерживаться буквы исходных определений, надо сказать, что в сочетании жена брата имеет место управление, а в сочетании жены брата — согласование.

¹ См. С.И.Сятковский, К вопросу о грамматических категориях, НДВШ, "Филологические науки", 1966, № I.
Я.Светлик, Русский синтаксис в сопоставлении со словацким, Братислава, 1966, стр. 16. Характерно также в этой связи, что связь с существительным по роду (прилагательного или глагола) в некоторых работах получила название управляющего согласования (governmental concord). Ср.: Ch.F.Hockett, A course in modern linguistics, N.Y., 1963, p.114.

Таким образом, последовательное применение даваемых грамматикой определений либо вообще не дает возможности интерпретации их на материале, либо приводит к результатам, значительно отличающимся от тех, что закреплены традицией. Это позволяет нам утверждать, что квалификация типов связи в тексте основывается не на определениях (так как не может быть выведена из последних), а на заданных исходных списках явлений, квалифицируемых как согласование или как управление. Не случайно этот список (перечисление разрядов слов, объединяемых данным видом связи, и категорий, по которым она осуществляется) дается уже в общем определении типа связи как его составная часть.

Аналогичным образом обстоит дело и при разграничении управления и примыкания. Хорошо известно, какие трудности создает постепенная градация по силе управления в различных сочетаниях, существующая в языке. Невозможно установить, где кончается требование постановки зависимого слова в определенной форме (управление) и начинается свободное примыкание зависимого слова к главному.

В связи с этим делается иногда попытка рассмотреть примыкание как присоединение "слова, не имеющего форм словоизменения, к слову, имеющему такие формы"¹. Однако этому определению опять-таки противоречит реальная интерпретация фактов, в частности, выделение именного примыкания, при котором в роли примыкающего оказывается слово с формами словоизменения². Но даже если отказаться от понятия именного примыкания, проблемы это не решит: ведь именные конструкции в языке адвербиализуются, причем данный процесс также имеет постепенную градацию, так что во многих случаях нельзя сказать, застыла ли данная именная конструкция в форме наречия (то есть потеряла словоизме-

¹ "Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка", изд. "Наука", М., 1966, стр. 138.

² Там же, стр. 141-142.

нение, связь с другими формами), или еще принадлежит именной парадигме.

Итак, приходится констатировать, что для интерпретации согласования, управления и примыкания как универсальных понятий, характеризующих типы выражения синтагматических отношений, необходимо непротиворечивое определение данных понятий. Чтобы добиться этого, надо строить определения так, чтобы определяемые классы не пересекались и не образовывали бы "разрывов", то есть не оставляли бы случаев, не покрываемых этими классами.

Мы имели возможность убедиться, что обычно практикуемые определения интересующих нас явлений не удовлетворяют этому требованию. Их главный недостаток состоит в том, что определения не соотносятся друг с другом. Каждый тип связи определяется сам по себе, на основании какого-то своего собственного признака (согласование — как уподобление форм, управление — как требование определенной формы, примыкание — как отнесение неизменяемого зависимого слова), а не в противопоставлениях с другими типами. Даже в тех случаях, когда имеются попытки создать единую систему определений (как мы наблюдаем это у И.В. Павнова), исходят из тех же традиционных трех классов, ввиду чего вопрос о возможном наличии разрывов между этими классами даже не обсуждается. Именно этим объясняются легко обнаруживаемые пересечения и разрывы между классами, образующимися на основе данных определений. Следовательно, необходимы какие-то другие определения, в основу которых были бы положены такие признаки, которые обеспечивали бы исчерпывающее и непротиворечивое представление классов синтаксической связи. Возникает вопрос — какие именно? Чтобы ответить на этот вопрос, построим наши рассуждения, отправляясь сначала от наиболее бесспорных, так сказать, классических случаев согласования, управления и примыкания, случаев, составляющих ядро данных типов. Такими случаями для русского языка можно считать, например,

согласование прилагательного с существительным, управление глагола косвенным падежом существительного, примыкание наречия к глаголу. Интуиция явно подсказывает нам, что эти случаи различаются. На чем же основано это интуитивное определение различия?

Попытаемся построить модель типов связи так, чтобы определения были логически непротиворечивы, и в то же время с таким расчетом, чтобы с помощью данных определений можно было надежно показать различие между ядерными случаями.

Выше мы сделали вывод о том, что согласование, управление и примыкание — это средства, с помощью которых выявляются структурные отношения в линейной цепи фразы. В общем виде эти средства состоят в некотором внешне выраженном соотношении слов между собой. Следовательно, возникает естественный вопрос — как происходит такое соотношение, что именно соотносится у слов, связь между которыми выражена исследуемыми типами? Именно здесь, как нам кажется, заключаются фундаментальные различия последних.

При согласовании зависимыми оказываются формы слов. Изменение словоформы одного слова влечет за собой изменение формы другого слова (разумеется, этот процесс носит односторонний характер при детерминации и взаимный — при координации). Таковы взаимные изменения форм рода, лица, числа у личного местоимения и глагола, изменение числа и падежа у прилагательного при существительном. В других случаях форма одного слова зависит от лексико-грамматического разряда второго (согласование рода у существительного и глагола, прилагательного и существительного). Поскольку лексико-грамматический разряд слова, так же как и его форма, определяется грамматическим оформлением, можно сказать в общем виде, что при согласовании существенной, "работающей" частью слов, при помощи которой слова соотносятся друг с другом, является эта последняя. Несколько упрощая ситуацию, можно, вслед за М.В.Пановым,

определить (по крайней мере для русского языка — языка, имеющего словоизменение), что согласование — это соотнесение флексий¹.

С другой стороны, при управлении соотнесения формальных признаков не происходит. Форма одного слова может изменяться, но требуемая форма другого слова остается той же. Но если при согласовании лексическая характеристика слова была безразлична (соотносились пары флексий, к которым можно было присоединить любые возможные в этих случаях основы), то в случае управления картина меняется именно с заменой одного слова другим. Итак, управление — это вид связи, для которого существенны не грамматические, а лексические характеристики слова, не правила сочетаемости определенных грамматических форм, а правила сочетаемости отдельных конкретных слов. Если о согласовании в принципе можно было сказать, что зависимое слово соотносит свою форму с флексией главного, то в этом случае (тоже несколько упрощая ситуацию), можно констатировать, что форма зависимого слова соотносится с основой главного. "Субъектом" согласования выступала лишь одна из форм, образующих словоизменительную парадигму, но зато именно как абстрактная форма, в полном отвлечении от того, какому именно слову она принадлежит. "Субъектом" управления выступает уже слово в целом, слово-лексема во всей совокупности своих форм, но и во всей своей лексической конкретности², с присущими только ему (в отличие от других слов

¹ Это упрощенное определение не учитывает таких явлений, как нулевая флексия, супплетивизм, дефектные парадигмы. Учитывая эти случаи, согласование можно рассматривать как соотнесение формальных признаков слов.

² Здесь необходима важная оговорка, что все эти определения ограничены пределами некоторого одного грамматического класса (части речи). У слов разных частей речи механизм согласования может быть различным, даже если речь идет об общей для них категории. Так, механизм согласования по падежу у числительного с существительным и у двух существительных различен (о чем подробнее будет сказано дальше). Аналогично слова разных частей речи, даже принадлежащие к одному лексико-семантическому разряду (имеющие общую основу), могут иметь различное управление.

этого же грамматического разряда) свойствами сочетаемости. Различия в согласовании и управлении могут быть продемонстрированы следующим образом.

Веселая пародия на спектакль Свежий порез на пальце
Веселой пародии на спектакль Свежего пореза на пальце
Веселых пародий на спектакль Свежих порезов на пальце

и т.д.

Поскольку в наше определение согласования и управления не вошел, как видим, признак подобия форм главного и зависимого слова, вполне естественно предположить, что оба эти типа могут реализоваться как в сочетаниях с тождественными, так и с нетождественными формами слов. Мы уже видели, что среди управляющих конструкций это явление действительно наблюдается: ведь если главное слово может изменяться, оставляя зависимое неизменным, то неизбежен случай (если категории управляющего и управляемого слова совпадают), когда формы двух слов будут тождественны.

Менее очевидным выглядит вывод о том, что совпадение форм не обязательно при согласовании. Но это действительно может иметь место при согласовании, что и учитывается (бессознательно) традиционной грамматикой при квалификации связи имени и глагола как согласования по лицу. Здесь нет, конечно, уподобления форм, так как у имени нет форм лица, но здесь налицо требование (в данном случае взаимное) определенной формой одного слова определенной формы другого слова. Такими взаимно тяготеющими формами являются именительный падеж существительного и третье лицо глагола. Изменение одной из этих форм делает необязательной (или даже невозможной) другую форму. Так, при постановке существительного в форме любого другого падежа (такого, при котором сохраняется его связь с глаголом) делается возможной постановка глагола в форме любого лица. И обратно — изменение формы лица у глагола ведет к возможности (или даже необходимости) замены именительного падежа у существительного.

Наконец, примыкание представляет собой вид связи, при которой равно несущественным является как форма, так и выбор лексического разряда главного слова. В пределах одного формального класса (части речи) мы можем употребить любое слово в любой форме — форма примыкающего к нему слова не изменится^I. Наиболее очевидным образом это произойдет, если в роли примыкающего окажется неизменяемое слово. Но и слова изменяемые могут выступать в роли примыкающих, если они стоят в форме, которая оказывается "совместима" с любым словом (и любой формой) того класса, к которому они отнесены. Таковы многие конструкции с существительным, выражающие обстоятельственные отношения, то есть то, что называется обычно именным примыканием.

Предлагаемая интерпретация различия между управлением и примыканием позволяет, во-первых, устранить парадокс, состоящий в том, что примыкание объявляется свойством неизменяемых слов, а затем в качестве примыкающих интерпретируются именные конструкции. Во-вторых, главное, при таком подходе управление и примыкание образуют два дискретных класса, различие между которыми — не количественное (по силе требования постановки подчиненного слова в определенной форме), а качественное: форма управляемого слова меняется с изменением управляющего слова, форма примыкающего слова при этом останется неизменной

---

^I Мы будем в дальнейшем называть лексическим, или дистрибутивным, классом такую группу слов в пределах одного грамматического класса (части речи), которая не отличается от других слов той же части речи своими грамматическими формами, но обнаруживает отличия в правилах сочетаемости с другими словами. Действительно, в пределах одного грамматического класса, члены которого не обязательно обладают абсолютно тождественной дистрибуцией, можно выделить подклассы полностью взаимозаменяемых слов. Эти группы и являются дистрибутивными классами.

(если главное слово варьируется в пределах одной части речи)^I.

Например, конструкция Гл. + Сущ.^{Вин.} является случаем управления, так как постановка существительного в винительном падеже возможна не при всех глаголах. С другой стороны, конструкция Гл. + около + Сущ.^{Род.} является случаем примыкания, так как присоединение данной предложно-падежной конструкции возможно к любому глаголу.

Поскольку в нашем определении примыкания критерий неизменяемости зависимого слова отсутствовал, представлялось естественным наличие в роли примыкающих и изменяемых слов. Однако не менее естественным образом из этого должно следовать, что при других видах связи в роли зависимого вовсе не обязательно должно выступать слово, имеющее формы, а вполне возможно также неизменяемое слово. В этом случае не форма, а сама возможность постановки зависимого слова в связи с главным определяется формой главного слова (согласование) или его дистрибутивными возможностями (управление). Примером первого из этих двух случаев является сочетание именительного падежа с индикативом: сама возможность постановки индикатива в связи, например, с личным местоимением обусловлена формой именительного падежа последнего (он кричал). Примером второго случая может быть сочетание глагола с инфинитивом: последний возможен лишь при некоторых глаголах (в любой форме).

Последний случай интересен еще тем, что обычно он квалифицируется как примыкание, применение же предложной здесь системы понятий заставляет поместить его среди случаев дистрибутивного управления. Нам представляется,

^I Конечно, определение того, является ли собой та или иная конкретная конструкция случай управления или примыкания, с учетом предложного критерия, остается нелегкой задачей, так как решение ее (за исключением немногих очевидных случаев) должно сопровождаться "перебором" большого числа вариантов. Однако важно то, что в принципе данная задача становится выполнимой на твердой формальной основе.

что такая интерпретация имеет некоторые преимущества. Действительно, при этом мы избегаем неоправданного объединения инфинитивного оборота с наречными и именными конструкциями обстоятельственного характера, которые и по своим функциям (детерминативы), и по степени обязательности при главном слове резко от него отличаются, и в то же время объединяем инфинитивный оборот с объектными приглагольными именными конструкциями, с которыми он тесно связан (показателем чего является, в частности, возможность во многих случаях трансформации инфинитива в приглагольной позиции в существительное и обратно).

Итак, соотнесение зависимого слова с главным словом данной части речи может происходить:

- 1) с учетом грамматической (или лексико-грамматической) характеристики главного слова (согласование);
- 2) с учетом дистрибутивной характеристики главного слова (управление);
- 3) независимо как от грамматической, так и от дистрибутивной характеристики главного слова (примыкание).

Теперь наши определения классов взаимно соотнесены, строятся на основе одних и тех же признаков. В результате удается избавиться от одного недостатка традиционной классификации — пересечения классов. Действительно, все полученные нами до сих пор (на базе введенных определений) классы оказались дискретными. Однако сохраняется второй существенный недостаток — наличие разрывов между классами, случаев, не учитываемых классификацией.

В самом деле, представив отнесенность к форме и к дистрибутивному разряду как дифференциальные признаки, характеризующие типы связи, получим следующее распределение этих признаков по нашим типам:

1) согласование:	+	-
2) управление:	-	+
3) примыкание:	-	-

Из этого с очевидностью вытекает возможность наличия

четвертого типа (+ +), при котором форма зависимого слова определялась бы как выбором главного слова, так и его формой, то есть сочеталось бы согласование и управление. Такой случай действительно имеет место в русском языке. Данное явление мы наблюдаем, в частности, в отношениях количественного числительного и существительного по категории числа. Форма числа существительного определяется (по крайней мере в некоторых случаях) формой управляющего слова: два стола, но двух столов. Следовательно, перед нами формальное управление. Но форма числа у существительного определяется также самим выбором числительного: два стола — пять столов. Перед нами, следовательно, совмещение согласования и управления.

Данный случай можно назвать полным согласованием, в отличие от известного нам ранее явления, которое назовем теперь формальным согласованием. Таким образом, соотношение определений типов морфолого-синтаксической связи между собой приводит к необходимости введения дополнительного четвертого типа.

Каждый из полученных классов может в принципе сигнализировать о трех различных типах отношений (о чем говорилось выше), выступая тем самым в трех разновидностях. С учетом последних полная типология синтагматических связей слов должна охватывать 12 случаев.

Рассмотрим теперь, в рамках построенной основной классификации, некоторые дополнительные разбиения на подклассы. Мы имеем в виду обычно трактуемое различие сильного и слабого управления (и иногда также — сильного и слабого примыкания).

Данные подтипы выделяются в зависимости от того, насколько отчетливо требование постановки зависимого слова в определенной форме (при управлении) и самого наличия этого слова при главном (в случае примыкания). Так, в синтагмах надеюсь на помощь или поднимаюсь вверх это требование, очевидно, сильнее, чем в синтагмах пишу карандашом или бегу быстро.

Однако провести сколько-нибудь четкую границу здесь не удастся, поскольку буквально каждая синтагма отличается с точки зрения данного признака индивидуальной характеристикой, так что интуитивное выделение некоторых "явно сильных" и "явно слабых" синтагм не позволяет четко использовать данные понятия на всем множестве синтагм, встречаемых в речи.

Но еще более серьезным недостатком традиционного подхода к данной проблеме нам представляется смешение двух планов — плана структурных отношений и плана сигнализации об этих отношениях в линейной цепи, то есть то самое смешение, которое характерно и для всего учения о согласовании, управлении и примыкании в целом. Вопрос о силе управления обычно подразумевает (хотя и в неявном виде) два, и притом существенно различных, вопроса. Первый касается характера структурных отношений между словами: насколько наличие одного слова в тексте предполагает наличие и другого, насколько данные слова "нуждаются" друг в друге при построении структурно полного высказывания. Второй вопрос — насколько жестко соотносено внешнее оформление связываемых слов, по которому опознается их связь. Ответы на эти два вопроса определяются различными факторами и потому отнюдь не вытекают один из другого.

Итак, при определении понятий сильной и слабой связи необходимо последовательное разграничение внутреннего и внешнего плана структурных отношений. Мы уже говорили о том, что внутренний план — это характер отношений между единицами в структуре (координация, подчинение, сочинение). Внешний план — это характер сигнализации о структурной связи, применяемой в линейной цепи. Соответственно и понятия сильной и слабой связи могут быть рассмотрены как во внутреннем, так и во внешнем плане.

Иными словами, необходимо говорить раздельно о сильной и слабой координации, детерминации и констелляции, с одной стороны, и о сильном и слабом управлении, примыка-

нии и согласовании, с другой. Какие явления могли бы соответствовать данным понятиям, полученным пока путем чисто логического рассуждения?

Чтобы ответить на данный вопрос, попытаемся представить понятия сильного и слабого отношений в общем виде. Очевидно, сильными можно считать случаи, когда данное явление реализуется в полной мере, слабыми, соответственно, случаи неполной или не вполне отчетливой реализации. Исходя из этого, можно считать сильными и слабыми структурными отношениями случаи, когда определенное структурное отношение выступает максимально ярко, максимально отчетливо противопоставляясь другим типам отношений. С другой стороны, слабыми данные отношения можно считать в том случае, если эти противопоставления не столь отчетливы, если возникают некоторые переходные случаи. Поскольку признаками, по которым противопоставляются различные типы структурных отношений, являются взаимная зависимость, наличие зависимости с одной стороны и отсутствие ее с другой (детерминация) и взаимная независимость (констелляция), можно считать сильными случаи максимально четкого выявления данных признаков. Следовательно, сильной координацией является случай, когда оба слова совершенно необходимы взаимно и могут выступать лишь в связи друг с другом. Сильной детерминацией является случай, когда главное слово абсолютно независимо от подчиненного, но последнее, напротив, абсолютно зависимо от главного — то есть может появиться в данной позиции лишь при наличии главного. Наконец, сильной констелляцией можно считать случай полной взаимной независимости связываемых слов, проявляющейся в возможности для каждого из них выступать в данной позиции самостоятельно, при условии свертывания другого слова.

Неполное проявление этих признаков, ведущее к образованию переходных случаев, дает нам слабые отношения. Так, ослабление обязательности одного из слов относительно дру-

того или обоих одновременно относительно друг друга дает нам слабую координацию: в первом случае образуется переходное явление по отношению к детерминации, во втором — по отношению к констелляции. Точно так же частичное нарушение одного из признаков дает нам слабую детерминацию. Это может быть, с одной стороны, ослабление обязательности главного слова (невозможности зависимого слова появляться без главного), что дает переходный случай по отношению к констелляции, во-вторых, напротив, усиление обязательности зависимого слова, появление некоторой "связанности" главного слова с зависимым, что создает переходный случай по отношению к координации I.

Наконец, слабая констелляция возникает при появлении некоторой связанности (односторонней или двусторонней) между словами, создающей переходные явления с детерминацией и координацией.

При этом степень ослабления признака и соответственно степень переходности явления от одного типа к другому может быть различной и допускает постепенную градацию. Из этого вытекает невозможность в некоторых случаях максимальной "переходности" отграничить один тип отношений от другого — что и составляет специфику слабого явления в отличие от сильного. Но определить дискретно случаи сильных и слабых отношений, как видим, как раз оказывается возможным.

Приведем некоторые примеры. Примером слабой детерминации можно считать отношения глагола типа мочь, хотеть с зависимым словом (инфинитивом или существительным), поскольку здесь намечается (хотя и не проявляется катего-

I Из этого вытекает, между прочим, что то, что обычно называется "сильным управлением", в нашей модели интерпретируется как раз как слабая детерминация, поскольку в этом случае ослабленной оказывается "идея" детерминации — подчинение одного слова другому.

рически) двусторонняя зависимость, нарушающая принцип детерминации: не только зависимое слово "нуждается" в главном, но и появление главного слова в известной (в данном случае довольно большой) степени обусловлено наличием зависимого. С другой стороны, конструкции типа идти без шапки или большой корабль можно было бы назвать сильной детерминацией.

В качестве примера сильной и слабой координации (или, вернее, более и менее слабой координации, потому что сильной координации в строгом смысле в русском языке на уровне слов, по-видимому, не существует) можно назвать соответственно сочетание местоимения с глаголом и существительного с глаголом. Местоимение (в именительном падеже) почти не употребляется без связки. Существительное же изолированно употребляется более широко (в вывесках, восклицаниях, обращениях и т.д.). Следовательно, координация существительного с глаголом (или связкой) является менее обязательной и потому представляет собой случай менее сильной связи.

Наконец, существуют разные виды констеллятивных сочетаний с точки зрения обязательности сцепления их элементов. Так, можно предположить (хотя данный вопрос требует специального рассмотрения, не входящего в настоящее время в нашу задачу), что констеллятивное соединение существительного и местоименного существительного (взгляд и нечто) гораздо менее продуктивно, а потому и менее "связанно", чем соединение двух существительных. Поэтому первое можно было бы назвать сильной констелляцией, второе — слабой констелляцией. То же можно сказать, соответственно, о соединении глагола и инфинитива (он упал и кричать) и двух глаголов.

Итак, мы выяснили, что явление, рассматриваемое обычно как "сильное управление", в действительности отражает совершенно иной план отношений — характер структурной связи, совершенно не зависящей от средств ее выражения (в частности, управления). Это, однако, не снимает самой воз-

возможности постановки вопроса о наличии сильной и слабой связи для явлений внешнего плана синтагматических отношений. Поэтому обратимся теперь к последнему. До сих пор мы исходили при этом (если не считать случаи нейтрализации) из двух возможностей — жесткой заданности определенного показателя слова (его формы или дистрибутивного класса) в данной конструкции (+) или полной свободы выбора по данному показателю, отсутствия каких-либо ограничений (-). Однако между этими случаями возможно переходное явление — выбор соответствующего показателя слова (формы или дистрибутивного класса) оказывается не полностью произволен, в чем-то ограничен, но и не однозначно предсказуем. Некоторые ограничения имеют место, но и остается некоторая свобода выбора. Мы можем обозначить этот случай как $\pm$. Это случай, когда данный тип связи проявляется, но не полностью, а лишь в виде некоторой тенденции. Такой случай естественно интерпретировать как слабую связь, в отличие от случаев + или -, являющихся сильными.

Поскольку мы здесь сформулировали понятие слабой связи в общем виде, естественно предположить, что данное явление может в принципе иметь место для всех типов связи. Рассмотрим некоторые примеры слабой связи для различных типов.

Прежде всего, легко прослеживаются случаи слабой связи при формальном согласовании. Это случаи, когда требование уподобления формы зависимого слова налицо, но это требование не носит категорического характера, и его выполнение не столь обязательно, как при сильном формальном согласовании, оставляя возможность частичного варьирования. Таких случаев русская грамматика знает немало. Таково, например, соотнесение форм числа в сочетании числительного (собирательного) и глагола: трое шли — трое шло. Сравним сильную связь с этими же числительными прилагательных: эти трое.

Приведенные примеры касались возможности варьирования зависимого слова при фиксированной форме главного. Однако возможен и обратный случай, когда существует некоторое (частичное) варьирование формы главного слова при фиксированной форме зависимого. Данная ситуация возникает в том случае, когда несколько форм главного слова требуют одной и той же формы зависимого. Наконец, возможно сочетание обоих рассмотренных случаев, когда частичные ограничения касаются как формы главного, так и формы зависимого слова, то есть при некоторой части форм главного возможна некоторая часть форм зависимого слова¹. Таково в русском языке сочетание связки и именной части. Падежная форма последней может частично варьироваться (именительный или творительный падеж) при некоторых формах связки (но не всех) — при формах будущего и прошедшего времени, но не настоящего; в последнем случае (за редкими исключениями) возможна лишь форма именительного. Ср. он был (будет) студент (студентом), но он — студент.

Все эти случаи (равно как и некоторые другие, также относящиеся к данному явлению) сами по себе хорошо известны. Однако они квалифицируются обычно совершенно изолированно от традиционных понятий сильного и слабого управления, хотя представляют полную аналогию с последним.

В случае управления мы имеем сильную связь, когда слова определенного дистрибутивного класса (то есть слова с одинаковыми дистрибутивными свойствами), и только эти слова, требуют определенную форму зависимого слова, и только такую.

---

¹ Появление в последнем случае творительного падежа связано с дополнительными формальными ограничениями.

Примером может служить знакомое уже нам сочетание местоименного существительного и глагола. Управление родовыми формами глагола здесь сильное — каждый дистрибутивный класс местоименного существительного (кто или что с производными словами) сочетается только с одной родовой формой глагола (соответственно с формой мужского и среднего рода).

Примером же слабого управления может служить случай типа говорить о чем — говорить про что, где форма зависимого слова допускает частичное варьирование¹.

В данном понимании понятие слабой и сильной связи не может быть применено, по-видимому, лишь к примыканию.

Таковы основные понятия, связанные с морфолого-синтаксической связью слов в русском языке — связью, регулирующей построение (и опознание) синтагм в структуре предложения.

Актуальная структура предложения

Мы рассмотрели вопрос о структурных отношениях в предложении, закрепленных в формах слов. Можно сказать поэтому, что данные отношения образуют формальную структуру предложения. Формальная структура, базирующаяся на морфологических показателях, является устойчивой, фундаментальной. Положение слова в структуре и его типизированная функция в данном положении, определяемые на основе показаний формы, сохраняются постоянно и не зависят от каких-либо внешних воздействий, в частности от воздействия ситуации сообщения. Предложение Птица летит, в какой бы ситуации они ни было нами произнесено, всегда

¹ Мы понимаем здесь под вариантами такие формы, из которых возможен свободный выбор, но которые не могут сосуществовать в одной позиции. Так, в словосочетании говорить о чем кому формы дательного и творительного падежа не рассматриваются в качестве вариантов: они не образуют альтернативный ряд.

с точки зрения своей формальной структуры будет представляться совершенно единообразно, то есть мы опознаем именительный падеж имени как подлежащее, личную форму глагола как сказуемое и в соответствии с этим приписываем данным формам типизированные функции, обусловленные их, определенным нами, положением в структуре предложения: подлежащее выступает в качестве предмета сообщения (субъекта), сказуемое — в качестве того, что сообщается относительно данного предмета.

Такая устойчивость, закреплённость формальной структуры означает вместе с тем ее негибкость, неподвижность. Между тем в различных ситуациях, в зависимости от потребностей коммуникации, может возникнуть потребность в ином функциональном использовании данных элементов структуры. Так, в нашем примере, говоря, что слово птица в качестве подлежащего играет роль субъекта, а слово летит в качестве сказуемого — предиката сообщения, мы тем самым исходим из того, что данный субъект — это исходная точка, от которой мы отправляемся в нашем сообщении, то, что уже предполагается известным, а предикат — то новое, что собственно и сообщается здесь относительно субъекта. Иными словами, формальная структура этого предложения заставляет нас интерпретировать его так (и только так), что в роли "данного" (исходного, известного) выступает представление о птице, а в роли "нового" (сообщаемого) — представление о полете. Но в некоторой ситуации может сложиться обратное соотношение, где будет известно как раз то, что нечто летит, а суть сообщения будет сводиться к тому, что это нечто — именно птица (а не что-нибудь другое).

Однако в этом случае структура нашего сообщения и объективно вытекающий из нее смысл будет расходиться с тем, что мы желаем высказать в связи с некоторой ситуацией. Можно, конечно, заменить данную структуру другой, расстановка элементов в которой будет соответствовать тем функциям, которые мы им хотим приписать (сказать, например: "То,

что летит, — птица"). Но такое преобразование, как видим, оказывается нередко довольно громоздким, а то и просто затруднительным. Гораздо удобнее было бы, используя основную, более удобную и обычную форму, приспособить ее каким-то образом к выполнению различных коммуникативных заданий в различных ситуациях.

Как может быть решена эта задача? Формальные отношения сами по себе, в силу уже отмечавшейся их негибкости, тут не могут нам помочь. Правда, в языковых формах отлегаются наиболее часто встречаемые, стандартные, типизированные случаи, поэтому чаще всего формальные отношения соответствуют коммуникативному заданию. Но в некоторых случаях, как мы убедились, обнаруживается несоответствие.

Данную задачу язык решает, вырабатывая правила особого рода, так сказать, "сверхправила", которые, накладываясь на формальную структуру, не изменяют ее собственной характеристики, но обуславливают ее переосмысление применительно к данной ситуации сообщения. В частности, в нашем примере таким сверхправилом будет постановка логического ударения на подлежащем (Птица летит), или линейное перемещение подлежащего и сказуемого (Летит птица), или совокупность обеих этих операций (Летит — птица). Достаточно применить данные правила, чтобы, сохранив то же самое формальное построение (ту же структуру подлежащего и сказуемого), выполнить с помощью данного построения коммуникативное задание, к которому объективно данная формальная структура не приспособлена. Таким образом, в языке действует как бы два набора правил: правила, дающие возможность построить стандартные, типизированные структуры, и правила, позволяющие переосмыслить эти структуры в соответствии с конкретным коммуникативным заданием, в конкретной ситуации. Предложению в этом случае как бы приписываются две структуры: основная, формальная структура, представляющая собой как бы остов, ~~каркас~~ "каркас" фразы, и накладывающаяся на нее вторая

структура, более гибкая, подвижная и тем самым хорошо приспособляемая к требованиям ситуации. Эта вторая структура может быть названа актуальной структурой, поскольку она возникает при "актуализации" предложения (то есть соотношении его с ситуацией сообщения), а грамматика, описывающая правила построения актуальной структуры - актуальной грамматикой. Таким образом, формальная грамматика обеспечивает устойчивость, а следовательно, и легкость воспроизведения и понимания фраз, актуальная же грамматика - гибкость и многообразие тех функций, которые данным фразам могут быть приписаны.

Учение об актуальной структуре (актуальном членении) предложения, противопоставляемой его формальной структуре (формальному членению), создал чешский ученый В.Матезиус¹. Матезиус показал, что расчленение предложения на "данное" (он назвал это основой высказывания) и "новое" (ядро высказывания) может не соответствовать формальному членению на подлежащее и сказуемое из-за используемых при этом дополнительных средств - обычно особого порядка слов, интонационного расчленения и логического ударения. В настоящее время существуют описания типов актуального членения в русском языке в зависимости от характера используемых средств².

Мы уже говорили о том, что в формальных правилах закреплены типизированные, наиболее обычные коммуникативные отношения, вот почему структурное и актуальное членение часто совпадают.

В работах, посвященных рассмотрению данной проблемы, обычно исследуются именно два данных состояния - совпадение и несовпадение формальной и актуальной структуры. Думается, что правильнее было бы говорить о трех ситуациях:

¹ В.Матезиус, О так называемом актуальном членении предложения, сб. "Пражский лингвистический кружок", изд. "Прогресс", М., 1967.

² П.С.Распопов, Актуальное членение предложения, Уфа, 1961, Пр. Адамец. Порядок слов в современном русском языке, Прага, 1966.

- а) актуальное членение никак специально не выражено, и это служит сигналом его совпадения с формальным членением (например, в предложении Он пришел). Этот случай можно назвать "нулевым актуальным членением", так как само отсутствие средств выражения актуального плана является значимым сигналом его совпадения с формальным планом;
- б) актуальное членение выражено специальными средствами, но совпадает с формальным (Он - пришел). Этот случай назовем "объективным актуальным членением", так как последнее совпадает с тем, которое автоматически (объективно, независимо от ситуации сообщения) вытекает из языковой формы;
- в) актуальное членение не совпадает с формальным (Он пришел или Пришел - он). Это - "субъективное актуальное членение".

Рассмотрим теперь более подробно сферу применения актуальной грамматики в рамках учения о структуре предложения. В трактовке В.Матезиуса ее правила охватывали лишь первое членение предложения на субъект и предикат, вычленение актуального субъекта (основы) и актуального предиката (ядра), наряду с формальным субъектом и предикатом (подлежащим и сказуемым).

В дальнейшем естественным развитием данной теории были попытки (носившие, правда, спорадический характер) продолжить первичное актуальное членение предложения, вводя дальнейшие расчленения в актуальном плане^I. Нам кажется, что перейти здесь от единичных наблюдений к регулярному описанию возможно, если мы признаем существование актуального членения не только на уровне предложения, но и в области словосочетаний. А именно, формальная структура подчи-

^I См. И.И.Ковтунова, Порядок слов в русском литературном языке XVIII - первой трети XIX в., изд. "Наука", М., 1969, стр. 12-13.

нительного словосочетания представляет его нам как соединение главного элемента (определяемого) и зависимого (определяющего). Однако постановка логического ударения на структурно главном слове делает его актуально определяющим элементом — "ядром" данного словосочетания. Так, обычное, типизированное значение словосочетания красный дом может быть трансформировано в сообщение этот дом — красный (дом — основа, красный — ядро). Но постановка логического ударения на слово дом преобразует смысл данного словосочетания, который теперь может быть сведен к сообщению: "это красное (есть) дом (а не что-либо иное)" (красный — основа, дом — ядро). При этом актуальная структура словосочетания может быть нулевой (красный дом), объективной (красный дом) и субъективной (красный дом). Все эти сочетания возможны, разумеется, не только при самостоятельном, отдельном рассмотрении этого словосочетания, но и при включении его в состав предложения. При этом актуальное членение разных подчинительных синтагм в предложении никак не зависит друг от друга (равно как и от актуального членения предикативной синтагмы).

Рассмотрим, например, предложение Я говорю о красном доме. В нем три синтагмы: Я говорю, говорю о доме, красном доме. Каждая из них может иметь субъективную и объективную актуальную структуру, независимо от других (постановка ударения на каком-либо слове исключает возможность нулевой актуальной структуры во всех синтагмах, в которые это слово входит). Ср.: Я говорю о красном доме; Я говорю о красном доме; Я говорю о красном доме, и т.д.

Следовательно, можно говорить не только об актуальных главных членах предложения, наряду с его формальными главными членами, но и о его "актуальном дереве" в целом, наряду с формальным деревом. В частности, для всех приведенных только что примеров формальное дерево зависимости будет, разумеется, одинаковым. Но актуальные зависимости (а следовательно, и актуальные деревья) будут различаться.

рева предложения - дерево его формальной и актуальной структуры. При этом актуальная структура является вторичной, лишь в известных специфических случаях накладываемой на формальную структуру, в связи с чем в языке более обычными являются случаи, когда актуальные правила не работают (то есть у предложения не существует какого-то особого актуального дерева), либо отношения, устанавливаемые на основе актуальных правил, согласуются с формальными (и соответственно актуальное и формальное дерево предложения совпадают). Несмотря на это, в актуальном плане мы встречаемся с регулярными правилами, которые могут быть описаны систематически именно как система правил (как грамматика), автономных по отношению к формальным правилам, а не просто как "деформация" последних.

Способы выражения сказуемого в русском языке

Если бы всегда границы подлежащего и сказуемого совпадали с границами выражающих их частей речи, обсуждение вопроса о ядерной структуре предложения можно было бы считать законченным. Однако в языке распространены случаи, когда тот или иной член предложения выражается не отдельным словом, а целостным (хотя и свободным, нефразеологизованным) словосочетанием. Особенно большое значение данные случаи имеют для сказуемого, в связи с чем на них необходимо остановиться подробнее. Попробуем наметить, исходя из формальных признаков зависимости, границы сказуемых сочетаний, и в соответствии с этим, типы сказуемых.

Рассматривая данный вопрос, следует заметить, что в пределах вербального класса слов, выражающих сказуемое, намечается два основных типа - глагольный (куда, помимо соб-

ственно глагола, входит инфинитив) и связочный. Эти типы, кроме собственной характеристики, различаются типами образуемых в рамках сказуемого сочетаний.

Связочные формы образуют, во-первых, неразложимое сочетание с инфинитивом. В пользу неразложимости данного сочетания говорит тот факт, что инфинитив сочетается со связкой только тогда, когда последняя стоит в безличной форме (было бы ему кинжаль), то есть в данном случае не только инфинитив относится к связке, но и "требует" определенной формы связки; следовательно, данное сочетание не является детерминацией, и инфинитив должен быть введен в состав сказуемого.

Аналогичный характер имеет сочетание связки и предикатива ("категории состояния"), который также требует постановки связки в определенной (безличной) форме; следовательно, и данное сочетание является неразложимым.

Далее, сочетания связки со словами именных классов также обладают чертами синтаксической неразложимости. Наиболее очевидно это для сочетания связки с адъективным словом (включая сюда и краткие прилагательные). Дело в том, что последнее согласуется с подлежащим в форме рода и числа независимо от связки (он будет тихий, они - веселые). Таким образом, здесь подлежащему как бы противопоставляются (на основе тождественного механизма согласования) два элемента - связка и присвязочная адъективная часть. Это заставляет говорить о том, что последняя занимает со связкой тождественную синтаксическую позицию, то есть позицию сказуемого. В случае, если слово, выполняющее атрибутивную функцию, является неизменяемым (застывшая предложно-именная конструкция, междометие: он был без шляпы; она была - ой-ой! и т.д.) указанный формальный признак оказывается нейтрализованным. Ввиду этого можно считать такие конструкции, имеющие атрибутивную функцию (но не обстоятельственную - ср. он будет через час, где сказуемое образует только связка), то есть обнаруживающие

параллелизм с сочетаниями с адъективными словами, частью сказуемого.

Менее очевидно это для сочетания связки с субстантивными словами, поскольку согласование последних в роде и числе с подлежащим не обязательно (ср. Ивановы - дружная семья). В этом случае показателем неразложимости сочетания является колебание формы связки, которая может согласоваться не только с подлежащим, но и с присвязочной частью (Ивановы были дружная семья и Ивановы была дружная семья), что говорит о том, что сочетание связки и субстантивного слова не является детерминативным сочетанием.

Правда, это относится только к случаю, когда присвязочная часть стоит в форме именительного предикативного. С присвязочной частью в форме творительного падежа связка никогда не согласуется (в то время как адъективная присвязочная часть обнаруживает связь с подлежащим в форме как именительного, так и творительного падежа). Но, поскольку именительный и творительный предикативный присвязочной части являются свободными вариантами (в том смысле, что чередование данных форм при связке всегда, или почти всегда, возможно, каково бы ни было их смысловое соотношение), конструкции с творительным предикативным тоже можно считать входящей в состав сказуемого.

С другой стороны, глагольные конструкции характеризуются определенными специфическими чертами.

Правда, сочетания глагола с адъективным словом (пришел веселый) ничем не отличаются от соответствующих связочных конструкций: так же присвязочная форма свободно может принимать форму именительного или творительного предикативного, так же она согласуется в роде с подлежащим помимо глагола (он придет веселый, она придет веселая). Поэтому данные конструкции (а также имеющие атрибутивный характер сочетания с неизменяемыми образованиями) следует признать сказуемым.

Но соединение глагола с субстантивным словом отличается особыми свойствами. Последнее возможно уже только в форме творительного падежа (которую таким образом нельзя уже признать свободным вариантом именительного предикативного). При этом согласовательных связей с подлежащим или присвяточной частью по роду данная форма не обнаруживает. Из этого можно было бы заключить, что перед нами обычный случай управления, однако от последнего данный случай все же отличается наличием согласования с подлежащим и глаголом по числу (он работает учителем, они работают учителями)^I. Следовательно, перед нами не обычное управление, к нему добавляется еще согласовательная связь, что, как мы знаем, характерно для отношений глагола с элементами ядерной структуры. Таким образом, данную конструкцию, несмотря на ее частичное отличие от связочной, мы будем рассматривать целиком как сказуемое.

Мы видим, что введение перечисленных конструкций в состав сказуемого может быть обосновано не значением сочетающихся элементов, а их теми или иными формальными свойствами, отличающими все данные конструкции от детерминативных сочетаний.

Наиболее сложно в этом отношении обстоит дело с сочетанием глагола и инфинитива, поскольку, в силу неизменяемости инфинитива, данное сочетание не может быть провере-

^I Нарушение согласования (там, где оно возможно) ведет к переосмыслению конструкции, приданию ей обстоятельственного характера. Так, пример он ходит генералом (или они ходят генералами) можно понять двояко — "он ходит как генерал" и "он является генералом". Но пример они ходят генералом, если и допустим, то лишь в первом (обстоятельном) значении. Именно этот признак (возможность или невозможность нарушения согласования по числу между глаголом и субстантивом в творительном падеже), а отнюдь не "ослабление лексического значения глагола", может служить формальным различителем интересующего нас явления и обстоятельственных конструкций с творительным падежом.

но с помощью механизма согласования. Обычно поэтому инфинитив вводят в состав сказуемого на основании чисто семантических соображений: инфинитив считается частью сказуемого при глаголах, обозначающих начало, конец, продолжение действия, волеизъявление, намерение, а также имеющих модальное значение, при глаголах же движения инфинитив рассматривается как второстепенный член. Однако такой критерий, разумеется, ненадежен. Не говоря уже о том, что остается неясным, почему данные смысловые группы глаголов имеют с инфинитивом неодинаковые синтаксические отношения, сама характеристика данных групп выглядит расплывчатой: существует множество случаев, когда глагол обозначает одновременно намерение или фазу действия и движение (кинулись помогать, погнулись поглядеть и т.д.).

В данном случае следует обратить внимание на одно обстоятельство. В некоторых сочетаниях глагола и инфинитива оба слова сохраняют свои управления, в других же — глагол полностью теряет свое управление, последнее сохраняется только у инфинитива. Например, в сочетании еду учиться можно подставить управляемые формы к обоим словам: еду в город учиться музыке. Но в сочетании надеюсь достать управление сохраняется только у инфинитива — можно сказать надеюсь достать что-то, но нельзя надеюсь достать на что-то.

Если сравнить данные два вида сочетаний, можно констатировать, что во втором случае связь более тесная, чем в первом: глагол в сочетании с инфинитивом во втором случае частично теряет свои обычные свойства, то есть инфинитив накладывает на сочетающийся с ним глагол определенные ограничения (а не только глагол — на инфинитив). Следовательно, данное сочетание обладает той "слитностью", которая позволяет считать его одним членом предложения — сказуемым. В сочетании же первого типа никаких ограничений на глагол инфинитивом не накладывает, и поэтому данное сочетание может рассматриваться как детерминативное.

Данное различие нейтрализуется в том случае, когда у глагола и инфинитива одинаковое управление. Тогда остается неясным, относится ли управляемая форма к глаголу или к инфинитиву. Это приводит к возникновению структур-омонимов, когда один и тот же оборот может рассматриваться и как первый, и как второй тип сочетания. Обычно данная омонимия различается благодаря порядку слов — постановка управляемой формы после инфинитива относит ее к инфинитиву (и вводит тем самым последний в состав сказуемого), постановка же после глагола (и перед инфинитивом) говорит о том, что инфинитив — вне сказуемого. Ср. собирались на вокзал провожать и собирались провожать на вокзал, заставим поэта прочитать и заставим прочитать поэта.

Наличие таких омонимичных конструкций, впрочем, только подтверждает тезис о принципиальном отличии синтаксических отношений, выявляемых на основе предложенного нами признака, поскольку смысл омонимов, как видим, действительно различается. Важно подчеркнуть, что при таком подходе граница сказуемого оказывается зависящей не от семантики глагола (поскольку один и тот же глагол в разных случаях дает различные структуры сказуемого), а от характера отношения между глаголом и инфинитивом.

④.

Типы сказуемого

Мы рассмотрели все сочетания, для которых имеются определенные формальные основания считать их входящими в состав сказуемого. На основе сделанных определений оказывается возможным произвести классификацию сказуемых.

Надо сказать, что данный вопрос довольно широко освещался в литературе. При этом как в общих работах по синтаксису, так и в специальных статьях, посвященных данному вопросу, наблюдается большой разноречивостью в количестве устанавливаемых типов, определении их границ и номенклатуре. Нет нужды перечислять эти различия. Заметим толь-

ко, что питательной средой для возникновения подобного разнобоя явилась, с одной стороны, необязательность классификации (количество типов, как правило, не исчисляется, а выводится из наблюдаемого автором материала), с другой — немотивированность даваемых наименований. Попытаемся поэтому задать классификацию путем исчисления как самих типов, так и составляющих их номенклатуры.

С этой точки зрения, существенным признаком сказуемого является постоянное присутствие в его составе слова вербального класса. Данные слова могут быть разбиты на два типа — связочные и глагольные, противопоставление которых оказывается существенным с точки зрения образования входящих в состав сказуемого структур. Отсюда вытекает два основных типа сказуемого — глагольный и ^(составной) связочный. Конституирующим вербальным элементом первого являются глагол или его производные (инфинитив), второго — связка и полусвязка (или их производные). Наименование "связочное сказуемое" представляется нам более мотивированным, чем общераспространенное "именное сказуемое", так как присвязочная часть может быть выражена не только именным словом (было жаль) и даже вовсе может отсутствовать (был мороз).

Характерной чертой связочного сказуемого является нулевая форма связки в настоящем времени. Следует подчеркнуть, что в этом случае мы наблюдаем не "пропуск связки" и даже не просто отсутствие связки, а именно наличие связки в нулевой форме. Действительно, отсутствие материальной репрезентации связки в случае типа Он — студент сигнализирует о вполне определенном грамматическом значении — настоящего времени изъявительного наклонения, в противопоставлении форме был, сигнализирующей о прошедшем времени, или будет (будущее время). Поэтому мы имеем полное основание говорить в данном случае о форме связки (и форме времени у предложения с нулевой связкой), подобно тому как мы говорим о форме именительного падежа у слова стол, хотя сигналом данной формы является отсутствие ее

материальной репрезентации (нулевая флексия).

Признание нулевой формы связки в настоящем времени имеет важные следствия для классификации сказуемого. Во-первых, существенно сокращается число предложений, признаваемых обычно бессказуемыми. Выясняется, что у многих таких предложений есть простое связочное сказуемое в нулевой форме, сигнализирующее о настоящем времени. Таковы так называемые "номинативные предложения" (Зима). Нетрудно убедиться, что данные предложения представляют собой соответствие (в форме настоящего времени) предложениям Была зима, Будет зима и т.д. Данные случаи противопоставляются друг другу в той же мере, как предложения Я иду и Я шел. Таким образом, номинативное предложение можно признать односоставным (бессказуемым) только с точки зрения материальной репрезентации. В плане структурных отношений данные предложения являются двусоставными с простым связочным сказуемым.

Из этого, в свою очередь, вытекает, что связка является необходимым компонентом определенного класса сказуемых (даже если она материально не представлена), противопоставляемых глагольным сказуемым, что еще раз свидетельствует о целесообразности наименования данного класса связочными, а не именными сказуемыми. Наконец, в свете сделанных заключений совершенно нецелесообразным представляется выделение особого типа "простого именного" сказуемого (Он - студент), в отличие от "составного именного" (Он был студент), как это делает Академическая грамматика, поскольку в данных случаях мы имеем дело лишь с различными формами связки, являющейся равным образом в обоих случаях центром связочного сказуемого.

Рассмотрим теперь, какие типы могут быть выделены в пределах основных классов сказуемых - глагольного и связочного.

Наиболее очевидный случай - наличие в составе сказуемого одного лишь конституирующего элемента. Это - случай простого сказуемого. Мы можем выделить, следовательно, два

типа простого сказуемого: простое глагольное (он идет, он — бежать, он побеги и т.д.) и простое связочное (была зима, будет зима, зима, быть зиме, будь сейчас зима (что бы мы делали), и т.д.). При нулевой связке в случае простого связочного сказуемого мы имеем, таким образом, нулевое сказуемое (зима).

Все случаи, когда сказуемое образовано сочетанием конститутивного вербального элемента с другими (назовем их, соответственно, приглагольными и присвязочными элементами), противопоставляются описанному и являют собой примеры непростого сказуемого. Тип непростого сказуемого определяется характером конститутивного (центрального) и связанного с ним периферийного элемента. По первому признаку непростое сказуемое подразделяется, как и простое, на глагольное и связочное. На основании второго признака могут быть выделены три случая.

Во-первых, в роли периферийного выступает элемент, сам в принципе способный быть центральным, то есть глагольный элемент. Обычно это — инфинитив. Характер последнего (связочный или глагольный) уже может не приниматься во внимание, данная характеристика сказуемого определяется по центральному элементу. Такое сказуемое может быть названо сложным, поскольку оно состоит из двух, хотя в принципе и однофункциональных, элементов. Существуют, следовательно, два типа сложного сказуемого: сложное глагольное (он хотел бежать, он и реши уехать, куда вам стремиться уехать?, этого не может быть, и т.д.) и сложное связочное (было бы ему кричать, ему бы кричать, быть бы ему на месте), особенностью которого является возможность постановки главного элемента только в безличной форме (в настоящем времени — в нулевой), в связи с чем последний может быть выражен только собственно связкой, но не связочным инфинитивом.

Во-вторых, в роли периферийного может выступать элемент, который сам не способен быть главным, образовать

простое сказуемое, то есть элемент невербальный (хотя и не обязательно именной). Данный тип может быть назван составным сказуемым, поскольку в этом случае сказуемое составляется из разнородных (разнофункциональных) в принципе элементов. Здесь также выделяются глагольное составное (пришел веселый, приехал летчиком) и связочное составное (был весел, был летчиком, было тихо и т.д.) сказуемое.

Наконец, возможно сочетание обоих последних типов одновременно. Такое сказуемое может быть названо сложным составным. Соответственно предыдущему, мы имеем глагольное (хотел стать летчиком) и связочное (было ему стать летчиком) сложное составное сказуемое¹.

Всего, таким образом, исчислено восемь классов сказуемых. Предложенная классификация может быть представлена в виде таблицы.

тип главного элемента / тип периферийного элемента	глагольный	связочный
отсутствует	простое глагольное	простое связочное
вербальный	сложное глагольное	сложное связочное
невербальный	составное глагольное	составное связочное
сочетание вербального и невербального	сложное составное глагольное	сложное составное связочное

Каждый из выделенных типов может выступать еще в осложненной разновидности. Осложнение возникает при введении

¹ Употребляемое часто название "трехчленное сказуемое" не совсем удачно ввиду того, что, как увидим ниже, количество членов в пределах каждого типа не является постоянным и не характеризует соответствующий тип.

в состав сказуемого новых членов, не меняющих выделенных выше его принципиальных характеристик. Такая ситуация возможна при замене любого элемента (как вербального, так и невербального) аппозитивным сочетанием¹. Так, конструкция он сидит пишет может служить примером простого осложненного глагольного сказуемого, конструкция он собирается сидеть писать — сложного осложненного глагольного сказуемого, и т.д. Другой способ осложнения — введение более чем одного элемента одного типа. Обычно оно возникает в связи с возможностью построения цепочки инфинитивов, отвечающих требованиям вхождения в состав сказуемого: он может захотеть учиться.

Способы выражения и типы подлежащего

Вопрос о границах подлежащего в целом проще вопроса о сказуемом, но все же нуждается в известных уточнениях. Рассмотрим, исходя из формальных критериев, какие слова или свободные сочетания слов можно считать относящимися к подлежащему.

Наиболее обычный способ выражения подлежащего — номинатив, форма именительного падежа, слов субстантивных разрядов: существительного, количественного или собирательного числительного, личного местоимения, местоименного существительного (слов типа кто, что). Данная форма составляет в большинстве случаев центр подлежащего, подобно тому как вербальное слово составляет центр сказуемого.

Все слова других разрядов, попадая в позицию подлежащего (или, вернее, его ядра), подвергаются переосмыслению в качестве слов субстантивного класса, то есть субстантив-

¹ Вопрос о характере данного сочетания будет специально рассмотрен ниже.

ции. Обычно широко известной является субстантивация в данной позиции различных адъективных слов, которые при этом "застывают" в определенной форме рода (хотя в принципе могут субстантивироваться в любой форме рода).

Однако русский язык знает еще один, принципиально иной случай субстантивации, состоящий в том, что уже не обязательно адъективное слово, а любое слово (или любая группа слов) в любой форме может быть осмыслено как существительное и занять позицию подлежащего, приняв все синтаксические связи данного члена предложения.

Например, в предложении Громкое "бежим" послышалось с улицы в роли подлежащего выступает глагол "бежим". Но мало того, что в этом случае глагол занимает не свойственную ему позицию существительного - его согласовательные связи (с определением и сказуемым) тоже осуществляются по схеме существительного, причем определенной формы - среднего рода, единственного числа, именительного падежа.

Данный случай известен в качестве явления "контекстуальной субстантивации". В чем состоит сущность данного явления? Можно, во-первых, предположить, что здесь пропущено некоторое существительное среднего рода, единственного числа, и к этому-то подразумеваемому существительному относятся согласовательные связи прилагательного и глагола - сказуемого. Так, в нашем примере можно попробовать восстановить "подразумеваемую" форму - Громкое слово "бежим"... Но ведь здесь с таким же успехом может быть "восстановлено" и какое-нибудь другое слово (например, крик), а между тем согласование по мужскому роду в этой конструкции недопустимо - нельзя сказать * Громкий "бежим" раздался... Далее, здесь может идти речь и о целом словосочетании, например, Громкое "бежим! спасайтесь!"... Здесь уже никак нельзя подразумевать пропущенную форму слово, а между тем согласовательные связи остаются теми же и осуществляются по-прежнему в форме среднего рода, единственного числа. Следовательно, они не зависят от каких-либо подразумеваемых.

Можно, далее, говорить о том, что здесь произошла обычная субстантивация глагола¹. Но переход слова из одного морфологического разряда в другой всегда оказывается формально закрепленным. Так, при субстантивации прилагательного, последнее не просто занимает синтаксическую позицию существительного, но воспринимает также его морфологическую характеристику. При этом, поскольку переход слова из одного морфологического разряда в другой представляет собой явление нейтрализации морфологического противопоставления, признаки, различающие, противопоставляющие данные (нейтрализуемые) классы, обычно утрачиваются. Здесь соблюдается общий закон нейтрализации, согласно которому совпадение нейтрализуемых форм осуществляется в "слабом" члене противопоставления. Вот почему морфологическая нейтрализация осуществляется обычно путем перехода более сильных (обладающих более богатой морфологической характеристикой) классов в более слабые путем утраты части форм: причастий — в прилагательные (утрачиваются формы вида, времени, залога), прилагательных — в существительные (утрачиваются грамматически, соотносительные формы рода), существительных — в наречия (утрачиваются формы числа и падежа). Поэтому новая формальная характеристика слова не противоречит его прежней формальной характеристике.

Ничего подобного мы не наблюдаем в рассматриваемом примере. Здесь грамматическая характеристика, получаемая на основании согласовательных связей, никак не соотносится с формальными показателями слова как такового. Глагол имеет форму множественного числа, а согласовательные связи осуществляются в единственном числе. Мы можем, далее, сконструировать пример типа Громков "ушел!" слышалось..., где родовая форма глагола противоречит согласованию. Таким образом, перед нами изменение морфологической характеристики слова, не подкрепленное формами этого слова. Какими же средствами достигнуто данное изменение? Очевидно,

¹ "Грамматика русского языка", изд. АН СССР, т.2, ч.1, стр.383.

смещением стандартного положения слова относительно других слов во фразе и интонационным выделением — то есть теми средствами, которые являются наиболее обычными при выражении явлений актуального плана. Таким образом, перед нами "актуальная субстантивация" — слово не теряет своей формальной характеристики¹, но актуально выступает в нестандартной функции.

Итак, перед нами морфологическая характеристика слов, подчиненная определенным регулярным закономерностям (то есть не являющаяся окказиональной) и в то же время не находящая соответствия в показаниях языковой формы. Иными словами, перед нами актуальная морфология слов, оперирующая понятиями актуального морфологического класса (актуальное существительное) и актуальной морфологической формы (среднего рода единственного числа). Данные понятия актуальной морфологии могут соотноситься с формальной морфологией так же, как категории формального и актуального синтаксиса. А именно, можно говорить о нулевой актуальной морфологической характеристике (это случай стандартного построения при отсутствии средств актуального плана). Далее, мы уже приводили примеры субъективной актуальной характеристики, когда слово любой части речи может выступать в функции актуального существительного среднего рода единственного числа². Наконец, возможна и объективная актуальная характеристика. Последняя имеет место, когда

¹ Доказательством этого может служить тот факт, что, выступая в роли актуального существительного среднего рода единственного числа, слово в то же время теряет способности сочетаться с другими словами в соответствии со своей формальной характеристикой. Например, во фразе громкое "мы погибли!" слышалось рядом — сочетание мы погибли строится по обычным формальным правилам (согласование во множественном числе), в то время как внешние его связи осуществляются по актуальным правилам (согласование в единственном числе).

² Мы рассмотрели только примеры с субстантивацией глагола, но, разумеется, соответствующую позицию может занять и любое другое слово русского языка (в том числе и служебные слова).

актуально выделенным оказывается существительное. Так, в примере Послышалось громкое "Пожар!" слово пожар сопровождается средствами актуального выделения (с помощью соответствующей интонации) и является, таким образом, актуальным существительным, но эта актуальная характеристика его морфологического разряда не противоречит характеристике формальной, то есть является объективной¹. Актуальная же форма в данном случае является субъективной, так как противоречит собственной морфологической характеристике данного слова. В примере же мы услышали радостное — "Утро!" объективными являются и актуальный класс, и актуальная форма слова утро.

Итак, мы можем теперь сказать, что роль структурного центра подлежащего может выполнять любое слово субстантивного класса в форме именительного падежа или любое слово другого класса, подвергнувшееся формальной или актуальной субстантивации.

Особого внимания заслуживают конструкции со словом это (типа Это оказался лес, Это оказалась она и т.д.). Обычно данная структура рассматривается как двусоставная с составным сказуемым (оказался лес), причем подлежащим считается слово это.

Между тем в действительности структура данного типа предложений характеризуется, по-видимому, совершенно иными отношениями составляющих ее элементов. В этом отношении она никак не может рассматриваться как структура, параллельная типу, например, этот человек (некто) оказался им. В последнем случае личное местоимение, действительно, является именной частью сказуемого. Но между данным случаем и интересующим нам имеются существенные различия.

¹ Это еще раз показывает, что данный процесс нельзя характеризовать как субстантивацию. Иначе нам пришлось бы в этом случае говорить о субстантивации существительного.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что в первом случае (при слове это) местоимение может стоять только в именительном падеже. Между тем мы выяснили уже выше, что (во всех остальных случаях) в составе сказуемого при полудзнаментальном глаголе личное местоимение может быть только в форме творительного падежа.

Однако главным является не только форма местоимения сама по себе, а механизм согласовательных связей в данном типе предложения. Нетрудно увидеть, что здесь он совершенно иной, чем в случае с именным сказуемым. В последнем, как уже указывалось, при постановке именной части в творительном падеже (что для случая с личным местоимением обязательно) эта часть оказывается вне обычных согласовательных связей: глагол всегда координируется с формой подлежащего, форма приглагольного члена при этом игнорируется. Это позволило нам говорить применительно к данному случаю о свертывании парадигмы в позиции приглагольного члена.

Между тем, в случае типа это оказался он форма глагола всегда координируется с формой личного местоимения. Координация формы глагола со словом это, напротив, невозможна. Здесь уже слово это выступает вне согласовательных связей. Напротив, личное местоимение участвует здесь в согласовательных связях, так что нельзя говорить о свертывании его парадигмы в данной позиции. Следовательно, позиция личного местоимения в данном случае не есть позиция приглагольного члена — она характеризуется совершенно иными связями в предложении. Более того, парадигма личного местоимения здесь координируется с глагольной парадигмой совершенно так же, как в позиции подлежащего. В пользу данного предположения говорит также и следующий факт. В позиции приглагольного члена, как известно, возможны как субстантивные, так и адъективные классы слов. В позиции же подлежащего возможны только субстантивные сло-

ва - употребление в данной позиции прилагательного ведет к субстантивации последнего.

В этом отношении позиция имени в конструкции со словом это также совпадает именно с позицией подлежащего. А именно, в этой позиции прилагательное явно субстантивируется, как и в тех случаях, когда оно выполняет роль подлежащего: это был тихий. В то же время субстантивация не имеет места в случаях, когда прилагательное является именной частью сказуемого (ср. этот был тихим).

Итак, все сказанное позволяет сделать вывод о том, что личное местоимение в данном типе по своим функциональным связям не отличается от случая типа он идет, то есть является подлежащим.

При этом возникает вопрос, какова же тогда структурная роль в предложении слова это.

Отметим прежде всего еще раз то обстоятельство, что данное слово не участвует в согласовательных связях в предложении. Следовательно, нельзя говорить о слове это в данном случае как о члене парадигмы местоименного прилагательного этот - ведь, в отличие от варианта среднего рода слова этот, форма слова в предложении это оказался он не определяется связями с другими словами, не зависит от формы других слов (ср. это оказался он, это оказалась она, это оказались они и т.д.). В данной позиции слово это оказывается неизменным (с нулевой парадигмой).

Совершенно иными, как видим теперь, оказываются структурные связи в предложении, в котором приглагольный член выступает в форме творительного падежа (это оказалось лесом). В этом случае последний действительно оказывается частью сказуемого, а слово это - подлинным подлежащим. Но здесь согласование глагола осуществляется уже со словом это, которое выступает тем самым как представитель родовой парадигмы - один из вариантов местоименного прилагательного. В интересующем же нас случае слово это не принадлежит к классу местоименных прилагательных

(что еще раз свидетельствует о том, что перед нами не подлежащее, поскольку позиция подлежащего является нормальной позицией местоименного прилагательного и не может, следовательно, привести к свертыванию его парадигмы). Для выяснения синтаксической природы данного элемента вспомним, что он может присутствовать и в безличных конструкциях, причем совершенно не изменяет "безличный" характер последних (ср. пахнет и это пахнет), кардинально отличаясь этим от всякого имени (в том числе и местоименного прилагательного), присоединение которого в роли подлежащего сразу уничтожает "безличность" предложения (ср. куст пахнет, он пахнет, этот — пахнет). Это еще раз свидетельствует о том, что перед нами не настоящее подлежащее — у нашего слова не обнаруживается ни смысловой, ни формальной соотнесенности со сказуемым. Перед нами как бы "пустой" синтаксический элемент, внешне совпадающий по форме со словом, могущим быть подлежащим, но в действительности являющийся лишь омонимом к этому слову, квази-подлежащим.

Итак, мы очертили круг слов, которые могут выступать в предложении в качестве подлежащих. Из сформулированного выше правила выражения подлежащего субстантивами есть, однако, одно исключение, состоящее в том, что в русском языке существует один несубстантивный класс слов, способных выступать в роли подлежащего без субстантивации, сохраняя свои собственные морфологические свойства и синтаксическую сочетаемость. Это — инфинитив, выступающий в качестве подлежащего в целом ряде конструкций при непростом сказуемом (сложном или составном). Ср. жить было трудно, отступить значило погибнуть (или отступить означало гибель), и т.п.

Особенно трудным оказывается вопрос о подлежащей функции инфинитива в том случае, когда в предложении имеется составное сказуемое с присвязочной частью, выражаемой предикативом. Дело в том, что инфинитив способен примыкать к предикативу, так что в силу неизменяемости данной

формы, отсутствия у нее согласовательных связей с другими формами остается неясным, как понимать конструкцию типа жить было трудно (или трудно было жить) — как односоставную, с инфинитивом, зависящим от предикатива, или как двусоставную, с инфинитивом — подлежащим.

В качестве формальных признаков в данном случае могут быть использованы линейное расположение инфинитива и наличие разделительной паузы. Можно сказать, что препозиция инфинитива и наличие паузы сигнализируют о том, что инфинитив является подлежащим. Наличие обоих данных признаков с несомненностью свидетельствует в пользу подлежащей функции у инфинитива (жить — трудно), их отсутствие — в пользу односоставности структуры (трудно жить). Менее ясны случаи, когда налицо лишь один из данных признаков (жить трудно, или трудно — жить). Все же можно, по-видимому, считать и наличие какого-либо одного признака достаточным для признания инфинитива подлежащим.

Мы знаем, что линейное расположение и интонация в русском языке редко служит для выражения структурных отношений между словами, являясь, в основном, средством актуальной грамматики. Это дает основание некоторым авторам не различать данные конструкции, считая их во всех случаях (независимо от порядка, наличия или отсутствия паузы) либо односоставными (безличными)¹, либо двусоставными². Однако в данном случае имеется некоторый косвенный признак, указывающий на то, что мы действительно имеем здесь дело с различными структурами. Таким признаком является возможность постановки в этой конструкции квази-местоимения — дублета подлежащего. Такая возможность воз-

¹ Д.Н.Шмелев, О синтаксической членности предложения, "Русский язык в школе", 1965, № 2.

² Л.В.Тихова, О конструкциях с инфинитивом и некоторыми "безличными" глаголами, "Филологический сборник", в. 6-7, Алма-Ата, 1967.

нижает только тогда, когда позиция подлежащего действительно занята инфинитивом (при соблюдении указанных нами условий), если же инфинитив выступает в роли зависимого слова — квази-местоимение оказывается невозможным. Ср.: Быть без дела — это было для него невыносимым, или Это было для него невыносимым — быть без дела, но не *Это было для него невыносимым быть без дела.

Чтобы понять смысл данного различия, вспомним, что инфинитив может относиться к связке лишь в односоставной конструкции или при подлежащем, также выраженном инфинитивом. Наличие подлежащего — не инфинитива или делает присвязочный инфинитив невозможным, или "перетягивает" его в сферу структурной зависимости подлежащего (было невыносимо оставаться тут дальше — была невыносима необходимость оставаться тут дальше). Постановка квази-местоимения, занимающего позицию подлежащего, делает невозможной зависимость инфинитива от связки и переносит его в сферу зависимости подлежащего. Но так как квази-местоимение не является "настоящим" подлежащим, и всегда "готово уступить" эту роль соответствующему слову, то инфинитив в этом случае становится не зависимым от подлежащего членом, а собственно подлежащим, в связи с чем оказывается необходимой его структурная отмеченность как подлежащего — препозиция по отношению к связке или наличие разделительной паузы.

Рассмотрим теперь вопрос о границах подлежащего в тех случаях, когда оно выражается при помощи свободного сочетания слов.

Надо сказать, что в существующих описаниях имеется тенденция, во-первых, к неправомерно расширительной трактовке подобных случаев, во-вторых, к их определению на основе чисто смысловых критериев. Попытаемся выделить в русском языке такие группы слов, которые могли бы быть сочтены выразителями подлежащего на некоторых фор-

мальных основаниях. По нашему мнению, к таким группам могут быть причислены следующие.

1) Сочетание количественного числительного с зависимым существительным. Данное сочетание является несвертываемым — в нормальном случае в русском предложении количественное числительное не может само по себе выступать в роли подлежащего: ср. Два офицера шли, но не *Два шли.

В пользу такого решения говорит и возможность особого согласования зависимого прилагательного в данном сочетании: два храбрые офицера, наряду с два храбрых офицера. Отсутствие в данном случае обязательного совпадения прилагательного по форме с существительным свидетельствует о том, что прилагательное в этом случае относится не к существительному, а ко всему сочетанию в целом, что в свою очередь можно расценивать как косвенный показатель неразложимости данного сочетания.

По-иному, однако, обстоит дело с сочетанием собирательного числительного и существительного. В данном сочетании существительное может быть свернуто: Двое офицеров шли — Двое шли. В пользу синтаксической разложимости данного сочетания говорит и тот факт, что прилагательное в этом случае всегда оформляется как относящееся только к существительному: Двое храбрых офицеров, но не *Двое храбрые офицеров. Итак, перед нами разложимое сочетание, в котором роль подлежащего выполняет лишь слово двое.

Обычно собирательные и количественные числительные взаимозаменяемы в позиции при словах, обозначающих лиц или персонифицируемые предметы: Два офицера — Двое офицеров. Можно даже сказать, что различие данных конструкций состоит в их разложимости или неразложимости. Однако имеется еще одно, уже специфическое, употребление собирательного числительного, в котором оно не образует

альтернативу с количественным, — в сочетаниях со словами pluralia tantum: Трое саней — но не *Три саней^I. В этом случае существительное является несвертываемым: можно Двое ворот распахнулись, но не *Двое распахнулись. Такие сочетания (собирательное числительное и существительные pluralia tantum) можно признать неразложимыми.

2) Далее, неразложимыми являются сочетания некоторых количественных наречий (много, немного, мало, столько) и существительных.

Большинство из них (если не все), правда, допускают свертывание существительного (Сколько народу пришло? — Сколько пришло? и т.д.). Но при этом различным оказывается механизм согласования свернутой и несвернутой конструкции: наречие само по себе сочетается со сказуемым в форме среднего рода, тогда как сочетание наречия и существительного допускает постановку сказуемого также во множественном числе. (Много людей пришло — Много людей пришло, но только — Много пришло). Это говорит о том, что сказуемое соотносится со всей данной конструкцией в целом, то есть о ее неразложимости. Мы можем, следовательно, сказать, что те сочетания наречия с существительным, которые отвечают данному условию, то есть могут соотноситься с формой множественного числа сказуемого, являются неразложимыми репрезентациями подлежащего.

3) То же самое относится к сочетаниям существительного с существительным (отряд матросов, стая птиц и т.п.). Ссылка на "количественное значение" данных оборотов, которую обычно можно встретить, не позволяет строго ограничить круг интерпретируемых подобным образом случаев, так как неясна граница явлений, которые можно подвести под данное понятие: являются, например, количественным оборотом, или нет, такие сочетания, как стог сена, каравай

^I Это, впрочем, относится лишь к словам два, три, четыре — остальные количественные числительные могут употребляться в такой конструкции.

хлеба и т.д.? Мы можем, однако, строго определить интересное нас явление, сформулировав правило, согласно которому неразложимыми признаются только такие конструкции, которые допускают формальное отнесение сказуемого не только к одному заглавному слову, но ко всей конструкции в целом: большинство присутствующих заявило - заявили, ряд участников выступил (выступили с предложением) и т.д. (но ср. невозможность такого варьирования в конструкциях типа отряд матросов, стая птиц и т.д.: можно сказать отряд матросов пришел - но не пришли, стая птиц летела - но не летели; все-таки конструкции у нас нет никаких оснований признавать единой манифестацией подлежащего).

4) Мы рассматривали до сих пор сочетания различных форм с зависимым родительным падежом существительного. Но совершенно аналогичные определения могут быть отнесены и к сочетанию этих же форм с конструкцией с предлогом из (так называемый "выделительный оборот"): те, и только те из подобных сочетаний, которые соответствуют введенным выше критериям, могут быть признаны синтаксически неразложимыми.

5) Далее, существует еще один оборот, рассматриваемый обычно в качестве подлежащего: сочетание номинатива с предлогом с и творительным падежом: мы с товарищем. Заметим, однако, что здесь возникает необходимость четко отграничить данные обороты от случаев типа дама с сумкой, человек со знаменем. Ссылка на различие в значении (значение "совместности" в первом случае и атрибутивное - во втором), как и всякие ссылки подобного рода, ненадежна и оставляет место для спорных случаев. Так, в предложении Вошла дама с собачкой, по-видимому, допустимы оба этих понимания.

Чтобы разграничить данные случаи, отметим, что в случае, если сочетание неразложимо, сказуемое, как и во всех уже рассмотренных примерах аналогичного характера, может относиться не только к заглавному слову, но ко всей

конструкции в целом: Ко мне пришел (пришли) приятель с женой. Это невозможно в конструкциях атрибутивного характера, где сказуемое соотносится только с заглавным словом: человек со знаменем упал (но не упали), дама с собачкой вошла (но не вошли), и т.д.

б) Наконец, в случае, когда подлежащим является инфинитив, к нему может относиться другой инфинитив: начать учиться стало для него необходимостью. Поскольку нам уже известно, что в позиции подлежащего инфинитив не теряет своих грамматических свойств, присущих ему, как представителю вербального класса слов, такие конструкции мы можем признать неразложимыми на основании тех же критериев, которые были ранее выдвинуты для определения аналогичных оборотов (с заглавным словом в личной форме) в составе сказуемого.

После того как мы определили формально все виды выражения подлежащего, естественно встает вопрос о классификации описанных явлений. Надо указать, что обычно грамматика ограничивается лишь классификацией сказуемых. Логика описания подсказывает, что необходимо должна быть построена и классификация подлежащих, причем на тех же основаниях, что были ранее введены для определения типов сказуемого.

С этой целью выделим сначала два основных класса подлежащих: субстантивное (включающее все субстантивированные формы) и несубстантивное (представленное инфинитивом). В рамках каждого из данных классов мы можем наметить следующие параллельные группы:

- а) простое подлежащее — выражаемое одним словом¹;
- б) сложное подлежащее, выражаемое сочетанием слов, каждое из которых в принципе могло бы быть ис-

¹ Случай, когда актуальной субстантивации подвергается целая словесная группа (предложение, сочетание предложений, и т.д.), целесообразно квалифицировать как простое подлежащее, так как вся такая группа трактуется в качестве одного слова ("актуального существительного").

- пользовано в качестве простого подлежащего¹. Таковы все сочетания существительного (или собирательного числительного) с зависимым существительным (сложное субстантивное подлежащее), инфинитива с инфинитивом (сложное несубстантивное подлежащее);
- в) составное подлежащее, выражаемое соединением, один элемент которого самостоятельно не способен стать подлежащим. Это соединение количественного числительного с существительным (составное субстантивное подлежащее). Для несубстантивного подлежащего мы не находим в языке хорошей интерпретации².
- г) сложное составное подлежащее — контаминация случаев б) и в), также, разумеется, только для субстантивного класса: два ряда предложений, два приятеля с женами.

Наконец, в рамках каждой из полученных клеток можно добавить осложненное подлежащее, получаемое чаще всего удвоением какой-либо из форм: Лес, лес шумит.

Вопрос о второстепенных членах предложения

Вопрос о второстепенных членах предложения является одним из наиболее сложных в синтаксисе. Учение о трех второстепенных членах — определении, дополнении и обстоятельстве — было разработано еще в античную эпоху. Оно продол-

¹ Имеется в виду, что возможно без актуальной субстантивации, поскольку последняя делает возможным постановку в позицию подлежащего любой языковой формы.

² В случае типа Раздалось два "бежать!" инфинитив подвергается актуальной субстантивации, то есть здесь перед нами субстантивное подлежащее.

лало затем сложную эволюцию, в ходе которой определения данных явлений и их конститутивные признаки подвергались изменениям, но само представление о существовании именно данных трех случаев сохранялось, прочно войдя в лингвистическую традицию. В последнее время наблюдались попытки заменить данную классификацию более дифференцированным описанием различных синтаксических функций. Так, И.А.Мельчук выделил в русском языке свыше 30 таких функций¹. Представляет, однако, интерес, оставаясь в рамках закрепленных традицией понятий, попытаться более строго их определить, используя при этом некоторые формальные критерии.

Итак, известно, что первоначальное определение членов предложения было дано на базе трех основных синтаксических функций — атрибутивной, объектной и обстоятельственной. Характер функции, репрезентируемой той или иной языковой формой, определялся постановкой к ней вопроса — мы уже видели, что подобное определение является совершенно ненадежным и во многих случаях ставит нас перед альтернативами. Тем не менее такой метод определения второстепенных членов прочно вошел в традицию как описания языка, так и школьного преподавания, тем более что наука долго не могла предложить более эффективных критериев. Между тем, попытки в этом направлении, вызываемые осознанием недостаточности существующих определений, предпринимались неоднократно, и все они имели одну цель — формализацию анализа по членам предложения.

Трудность, однако, состоит здесь в следующем. Главные члены предложения — подлежащее и сказуемое — в языке четко "морфологизованы", то есть имеют вполне определенные морфологические классы слов, специализированные для выражения этих функций: субстантивы (в именительном падеже) — для подлежащего, глаголы — для сказуемого². Поэтому для

¹ И.А.Мельчук, Автоматический синтаксический анализ, т. I, изд. АН СССР, Новосибирск, 1964.

² Единственное исключение — использование инфинитива в качестве подлежащего — может быть легко оговорено и носит к тому же явно периферийный характер.

определения главных членов нам фактически не надо ставить к ним вопрос — достаточно отыскать в предложении соответствующую словесную форму.

Иное дело — второстепенные члены: они имеют различную морфологическую репрезентацию. Очевидно, это связано как раз с периферийностью их положения в структуре: на периферии грани между явлениями оказываются менее четкими, закрепленность в формах — менее жесткая. Как бы там ни было, но и с точки зрения используемых морфологических разрядов, и с точки зрения используемых средств связи второстепенные члены образуют перекрывающиеся классы. Так, дополнение выражается различными формами косвенных падежей субстантивных слов¹. Определение — различными адъективными словами² и теми же косвенными падежами субstantивов (дом из кирпича). Обстоятельства — адverbиальными словами³ и опять-таки различными предложно-падежными конструкциями. Кроме того, все три вида второстепенных членов выражаются инфинитивом. С точки зрения морфолого-синтаксической связи — дополнение образует управляемую конструкцию, определение — согласуемую или управляемую, обстоятельство — управляемую либо примыкающую.

Таким образом, построить формальное разграничение второстепенных членов на основании данных признаков не

¹ Субстантивными словами мы будем называть существительное "в широком смысле" (в отличие от собственно существительного), включая сюда все разряды слов, соотносительные с существительными по своим синтаксическим свойствам (местоименные существительные, количественные и собирательные числительные).

² Адъективные слова так же относятся к прилагательному, как субстантивы — к существительному. Сюда включаются, помимо собственно прилагательных, местоименные прилагательные, порядковые числительные и причастия.

³ Собственно наречия и деепричастия.

удается. Попытки этого рода в свое время предпринимались и потерпели неудачу. Так, Ф.И.Буславев стремился определить второстепенные члены на базе типов морфолого-синтаксической связи, однако в конечном итоге это привело к созданию двух совершенно автономных классификаций — членов предложения, с одной стороны, и видов связи — с другой. Не удалась также предпринятая А.А.Потебней попытка соотнести члены предложения и части речи. В результате анализ по членам предложения и в настоящее время остается неформализованным, что делает его весьма субъективным и ненадежным.

Значительный шаг на пути разрешения данной проблемы был сделан Л.Теньером в уже не раз упоминавшейся нами монографии. Теньер охарактеризовал второстепенные члены предложения не с точки зрения их собственных свойств (их формы или способа выражения синтаксической связи) — что, как мы видели, не дает результатов, — а в зависимости от того, к чему они относятся.

Основные функции в предложении — подлежащее и сказуемое — выражаются соответственно словами субстантивного и вербального¹ классов. Второстепенные члены присоединяются к словам данных классов, выступающих (в прямой своей функции) в качестве главных членов синтаксической структуры, и характер второстепенных членов зависит исключительно от того, к какому из данных основных классов они относятся: определение — это распространитель субстантивного класса, дополнение и обстоятельство — распространители адъективного класса.

Правда, слова субстантивного и вербального класса могут выступать не только в своей основной, прямой функции, но и не прямой ("транслированной", как ее называет Теньер). Так, слово вербального класса может попасть в позицию подлежащего (инфинитив), а субстантив — в позицию

¹ Вербальный класс — глагол в широком понимании: собственно глаголы (личные формы), связка, инфинитив.

сказуемого (именной части составного сказуемого), кроме того, тот же инфинитив и все субстантивы могут оказаться сами в роли второстепенных членов (всех трех видов). Во всех этих случаях они сохраняют "свой" распространения, то есть инфинитив и в позиции подлежащего, и в позиции любого второстепенного члена может быть распространен дополнением или обстоятельством (ехать учиться было необходимо, где ехать — подлежащее, учиться — обстоятельство цели при нем); соответственно, субстантив в любой синтаксической позиции сохраняет способность иметь при себе определения.

Такой подход представляется значительным прежде всего в чисто теоретическом плане, поскольку более сложно освещает взаимоотношение морфологической формы и синтаксической функции, отказываясь от поисков прямого соответствия между ними. В морфологической форме отложилось наиболее типичное ее употребление, и в самом обычном, типизированном, стандартном случае синтаксическая функция оказывается действительно "морфологизована". Так, подобную морфологизацию можно усмотреть в выражении (наиболее обычном) объектной функции субстантивной формой (в косвенных падежах), атрибутивной функции — адъективной формой и обстоятельственной функции — адвербиальной формой. Но соотношение формы и функции этим не ограничивается: синтаксическое употребление, основываясь, как на фундаменте, на морфологических свойствах используемой формы, оказывается вместе с тем более гибким и допускает пересмысление формы, использование ее в не прямой — "транслированной" функции. Это обстоятельство и учитывает концепция Теньера, определяя функцию не по самой форме, а по характеру ее использования (то есть с точки зрения того, каково положение данной формы в структуре предложения, к чему она относится).

Но и в чисто практическом отношении такой подход имеет большое значение, поскольку вводит четкое формаль-

ное определение по крайней мере для одного второстепенного члена — определения: мы знаем теперь, что распространитель субстантива (что бы он собой ни представлял как форма и какой бы вопрос к нему ни ставился) всегда является атрибутом (определением). Так, в примерах типа вода в стакане, книга на столе, посыльный от начальника, изделия из стекла и т.д. мы из трех или двух равновозможных, с традиционной точки зрения, вариантов (ср. вода в чем? где? какая?; посыльный от кого? откуда? какой? и т.д.), которые, кстати сказать, почти всегда образуют альтернативу в случае присоединения одного субстантива к другому, теперь получаем возможность с уверенностью выбрать один¹. Такой выбор соответствует и интуитивной оценке содержания данной конструкции, поскольку в присубстантивной позиции понимание отношения как атрибутивного всегда оказывается возможно (по крайней мере как одна из интерпретаций). Сравним соотношение по смыслу следующих конструкций: мыть руки — мытье рук, бежать ночью — бег ночью, и т.п. В подобных парах отчетливо проявляется переосмысление функции из объектной или обстоятельственной в атрибутивную при замене глагола отглагольным именем.

Сложнее обстоит дело с разграничением дополнения и обстоятельства, поскольку оба они занимают тождественную синтаксическую позицию как распространители вербального класса. Пытаться разграничить данные понятия, апеллируя к управлению (как выражению дополнения) и примыканию

¹ Конечно, данные сочетания не следует смешивать с такими, как книга — на столе, где форма на столе относится к нулевой связке и потому выражает обстоятельственную функцию (ср. книга была на столе); атрибутивная функция возникает лишь в случае понимания предложного падежа как приименного: книга на столе оказалась раскрытой на первой странице.

(выражение обстоятельства), а также к сильному и слабому управлению, как это иногда делается¹, едва ли целесообразно, во-первых, потому, что вопрос этим не решается, а лишь переводится в другую плоскость, главное же, мы уже убедились в бесперспективности разграничения синтаксических функций путем прямой ссылки на показания морфолого-синтаксической связи.

В последнее время был предпринят ряд интересных попыток разграничения объекта и обстоятельства. Так, иногда говорится, что объект относится непосредственно к глаголу, тогда как обстоятельство — ко всему предложению в целом². К сожалению, четко показать данное различие не удастся. Дело в том, что глагол является структурным центром предложения, в силу чего все элементы, относящиеся к предложению в целом, оформляются как зависимые от глагола (ср., в частности, вводные конструкции). Поэтому если обстоятельства и относятся действительно не собственно к глаголу, а ко всему предложению, то внешне, в их синтаксических связях, это никак не выражено.

Развивая данный признак, можно сказать, что объект, как элемент, относящийся собственно к глаголу, связан с валентностью глагола, а обстоятельство не связано. В этой связи говорится о том, что каждый глагол (предикат) требует определенное количество зависимых элементов (аргументов предиката). В зависимости от числа требуемых аргументов различают одноместные, двухместные, трехместные и т.д. (обычно до пятиместных включительно) предикаты. Так, предикат вижу предполагает аргументы кто? что? (кого?) (двухместный), предикат обмениваю — аргументы кто? с кем? что? на что? (четырёхместный), и т.п. Все прочие распро-

¹ На таком подходе основывается ряд работ В.М.Никитина. См., напр., В.М.Никитин, Основные различия в позициях сильного и слабого управления глаголов в современном русском языке, "Вопросы теории и методики изучения русского языка", Саратов, 1965.

² Ср. П.Адамец, В.Грабе, Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения, "Slavia", 1968, № 2.

странители, относящиеся к данному предикату, но не являющиеся его аргументами (то есть не требуемые в качестве обязательных, регулярно встречаемых при данном предикате членов), трактуются как обстоятельства. Ср. Я вижу его по вечерам на прогулке при электрическом освещении, где последние три члена — обстоятельства.

Однако определение того, какие именно формы являются аргументами некоторого предиката, во многих случаях является затруднительным. Какова, например, валентность предиката писать? Несомненно два аргумента — кто? и что? Но входит ли в число аргументов форма кому?, которая оказывается регулярной в одних употреблениях (писать письмо), но лишь с трудом может быть допущена в других (писать книгу). Подобных примеров можно привести множество. Косвенным свидетельством степени близости к глаголу (а следовательно, и вхождения в его валентность) именной формы является ее линейное расположение относительно других форм: наиболее тесно связанные с глаголом формы располагаются (при обычном порядке слов) более близко к глаголу (ср. приводившийся ранее пример с глаголом видеть). Но и данное наблюдение не решает проблемы, так как остается все-таки неясным вопрос о границе, то есть как далеко от глагола должно быть расположено зависимое слово, чтобы получить обстоятельственную интерпретацию.

Остроумное разграничение объекта и обстоятельства, также связанное с излагаемой здесь общей идеей (объект как аргумент предиката, обстоятельство как слово, не входящее в валентность глагола), предложил Р.Мразек¹. Мразек предлагает считать объектом распространитель глагола, обозначающий предмет, на который направлено действие, и не имеющий обстоятельственного значения. Иначе говоря, в тех случаях, когда равновозможной оказывается объектная и обстоятель-

¹ Р.Мразек, Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы, "Вопросы языкознания", 1964, № 3.

ственная трактовка (идти мимо леса — мимо чего? и где? сойти со ступенек — с чего? и откуда? и т.п.), вопрос решается в пользу обстоятельственного определения. Такое предложение можно считать вполне оправданным, поскольку обстоятельства являются, как видим, "слабым" классом глагольных распространителей. Отличительной чертой всякого "слабого" (немаркированного) явления является широкая способность к переосмыслению, в то время как соответствующие возможности "сильного" (маркированного) элемента бывают ограничены или даже вовсе исключены. Поэтому, встречая в тексте форму, которая с равным основанием может быть осмыслена и как объектная, и как обстоятельственная, делаем вывод, что перед нами слабая форма, то есть обстоятельство. И лишь однозначное объектное определение говорит о наличии "сильной" формы — объекта¹.

Однако и данная идея решает лишь часть проблемы. Дело в том, что остаются случаи, когда сомнительной оказывается сама возможность двойственной трактовки и равноправность обоих определений (ср. веселиться с друзьями — с кем? и как?, где, однако, первый вариант как будто выглядит несколько предпочтительнее). Для решения подобных спорных случаев Р.Мразек предлагает некоторые добавочные признаки, которые, однако, сами по себе являются крайне неопределенными и нуждающимися в уточнении. То же можно сказать еще о целом ряде предлагавшихся в другое время (начиная с "Русского синтаксиса в научном освещении" А.М.Пешковского) критериев разграничения объектной и обстоятельственной функции (и, соответственно, сильного и слабого управления, управления и примыкания).

Мы можем, следовательно, констатировать, что несмотря на известные успехи, достигнутые в разработке дан-

¹ Разумеется, это не исключает также случаев с однозначным обстоятельственным определением.

ной проблемы, в особенности в последнее время, вопрос об определении второстепенных членов предложения (и прежде всего — дополнения и обстоятельства в их противопоставлении друг другу) все еще остается в значительной степени открытым.

К вопросу об аппозиции

Своеобразное явление синтаксиса составляет аппозиция (приложение). Как известно, аппозицией называется соединение слов одной части речи (чаще всего — существительных, но также и других субстантивных классов слов), стоящих в одной форме, из которых одно слово по смыслу обычно относится к другому и определяет его: город-герой. Отличие от собственно определительной конструкции состоит в тождестве грамматической характеристики обоих слов (и вследствие этого — формальной невыраженности иерархических отношений между ними), отличие же от равноправного сочинительного сочетания — в отсутствии перечислительной интонации и атрибутивном отнесении одного слова к другому. Иначе говоря, по форме данная конструкция напоминает сочинительную (за исключением интонации), поскольку в ней не выражена иерархичность элементов, по смыслу же — атрибутивную.

В русском языке существует целый ряд конструкций, имеющих один очень существенный общий формальный признак: тождественное оформление членов конструкции. А именно, все члены конструкции принадлежат к одному классу слов — по крайней мере к одному широко понимаемому классу (в данном случае — к субстантивам), занимают одну "клетку" в структуре фразы и обычно имеют одинаковую грамматическую форму. Другим общим признаком является незамкнутость всех таких конструкций в смысле возможности строиться не толь-

ко из двух, но и из большего (теоретически неограниченного) числа членов. Нетрудно представить себе, что данными признаками в равной мере обладают следующие явления:

- а) аппозиция (обособленная и необособленная);
- б) однородные члены предложения;
- в) некоторые фразеологизованные конструкции, фактически функционирующие как одно слово: путь - дорога;
- г) сочетания, в которых один элемент (чаще - второй) выполняет функцию определителя по отношению к первому: станция Клин, река Урал (возможно, впрочем, и Урал-река); отличие данных конструкций от приложений состоит в том, что определяющий элемент не изменяется и таким образом согласуется с определяемым лишь в исходной форме: ср. на станции Клин.

Поскольку между данными группами явлений обнаруживается, как видим, большое сходство, естественно, встает вопрос об их четком разграничении.

Надо сказать, что довольно легко отграничивается от всех остальных случаев в). Здесь перед нами слитные, идиоматизированные конструкции. Правда, известная возможность варьирования сочетающихся элементов нередко все же существует (ср. путь-дорога, путь-дороженька). Но набор сочетающихся элементов всегда ограничен, и поэтому данные конструкции являются устойчивыми. Другим их отличительным признаком является идиоматизация, то есть слитное выражение значения. Между членами данных конструкций нет атрибутивных отношений, они воспринимаются как цельная единица. Сам факт идиоматизации обуславливает ограниченность распространения такого рода конструкций. Это - явление словаря, а не грамматики; здесь нельзя говорить о каких-либо синтаксических отношениях между компонентами. На идиоматичность данных явлений указывает и тот факт, что в роли одного из компонентов конструкции могут выступать

"Мнимые слова", нигде в иных сочетаниях не употребляющиеся и сами по себе ничего не значащие (чудо-удо).

Другой разновидностью этого случая можно считать такое распространенное в русском языке явление, как сочетание имени и отчества, а также сложные имена и фамилии. Здесь также своего рода фразеологизм, так как в комбинациях участвует ограниченный набор слов, сочетание идиоматизировано (фактически слитно обозначает имя) и кроме того, одна из частей является, в сущности, "мнимым словом", нигде в других конструкциях не употребляющимся (самостоятельное употребление отчества без имени имеет просторечный оттенок).

Наконец, еще одну разновидность данной конструкции среди субстантивных слов представляют собой составные количественные числительные: двадцать пять, двести восемьдесят и т.п. Здесь также ограничен набор сочетающихся элементов и налицо идиоматизация.

Конечно, и все данные конструкции, как и всякие другие фразеологизмы, могут отличаться различной степенью идиоматизации, в связи с чем отнесение некоторых конкретных примеров к той или иной группе может вызвать известные затруднения. Но в принципе данная конструкция должна квалифицироваться как слитная, синтаксически нерасчлененная. Естественно, в структуре фразы она занимает всегда только одну синтаксическую позицию, одну "клетку". Ее признаком является также обязательное совпадение грамматических форм членов конструкции — форм числа и падежа. В то же время лексико-грамматические формы (рода) могут и различаться (путь-дорога).

Остается добавить, что количество членов данной конструкции не ограничено. Это особенно очевидно для случая с числительными, но может быть продемонстрировано и для существительных (ср. чудо-удо-рыба-кит), и для сложных имен и фамилий.

Конструкции типа г) широко распространены в современ-

ном русском языке и являются весьма продуктивными. Их отличительным признаком, как мы уже отмечали, является свободная сочетаемость элементов. Данные сочетания носят подчинительный характер: одна из частей определяет другую, причем определяющая часть выступает всегда в исходной форме (именительный падеж); поэтому, если главное слово стоит в форме именительного падежа, его форма совпадает с формой определяющего — но только в этом случае. В сущности, данная конструкция ничем не отличается от других подчинительных (атрибутивных) субстантивных сочетаний: последние обычно характеризуются постоянной формой зависимого слова, тогда как главное может изменяться в зависимости от позиции в структуре фразы. В связи с этим в определенной позиции падежная форма главного и зависимого слова совпадают. Таковы, например, конструкции с родительным определительным, когда главное слово в свою очередь стоит в форме родительного падежа: дом брата — у дома брата. Особенностью рассматриваемой конструкции является лишь то, что зависимое слово выражено в форме именительного падежа, и таким образом именительный падеж здесь оказывается подчинен другой падежной форме (в частности, и формам косвенных падежей).

В данной конструкции, таким образом, нет согласования падежных форм. Формы числа главного и зависимого слова часто совпадают, но могут и различаться: село Дубки. Разные формы рода сочетаются совершенно свободно.

Отличительным признаком случаев б) (однородные члены предложения) является сочинительный (констеллятивный) характер связи между компонентами сочетания, маркируемый специальными сочинительными средствами связи — сочинительными союзами или особой перечислительной интонацией¹.

¹ Как справедливо заметил А.С. Попов, понятие однородных членов предложения не обязательно связано с синтаксической однородностью, возможны примеры типа: Никто и нигде меня не ждет (Паустовский) — где «однородные члены» выполняют разную синтаксическую функцию. Поэтому формальным показателем данного явления оказывается отнюдь не

Поэтому совпадение форм у членов данной конструкции является факультативным: будучи членами констелляции, слова не зависят друг от друга в своем оформлении. Действительно, если говорить о субстантивных сочинительных сочетаниях, то члены таких сочетаний могут иметь разную форму рода, числа (примеры очевидны) и падежа: Я собираюсь сходить на станцию и к Петровым.

Таким образом, если в случаях г) совпадение падежных форм оказывалось обязательным в одной позиции (главное слово — в именительном падеже) и было невозможно во всех других, то в данном случае совпадение форм во всех позициях возможно, но не обязательно.

Наконец, в случае аппозиции согласование грамматических форм (числа и падежа) является обязательным во всех позициях, как в случае в). Это отличает аппозицию от рассмотренных здесь сочинительных и подчинительных конструкций. В то же время, в отличие от сложных конструкций типа в), аппозитивные сочетания являются свободными и не идиоматизированными. Следовательно, между членами аппозитивной конструкции существует некоторая синтаксическая связь, причем связь обязательная (то есть это не констелляция). Возникает вопрос, каков характер этой связи.

Надо сказать, что по смыслу часто (хотя и не всегда) в составе аппозитивной конструкции можно выделить главное слово и зависимое, которое служит его определителем. Это дает основание рассматривать аппозицию как разновидность атрибутивной конструкции, и синтаксические отноше-

синтаксическая однородность, а определенный характер их соединения между собой (А.С. Попов, Однородные члены предложения, имеющие разную форму и разную функцию, в современном русском языке, "Краткие очерки по русскому языку", Воронеж, 1964, стр. 49-50). Добавим, что в связи с этим обстоятельством термин "однородные члены предложения" следует признать явно неудачным; гораздо правильнее было бы говорить в этом случае о сочинительных рядах (сочинительных группах) слов.

ния между членами аппозиции трактовать как подчинительные. Однако сам по себе характер смысловых отношений не дает еще основания для той или иной квалификации синтаксической связи. Известно, например, что и между членами сочинительных конструкций в ряде случаев могут быть установлены пояснительные смысловые отношения, что, однако, не меняет формальной квалификации данных конструкций. Поэтому при определении синтаксического характера аппозиции необходимо рассмотреть формальные признаки данного явления.

С этой точки зрения приходится констатировать, что в аппозитивной конструкции не обнаруживается формальных признаков главного и зависимого слова, поскольку оба члена сочетания принадлежат к одному и тому же функциональному классу и всегда имеют одинаковое грамматическое оформление. Следовательно, невозможно представить дело так, что одно из слов "согласуется" с другим, поскольку иерархичность данной конструкции не может быть показана формально. В то же время мы видели, что между формами членов аппозиции существует обязательная зависимость. Отсюда вытекает, что данная зависимость носит взаимный характер. Перед нами случай взаимной зависимости (и, соответственно, взаимного согласования форм).

Если теперь мы рассмотрим все конструкции с тождественной формой своих компонентов, то окажется, что главным различительным признаком, по которому они противопоставляются друг другу, является характер синтаксических отношений между компонентами. Мы видим, что в сфере конструкций данного типа реализуются все виды синтаксических отношений: "нулевая" синтаксическая связь (слитные конструкции), сочинительные отношения (однородные члены предложения), подчинительные конструкции и сочетания с взаимной зависимостью компонентов (аппозиция). Следовательно, оказывается возможным говорить о существовании в языке особого рода синтаксических конструкций — мы можем назвать их симулятивными конструкциями, — характеризующихся формальным тождеством сочетающихся компонентов, причем

в рамках данных конструкций, как и среди обычных сочетаний, могут реализоваться различные синтаксические отношения. В зависимости от характера последних и выделяются описанные выше четыре разновидности симмлятивных конструкций. Обычно они описываются изолированно один от другого, что не позволяет показать достаточно отчетливо как черты, общие для всех этих конструкций, так и их специфические свойства. Сопоставление данных явлений позволяет не только четче показать их различительные признаки, но и полнее описать каждое из данных явлений в отдельности, поскольку при этом вскрываются черты, оставшиеся незамеченными при изолированном рассмотрении.

В частности, при сопоставлении описанных здесь явлений бросается в глаза одна особенность. Когда мы говорим о группах б) и в), мы не делаем ограничения для каких-либо функциональных классов. Предполагается, что данные явления охватывают слова различных (в принципе - всех) функциональных классов. Так, явление однородности может быть не только в сфере субстантивов, но и среди адъективных или вербальных слов и т.д. Также фразеологизованные "слитные" конструкции указанного типа возможны среди других функциональных классов (ср. идет-бредет, синий-синий, вверх-вниз, очень-очень).

В то же время, когда речь заходит о случаях а) и г), имеются в виду только субстантивы. В частности, наиболее интересующая нас здесь аппозиция рассматривается исключительно в сфере субстантивных слов. Между тем значительное сходство всех рассматриваемых явлений наталкивает на мысль о том, что и в этом между ними должен обнаруживаться известный параллелизм. Поэтому уместно будет задать вопрос: правомерно ли ограничение понятия аппозиции сферой субстантивных слов? Не наблюдаются ли среди других функциональных классов параллельные явления, которые также могли бы быть подведены под общее понятие аппозиции?

В этой связи пристального внимания заслуживают глагольные конструкции особого рода, типа пойду посмотрю, возьму спрошу, пойду навещу и т. д. Данные конструкции широко распространены, особенно в разговорной речи. Между тем они весьма скупо освещаются грамматиками. Впервые на них обратил внимание А.А.Шахматов, считавший данные конструкции случаем "двойного сказуемого". Сходную, в сущности, трактовку находим в Академической грамматике, упоминающей данные конструкции в разделе, посвященном осложненному сказуемому. Такая характеристика, однако, недостаточна, так как не показывает характера синтаксических отношений между компонентами конструкции.

В самом деле, с точки зрения формальных отношений глаголы в составе данных конструкций не обнаруживают никаких различий, в связи с чем определение формально главного и зависимого элемента здесь оказывается затруднительным. В то же время связь между глаголами носит обязательный характер, поскольку тождество глагольных форм не может быть нарушено. Наконец, сочетание является свободным и, как правило, не идиоматизированным. Таким образом, перед нами симулятивная конструкция, свободная, с отношениями взаимного подчинения между компонентами (выражающимися во взаимном согласовании между ними по всем грамматическим категориям). Иными словами, перед нами явление, представляющее полный аналог субстантивной аппозиции — глагольная аппозиция.

Правда, существуют и некоторые отличия названных конструкций от субстантивных. В частности, смысл данных сочетаний не изменяется даже с постановкой слов и, да, да и (пойду и спрошу, пойду да и спрошу), которые в этом случае играют роль не соединительных союзов, а усилительных частиц. Это подтверждается наличием в языке омонимичных

соединений глаголов с помощью союза и (сочинение) и в сопровождении частицы и (аппозиция), имеющих различный смысл. Ср.: Я пойду к Ивановым и расскажу им эту историю, и а я вот пойду и расскажу. Формально данные омонимы различаются, во-первых, невозможностью в аппозитивной конструкции заменить слово и перечислительной интонацией (пойду, расскажу), во-вторых, наличием управляемого члена только у одного слова аппозитивной конструкции (любого)¹, либо общего для обоих, и возможностью постановки различных управляемых слов при каждом члене сочинительного сочетания.

Следовательно, возможность постановки при глагольной аппозиции усилительной частицы, хотя и отличает ее от субстантивной аппозиции, не изменяет в принципе характера соотношения ее членов.

Наличие аппозиции в сфере глагола заставляет предположить, что данные отношения присущи и другим частям речи. И действительно, кроме уже названных субстантивной и глагольной аппозиции, легко можно указать на аналогичные явления в сфере местоименных прилагательных (местоименно-адъективная аппозиция, ср. этот сам, весь этот, и т.п.), наречий (наречная аппозиция — направо вверх), наконец, прилагательных (адъективная аппозиция). В последнем случае имеется в виду так называемые "неоднородные определения" (медленный тихий вальс). Данный случай заслуживает того, чтобы рассмотреть его несколько подробнее.

Вопрос о разграничении однородных и неоднородных цепочек прилагательных относится к нерешенным в грамматике. Обычно данное разграничение пытаются обосновать

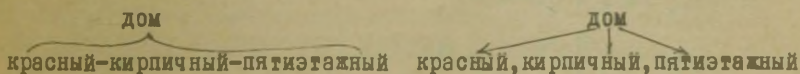
¹ Косвенно это подтверждает равноправность членов аппозитивной конструкции, так как наличие управляемого члена у одного глагола (любого) делает невозможным (без разрушения аппозиции) постановку управляемого слова у другого глагола.

ссылками на семантическую "однородность" или "неоднородность" слов. Этому, однако, явно противоречат случаи трансформации одного типа в другой. Известно, что любая неоднородная конструкция может быть с легкостью превращена в однородную. Меньше обращается внимание на обратное явление — на то, что и однородная конструкция может оказаться представленной в виде неоднородной:

Нам купили синий-синий
Презеленый красный шар (С.Михалков)

Таким образом, различие данных конструкций — отнюдь не в семантике сочетающихся слов; в лучшем случае можно сказать, что некоторые типы семантических соотношений имеют тенденцию тяготеть к однородным, а другие — к неоднородным конструкциям.

Различие же между последними состоит в том, что в одном случае мы имеем сочинительную связь, в другом — аппозицию, то есть (в соответствии с общим определением) взаимное подчинение тождественных по форме слов. Это различие вполне аналогично различию между конструкциями — диван-кровать и диван, кровать..., пойду посмотрю и пойду, посмотрю. Цепочкам красный кирпичный пятиэтажный дом и красный, кирпичный, пятиэтажный дом соответствуют разные структурные схемы:

Этому внутреннему структурному различию соответствует одно внешнее различие, которое доказывает правильность нашего представления данных конструкций и одновременно может служить средством их формального разграничения. При сочинительной связи каждое прилагательное относится к определяемому слову непосредственно и независимо, автономно от других прилагательных. Поэтому разные однородные члены могут относиться как к одному и тому же предмету, так и

к разным единичным предметам того класса, который назван определяемым словом. Так, в нашем примере однородные определения красный, кирпичный, пятиэтажный могут характеризовать как один и тот же дом, так и различные отдельные дома. В последнем случае перед нами отношения следующего вида:

[дом   дом   дом]
красный   кирпичный   пятиэтажный

В этом случае слово дом может быть поставлено во множественном числе, несмотря на единственное число относящихся к нему определений. И действительно, можно сказать: мы прошли мимо красного, кирпичного, пятиэтажного домов.

Следовательно, при цепочке однородных определений, стоящих в форме единственного числа, определяемое слово может свободно принимать как форму единственного, так и форму множественного числа.

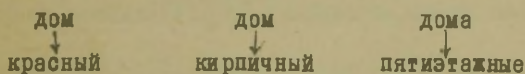
При аппозитивных отношениях каждое прилагательное соотносится с другими прилагательными (и согласуется с ними), и лишь последнее слово данной цепочки относится непосредственно к существительному. Следовательно, двоякое понимание конструкции и в связи с этим возможность нарушения числового согласования здесь исключены. И действительно, нельзя сказать:

* мы увидели красный кирпичный пятиэтажный дома.

Данный случай (определения в единственном числе, определяемое слово — во множественном) является диагностическим для описанных конструкций: здесь они формально различаются^I. Однако при сочинительной связи варьировать

^I Аналогичные отношения наблюдаем в соответствующих субстантивных конструкциях в их отношениях к глаголу. Ср. возможность постановки глагола во множественном числе при однородных существительных единственного числа (были куплены диван, кровать...) и обязательность числового согласования при аппозиции (был куплен диван-кровать).

ся, в силу указанных причин, могут не только формы числа у определяемого слова, но и у самых прилагательных. А именно, если определяемое слово стоит во множественном числе, то некоторые из определяющих могут принять форму единственного, другие же — форму множественного числа: мы увидели красный, кирпичный, пятиэтажные дома. Отсутствие согласования между прилагательными в этом случае объясняется опять-таки тем, что они относятся к главному слову каждое отдельно и независимо от других:

Разумеется, и в этом случае аппозитивные отношения исключают возможность подобного варьирования, так как прилагательные согласуются одно с другим. Следовательно, мы можем теперь в общем виде сформулировать правило, согласно которому возможность нарушения согласований по числу в конструкции с несколькими определениями-прилагательными, относящимися к одному слову, свидетельствует о том, что между определениями устанавливается сочинительная связь (это "однородные определения"); невозможность подобных нарушений свидетельствует о наличии между прилагательными аппозитивной связи (случай "неоднородного определения").

Обычно, если указанные нарушения согласования маркируют данную конструкцию, позволяя дать ей однозначное структурное определение, то случаи, когда согласование соблюдается, открывают возможность двоякого понимания. Эти случаи можно поэтому рассматривать как немаркированные, в которых происходит нейтрализация противопоставления сочинительной и аппозитивной структур. Таким образом следует еще раз подчеркнуть, что разница между сочинением и аппозицией (и, в частном случае с прилагательными, меж-

ду так называемым "однородным" и "неоднородным" определением) имеет структурно синтаксическую природу, а ни в каком случае не выводится из семантических свойств самих образующих эти конструкции слов. Поэтому и различение данных конструкций возможно только в результате рассмотрения характера синтаксических отношений, а не семантики составляющих их слов как таковых.

Итак, явление аппозиции оказывается присуще всем функциональным классам слов, поэтому сужение его рамками одного лишь субстантивного класса (и даже еще более — рамками одних лишь существительных) представляется неправомерным.

Субстантивная, глагольная, адъективная и наречная аппозиция являются своеобразным способом деривации структуры предложения. Отношения взаимной зависимости делают аппозитивную конструкцию как бы разверткой одного узла структурного дерева. Действительно, в дереве предложения аппозиция, подобно всякой координативной конструкции, должна занять место в одной клетке схемы.

Данные черты аппозитивной конструкции объясняют тот ее парадоксальный характер, который был отмечен нами вначале. В самом деле, наличие формальной зависимости объясняет и более тесную в этом случае, чем при сочинении, смысловую связь элементов. В то же время эта связь не позволяет установить односторонне направленные иерархические отношения.

Часть III. УЧЕНИЕ О ПРИЗНАКАХ И ТИПАХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА

(Функциональный синтаксис)

Предикативность и модальность, как признаки
предложения

В первой части мы уже говорили о том, что попытки сформулировать некоторые языковые признаки предложения обычно так или иначе связывались с понятием глагольности как центра предложения. Действительно, именно глагол является грамматическим классом, за которым закреплена роль предиката в предложении, то есть того смыслового центра, в котором концентрируется сама суть сообщения, то "новое", что сообщается относительно субъекта. При этом примечательно, что глагол является единственным морфологическим разрядом, связанным с синтаксической функцией (предиката) одно-однозначным соответствием: личные формы глагола могут употребляться только в позиции сказуемого^I, а с другой стороны, сказуемое требует обязательного выражения глагольными (вернее, вербальными, включая сюда и связку) формами — все другие части речи вводятся в состав сказуемого лишь при посредстве вербальных форм (выступающих иногда, правда, в нулевой репрезентации). Неудивительно поэтому, что глагольность или "сказуемость" издавна (в русском синтаксисе — после

^I Мы не имеем в виду, конечно, явление актуальной субстантивации глагола, поскольку говорим здесь о данном классе слов в рамках формальной грамматики.

А.А.Потебни) рассматривалась как центр, "душа" предложения и вместе с тем его отличительный признак, как особой языковой единицы.

Такой подход нередко сохраняется и в настоящее время, в частности, в трудах чешских синтаксистов, считающих предложением только такую единицу, которая имеет в качестве своего структурного центра глагольную форму.

Однако апелляция при характеристике предложения непосредственно к глаголу, как к конститутивному признаку, сопряжена с известными неудобствами. Во-первых — именно в ситуации, характерной для русского языка — мы встречаемся со множеством предложений, в которых слово вербального класса материально не репрезентировано (выступает в нулевой форме). Но главное — для определения предложения недостаточно эмпирически установить роль некоторых элементов (в данном случае — слов вербального класса) в конструировании предложения; необходимо проанализировать, почему, в силу каких своих свойств (и притом — языковых свойств) именно данные элементы, а не какие-либо другие, сыграли роль конститутива предложения.

С этой точки зрения более содержательным представляется апелляция не к глаголу как таковому, а к грамматическим категориям, специфически присущим глаголу — категориям времени, лица, наклонения. Именно данные категории рассматриваются в качестве конструктивного выражения предикации как признака предложения. Такую модификацию излагаемой теории первоначально выдвинул С.И.Карцевский. В дальнейшем она была развита в синтаксических трудах В.В.Виноградова^I.

^I В.В.Виноградов, Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения, ВЯ, 1954, № I; см. также написанное тем же автором введение к академическому синтаксису ("Грамматика русского языка", т. II, ч. I, АН СССР, М., 1952).

В.В.Виноградов исходит из того, что предложение как единица языка характеризуется коммуникативной функцией, в отличие от словосочетания, характеризуемого номинативной функцией. Посредством предложения осуществляется сообщение, тогда как с помощью словосочетания (равно как и слова) — название. Осуществление сообщения состоит в отношении содержания предложения (выраженного словами) к действительности, к ситуации, в которой происходит сообщение. Это отношение к действительности осуществляется при помощи определенных средств, которыми располагает структура предложения, а именно — категорий лица, времени и модальности (ядром последней является категория наклонения), в совокупности образующих категорию предикативности. Данные категории и являются конструктивным признаком предложения.

Наряду с этим, признаком предложения признается законченная интонация. Однако здесь, в отличие от указанных выше работ, не подчеркивается автономность данного признака, в результате чего может создаться впечатление, что предикативность (в указанном понимании) и законченная интонация характеризуют одну и ту же единицу. Это привело (хотя сам В.В.Виноградов оговаривается, что им не рассматриваются "фразы" как чисто интонационные образования в речи) в русской синтаксической литературе к закреплению за двумя разнопорядковыми понятиями одного и того же термина "предложение". В последнее время на эту омонимичность термина неоднократно указывалось (см., напр., А.К.Ланфилов, Слово предложение как научный термин, РЯШ, 1966, № 4), и появилось стремление обозначить интонационное единство другим каким-либо словом ("фраза", "высказывание"). Поэтому, говоря о концепции В.В.Виноградова, мы будем в дальнейшем иметь в виду лишь определение предложения как структурной единицы.

Итак, три грамматических категории, с помощью которых осуществляется отнесенность предложения к ситуации сообщения (что позволяет ему выполнить присущую ему ком-

муникативную функцию), в совокупности образуют более широкую категорию предикативности, как признака предложения. Наиболее обычной репрезентацией данных категорий являются вербальные формы, что и объясняет роль этих форм как конструктивного центра предложения.

Особо следует сказать о категории модальности, составляющей один из компонентов предикативности. Категория модальности определяет оценку содержания сообщения с точки зрения отношения его к действительности — его возможности, действительности, необходимости. Структура данной категории определяет параметры такой оценки, которые могут различаться в разных языках. Формальным фундаментом модальности является категория наклонения. Именно структура данной категории дает основные, наиболее устойчивые и обязательно присутствующие в каждом предложении параметры модальной оценки. Модальность, выражаемая в формах наклонения, называется обычно объективной модальностью^I.

Наряду с объективной модальностью, составляющей ядро данной категории, модальная оценка может быть выра-

^I Иногда набор параметров, определяющих структуру объективной модальности, расширяют путем добавления ряда членов, выражаемых аналитическими конструкциями. Так, Н.Ю.Шведова предлагает структуру модальности, как синтаксической категории (характеризующей предложение), отличать от структуры наклонения, как морфологической категории. В отличие от трех форм наклонения в русском языке, структура объективной модальности, по Н.Ю.Шведовой, предполагает 6 членов (индикатив и пять ирреальных наклонений) (Н.Ю.Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии), Сб. "Русский язык. Грамматические исследования", изд. "Наука", М., 1967).

Такой путь, однако, связан с опасностью неправомерного расширения границ модальности, как формальной категории, введения в ее состав случаев, уже не являющихся регулярными и обязательными.

жена и иными, менее регулярными способами. Наиболее распространенными из них являются так называемые модальные слова (конечно, наверно, может быть и т.д.) или модальные частицы (разве, неужели, ведь, ли). Модальные значения, выражаемые с помощью данного круга средств, несравненно шире и разнообразнее, чем параметры объективной модальности, но обладают меньшей фундаментальностью, они как бы факультативно наслаиваются на основные модальные определения, содержащиеся в формах наклонения. Эти вторичные определения принято называть явлениями субъективной модальности.

Заметим, однако, что явления объективной и субъективной модальности резко отличаются друг от друга, лежат как бы в совершенно различных планах. С одной стороны -- параметры обязательные, жестко закрепленные в определенных формах, имеющие четко очерченную замкнутую структуру из строго определенного числа элементов; с другой -- явления факультативные, не имеющие четких границ, отличающиеся бесконечным разнообразием (незамкнутостью) значений и средств их выражения. Это обстоятельство заставляет усомниться в правомерности объединения данных явлений в рамках одной категории модальности. Поэтому можно согласиться с позицией ряда лингвистов, отказывающихся рассматривать субъективную модальность, наряду с объективной, в качестве определителя предложения^I. Дело, однако, не только в том, чтобы исключить субъективную модальность из границ предикативности, как грамматической основы предложения -- необходимо выяснить соотношение явлений объективной и субъективной модальности.

Нам кажется, что данное соотношение может быть хорошо описано с точки зрения того противопоставления

^I См., напр., Г.В.Колшанский, К вопросу о содержании языковой категории модальности, "Вопросы языкознания", 1961, № 1.

формального и актуального планов языка, формальной и актуальной грамматики, которое было введено ранее. В самом деле, типизированное формальное выражение модальности образует как бы основу, "остов" модальности, недостаточно гибкий — во-первых, потому, что содержит лишь ограниченный выбор стандартизованных модальных значений, во-вторых, потому, что в структуре предложения всегда связан со сказуемым. Это вызывает необходимость в более гибком носителе модальных отношений. Таким носителем и являются различные средства так называемой "субъективной" модальности, которые, в отличие от обязательной "объективной" модальности, представляют собой факультативное наложение на последнюю, ее деформацию и спецификацию в условиях конкретного коммуникативного акта. В силу этого термины "объективная" и "субъективная" модальность в данном употреблении выглядят неудачными, так как в обоих случаях речь идет о модальной оценке сообщения говорящим (путем выбора формы наклонения, или постановки модального слова), а не о "реальных" и "субъективно представляемых" свойствах ситуации. Поэтому в дальнейшем мы будем в соответствующих случаях говорить о формальной (структурной) и актуальной модальности. При этом здесь (как и в случае с актуальным членением) можно говорить о трех видах реализации актуальной модальности: нулевой (значимое отсутствие актуальной модальности — Я приду), объективной (актуальная модальность накладывается на формальную в сказуемом — Я, конечно, приду) и субъективной (актуальная модальность связана не с формальным сказуемым, а с актуальным предикатом — Приду, конечно, я)^I.

^I Употребление терминов "объективный" и "субъективный" в данном случае, нам кажется, имеет больший смысл, чем в традиционном значении, так как речь идет о совпадении и несовпадении актуальной модальности (факультативной) с формальной (обязательной).

Таким образом, так называемая субъективная модальность относится к объективной, как всякие явления актуального и формального плана. Поэтому данному явлению не место в рамках предикативности, понимаемой как формальный признак предложения¹.

Мы определили формальный состав категории предикативности. Обратимся теперь к содержанию этой категории, то есть к тем признакам, которые делают ее необходимой для выполнения предложением коммуникативной функции. Здесь, однако, мы сталкиваемся с наиболее уязвимым местом рассматриваемой теории.

В самом деле, нельзя не отметить, что отнесенность к действительности, как признак предложения (выражаемый при помощи предикативных категорий) — весьма неопределенное понятие; но даже если признать, что всякое предложение противопоставляется всякому не-предложению (сочетанию слов или слову) по данному признаку, остается совершенно неясным, почему это свойство выражается именно и исключительно перечисляемыми глагольными категориями? Конечно, данные категории определенным образом "параметризуют" сообщение в его отношении к ситуации сообщения. Так, категория лица дает пространственную ориентацию сообщения по отношению к акту коммуникации (говорящему и адресату), категория времени — аналогичную временную ориентацию, наконец, категория модальности определяет соотношение сообщения и фактов, о которых сообщается.

---

¹ Это не исключает возможности постановки вопроса об актуальной предикативности (наряду с формальной), составляющей признак предложения в плане актуальной грамматики. В рамках данного явления (если его характер будет описан) нашла бы свое место, в качестве его составной части, и актуальная модальность. Однако приходится констатировать, что явления актуальной грамматики до сих пор практически остаются не описанными.

Но разве роль таких параметров не выполняют другие категории? Например, категория вида выражает отношение субъекта к совершаемому действию, то есть тоже относит содержание сообщения к ситуации, в которой совершается акт коммуникации. Аналогичные соображения можно высказать и о категории залога. Далее, категория числа, по крайней мере в сочетании с формой первого лица, оказывается существенной для пространственной ориентации сообщения наряду с категорией лица (в оппозиции я - мы пространственная ориентация сообщения меняется, по-видимому, не менее существенно, чем в оппозиции я - ты - он). Далее, в русском языке существует противопоставление я весел - мне весело, также существенное именно с точки зрения характера отнесения к действительности. Это противопоставление опирается на формы рода и падежа. Таким образом, отнесение сообщения к действительности (что бы под этим ни понимать) отнюдь не является прерогативой категорий, названных "предикативными". И действительно, различные авторы расходятся во мнениях относительно того, какие именно категории считать "актуализаторами" сообщения. В ряде более поздних работ, находящихся в русле виноградовской трактовки предикативности, последняя ограничивается уже категориями времени и модальности, но не лица¹. Ш.Балли предлагал в свое время, напротив, более широкий список категорий, включая в него и количественные (числовые) определители - категории числа и вида².

¹ См. "Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка", изд. "Наука", М., 1966, стр. 146-150 (раздел написан Н.Ю.Шведовой).

² Ш.Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М., 1952, стр. 89. Ср. также работу: Н. Birnbaum, *Predication and the Russian Infinitive*, "To Honor Roman Jakobson", v.1, The Hague - Paris, 1967, в которой автор выделяет "обязательные предикативные категории" (наклонение, время, род, лицо и число) и факультативные предикативные категории (вид, залог, способ действия) (р. 271-273).

Следовательно, категории модальности, времени и лица не являются достаточными признаками предложения. С другой стороны, не являются они, по-видимому, и необходимыми признаками, поскольку возможны по крайней мере некоторые предложения, не несущие данных категорий (ср. предложения типа Да; Конечно и т.д.).

Таким образом, ограничение понятия предикативности, как признака предложения, глагольными категориями не представляется достаточно обоснованным. С другой стороны, границы данного понятия представляются, как мы видели, весьма неопределенными. Связано это с неопределенностью такого явления, как "отнесенность к действительности", выражение которого (с помощью предикативных категорий) и составляет специфику предложения. Чтобы сделать это понятие более определенным и, главное, лежащим в плане лингвистического описания, надо из обобщенного понятия отнесенности к действительности вычленить лингвистический аспект. Таким собственно языковым аспектом внешней отнесенности предложения является отнесенность его не к экстралингвистическим, а именно к языковым компонентам ситуации сообщения — другим окружающим предложениям, образующим текст, в который включается (к которому относится) данное предложение. Те средства, которые использует при этом предложение, тот формальный аппарат, которым располагает говорящий для правильного введения данного предложения в текст, и являются, очевидно, собственно языковыми компонентами механизма актуализации (отнесения к действительности) предложения.

Из этого следует, что анализ признаков предложения, как единицы сообщения, осуществляющей сообщение в определенной коммуникативной ситуации, возможен на базе рассмотрения связей предложения в тексте, механизма включения его в текст. Мы не можем сформировать границы предикативных категорий, пока рассматриваем предложение изолированно от других предложений, от характера его функционирования относительно других предложений в тексте. Только

выяснив тот формальный аппарат, с помощью которого это функционирование осуществляется, мы выясним тем самым и границы понятия предикативности, как признака предложения.

Характер связи между предложениями в тексте

Мы пришли к выводу, что сформулировать признаки предложения, как особой единицы, конституирующей особый уровень языковой системы, оказывается возможным, лишь выйдя за рамки отдельно взятого предложения и рассматривая связи между предложениями в тексте. Тем самым встает необходимый вопрос: каков характер этих связей, каков механизм синтагматики предложений? Иначе говоря, чем отличаются (и притом с точки зрения некоторых собственно языковых признаков) правильно соединенные предложения, образующие правильное построение (связный текст), от неправильно соединенных предложений, не образующих связного текста?

Самый очевидный ответ на этот вопрос состоит в апелляции к значению соединяемых предложений. Связный текст отличается прежде всего связностью смысла. Содержание каждого предложения в тексте должно быть каким-то образом соотносено с содержанием некоторых других предложений. Соответственно и выбор предложений, и ограничения возможностей их вхождения в определенный текст обуславливаются их содержанием.

При таком подходе связь в тексте предстает как связь экстралингвистическая, и сами образующиеся в тексте единства носят экстралингвистический характер. Единство текста оказывается обусловлено единством передаваемой "мысли", и фактически оказывается поэтому объектом не грамматики, а риторики или стилистики.

Однако то обстоятельство, что при обозрении связного текста наше внимание обращает на себя прежде всего

смысловые связи, не должно еще служить основанием для категорического утверждения об отсутствии каких бы то ни было собственно языковых структурных правил построения текста и о невозможности структурного лингвистического описания. "Наивному говорящему", конечно, представляется, что он выбирает при построении речи предложения исключительно по их содержанию, руководствуясь их определенным смысловым соответствием (таким, выразить которое входит в его намерение) другим наличным предложениям или ситуации. Однако "наивному говорящему" (не знакомому с понятием грамматики) и при построении предложений на родном языке, по-видимому, должно казаться, что он подбирает и соединяет между собой слова исключительно по смыслу: правила грамматики при этом фактически соблюдаются, однако чисто интуитивно, без формулирования их в явном виде и даже без осознания существования таких правил вообще. Поэтому привычка осмысливать отношения в тексте между предложениями как чисто смысловые не должна препятствовать постановке задачи — показать формальный механизм взаимодействия между предложениями.

Если суммировать все наблюдения, встречаемые в довольно обширной уже литературе, посвященной синтаксису связного текста, формальными показателями связи между предложениями могут быть следующие явления:

а) использование союзов, а также некоторых групп поднозначных слов, выполняющих соединительную функцию;

б) интонационное объединение предложений (и, соответственно, вычленение комплекса предложений с помощью пауз);

в) использование различных видов переноса лексики из одного предложения в другое;

г) соотнесение актуального членения связываемых предложений;

д) соотнесение формальных показателей (грамматического оформления) соединяемых предложений.

Наиболее часто в качестве основного из данных признаков рассматриваются лексические связи между предложениями.

Неоднократно замечалось, что предложения связанного текста часто обнаруживают определенные совпадения лексического состава. Такие совпадения и рассматриваются как показатели связи между предложениями. При этом можно выделить несколько разновидностей отношений в пределах данного общего типа:

а) наиболее очевидный случай — непосредственное перенесение слова (или сочетания слов) из одного предложения в другое. Данный случай тесно связан с явлением б) —

б) перенесение в другое предложение не самого слова, а его заместителя. При этом имеются в виду регулярные заместители, закрепленные в этой своей функции языковыми правилами: слова-субституты (местоименные слова);

в) далее, в качестве особой разновидности лексической связи выступает, так сказать, "нулевая субституция" — перенесение лексического элемента не путем его повторения или замены субститутом, а путем пропуска, незамещения его позиции в структуре предложения, например, в тексте Куда ты идешь? — Я — в лес, где пропуск глагола во втором предложении является сигналом его связи с первым.

При рассмотрении связей между предложениями путем переноса лексики обращает на себя внимание следующий факт. Когда констатируется наличие тех или иных пересечений, необходимо задаться вопросом — является ли данное пересечение (в любой из возможных разновидностей его реализации) обязательным условием вхождения предложений в данный текст. Разрушает ли устранение данных пересечений связность текста, переводит ли данный текст (как связанный) в разряд неправильного? На этот вопрос с уверенностью можно ответить отрицательно, хотя бы потому, что существует большое количество "нормальных" связанных текстов, в которых лексические переносы не используются. При этом отсутствие лек-

сических связей может иметь место в текстах самого различного характера. Например, эта ситуация достаточно часто встречается в монологических текстах.

Столь же обычно отсутствие лексической связи во взаимосвязанных репликах диалога (Как вам нравится эта погода? - Слишком жарко).

С другой стороны, даже в тех случаях, когда перенос лексики имеется, его необходимость, как структурного приема соединения предложений, который говорящий обязан соблюдать, чтобы построить правильный текст, отнюдь не всегда может быть показана. Доказательством может служить та легкость, с которой во многих случаях можно трансформировать текст, устраняя или, наоборот, вводя в него субституты, без сколько-нибудь существенного изменения характера текста. Сравним некоторые возможные трансформации в нашем последнем примере: Как вам нравится эта погода? - По мне слишком жарко; Это слишком жарко; Погода слишком жаркая; Мне не нравится жара; Слишком жарко, чтобы нравиться - и т.д. (подчеркнуты связующие слова). Можем ли мы сказать, что текст стал в этих случаях связным, тогда как до этого он не был таковым? Ведь перед нами явно варианты одного и того же высказывания, включаемого в данный текст. Учитывая гигантское число таких вариантов (образующихся на базе использования различных как грамматических, так и лексических средств), можно предположить, что в очень большом числе случаев одно и то же "включение в текст" можно произвести с участием лексических связей и без них.

Следовательно, лексические связи не являются устойчивым правилом построения текста. При этом вовсе не исключено, что в ряде случаев (и даже во многих случаях) данные связи являются обязательными и могут быть сформулированы в виде структурных правил. Однако множественность факторов, которые обуславливают появление в тексте той или иной лексической единицы, затрудняет четкое выделение та-

кой группы случаев.

Наличие данной ситуации не случайно. Ведь введение в текст лексических единиц в большей мере, чем что бы то ни было другое в языке, обусловлено чисто семантическими соображениями. Поэтому обуславливать данным фактором смысловую связность — значит неизбежно прийти к логическому кругу. Иное дело — грамматические правила (подобные правилам синтаксиса словосочетаний), которые обнаруживают известную автономность от требований, непосредственно накладываемых ситуаций сообщения, и которые именно в силу этого могут рассматриваться в виде категорий, в которых моделируются основные параметры передаваемого смысла.

В этой связи обращает на себя внимание такой признак, как соотнесение грамматического оформления рассматриваемых предложений.

Однако в том виде, в каком данный критерий применяется в настоящее время, он также не может стать основанием грамматики предложений. Дело в том, что в работах, оперирующих данным признаком, речь идет только о наличии или отсутствии подобия форм в разных предложениях и о тех смысловых соотношениях, которые при этом выражаются. Между тем сам факт наличия или отсутствия некоторых совпадений (лексического ли состава, либо грамматического оформления), еще не может расцениваться в качестве грамматического показателя. Действительно, совпадение формальных показателей, так же как и лексики, может быть обусловлено экстралингвистическими причинами (единство форм времени в повествовании, например) и быть просто случайным. Фактором языковой структуры данное явление становится только тогда, если имеет место не просто наличие, а обязательность соотнесения грамматических форм предложений, то есть если определенная форма одного предложения накладывает ограничения на выбор формы другого, связанного с ним предложения. Важность рассматриваемого критерия определяется тем, насколько регулярно с его помощью удается сфор-

мулировать обязательные правила построения связанного текста.

Таким образом, констатировать, что в данном тексте форма предложения В подобна форме предложения А, еще не значит установить связь между этими предложениями. Речь должна идти о том, может ли в принципе форма предложения быть иной в данном контексте, при сохранении нормальной связности последнего?

Позволяет ли исследуемый нами критерий сформулировать такого рода правила? Проверка последнего критерия на "грамматичность" показывает, что он имеет в данном плане существенные преимущества перед всеми остальными. Преимущество это определяется тем, что обязательные ограничения формы предложений в связанном тексте широко распространены и носят универсальный характер, не завися ни от стилистической или смысловой характеристики текста, ни от разновидностей связываемых сегментов текста. Рассмотрим данный критерий подробнее.

Как известно, любому конкретному предложению может быть сопоставлена его "формула"^I, представленная в терминах грамматических классов слов, образующих данное предложение, с указанием структурных отношений между ними. Наличие у каждого члена грамматической формулы (или у части из них) целого ряда грамматических форм позволяет развернуть данную формулу в тексте в принципе в целом ряде вариантов (насколько это позволяют согласовательные связи между членами формулы). С точки зрения самого предложения, как такового, взятого изолированно, все эти возможные варианты равноценны. Однако включение в текст накладывает часто ограничение на выбор из этих вариантов, предопределяя обязательное использование одного из них (или по крайней мере частичное ограничение выбора).

^I Понятие синтаксической формулы широко используется в трудах чешских синтаксистов.

Рассмотрим, например, следующий отрывок из И.А.Бунина: "Влажная, теплая, темная ночь поздней осенью. Поздний час. Селенье в Верхних Альпах, мертвое, давно спящее". Здесь каждое из предложений, взятое изолированно, само по себе, допускает варьирование форм наклонения и времени. Можно в принципе сказать, например, Была влажная, теплая, темная ночь поздней осенью, был (бы) поздний час, будет поздний час и т.д. Но в данном тексте выбор формы времени и наклонения оказывается свободным только для первого предложения. Его форма уже предопределяет соответствующие формы последующих предложений.

Конечно, формы данных предложений могут различаться. Но в этом случае разорванной окажется связь между этими предложениями. Показателем разрыва связей явится, между прочим, невозможность объединения этих предложений в интонационное единство в случае, если мы нарушим соответствие их грамматического оформления. Например, такой текст оказывается явно неправильным: * Влажная, теплая, темная ночь поздней осенью, был бы поздний час, будет селенье в Верхних Альпах, мертвое, давно спящее.

Итак, чтобы два предложения можно было объединить в тексте в некую единую конструкцию, их формы должны соответствовать определенным образом друг другу. Иначе говоря, предложение в этом плане обнаруживает параллелизм со словами: объединение слов в некоторое единство — словосочетание — тоже ведь оказывается возможным лишь при условии определенного соответствия их форм.

Следовательно, формы предложений обнаруживают в данном случае функциональную природу, подобно формам слов.

Перед нами ситуация, аналогичная той, которую мы встречаем на уровне слова. Каждое слово (по крайней мере большинство из них) выступает как континуум отдельных словоформ. В принципе все эти словоформы равнозначны, и любая из них может быть избрана нами в качестве представителя данного слова. Но это положение сохраняется лишь

до тех пор, пока мы рассматриваем слово в изолированной позиции, вне его синтаксических связей. В тексте же выбор той или иной словоформы уже не является свободным — он определяется характером связи с другими словами, позицией, занимаемой словом. Нарушение требований позиции в этом случае ведет к нарушению целостности той структуры, в которой выступает слово.

Аналогичные позиционные ограничения, как видим, вкладываются и на форму предложений в связанном тексте.

В приведенном примере вхождение предложений в текст было обусловлено определенной формой наклонения и времени. Однако связь между предложениями в принципе выражается не только данными категориями. Ограничение грамматической репрезентации связей предложения лишь специфически сказуемостными категориями внутренне обусловлено убеждением, что конститутивную роль в предложении выполняет именно сказуемое. Между тем нам еще лишь предстоит определить признаки предложения, как функциональной единицы, и поэтому было бы нецелесообразно ограничивать обозрение его функциональных связей формами сказуемого. В принципе мы можем предположить, что любой элемент структуры предложения может быть использован (с присущими ему грамматическими категориями) в качестве выразителя функциональных связей предложения и тем самым сыграть роль релевантного признака функциональной характеристики предложения. И действительно, связи форм рода, лица, числа (в русском языке) оказываются столь же существенными, как и связи форм наклонения, времени, вида. Например, в соединении: Ты идешь? — Иду. — связь осуществляется по формам лица и числа.

Из этого примера, между прочим, следует, что связь вовсе не обязательно должна осуществляться в виде подобия форм. Формы связываемых сегментов могут быть различными, но важно, что постановка именно данных форм (из ряда в принципе возможных) оказывается позиционно обусловлена.

Это напоминает ситуацию в синтаксисе словосочетаний, где связь слов маркируется вовсе не тождеством форм (это лишь один из возможных случаев — согласование), а самим фактом наличия определенного (и притом обязательного) соотношения форм.

Наличие такого рода аналогий с правилами построения словосочетания говорит о грамматичности рассматриваемого критерия. Однако окончательное решение вопроса о его значении для создания грамматики предложений зависит от того, насколько частыми, регулярно встречающимися в тексте являются отмеченные связи. Надо сказать, что наблюдения показывают, что подобные явления пронизывают любой текст, независимо от содержания и стиля. Они свойственны частям сложного предложения в той же мере, в какой и отдельным предложениям.

В результате мы получаем возможность сформулировать правило следующего вида: наличие некоторых позиционно обусловленных ограничений в грамматическом оформлении предложения показывает наличие грамматической связи его с другими предложениями в тексте; направление этой связи определяется источником, от которого исходят указанные ограничения; отсутствие такого рода ограничений между некоторыми предложениями говорит об отсутствии грамматической связи между ними^I; на основании данного принципа (и всех указанных дополнений к нему) предложения образуют грамматические единства высшего порядка, подобные словосочетаниям, то есть в сверхфразовые единства.

Исследование связей между предложениями, их "поведения" в составе подобного рода единств должно привести нас, с одной стороны, к точному формулированию того, какие именно грамматические средства (категории) использу-

^I За исключением случаев, подобных словесному "примыканию", когда в составе предложения вообще нет никаких возможностей варьирования грамматических форм.

вотоя для этой цели (составляют, следовательно, языковой фундамент предикативности), с другой стороны - к выяснению того, какие типы (классы) предложений могут быть выделены в русском языке в зависимости от характера их функционирования. Выяснение данных двух вопросов на базе предложеного принципа и должно составить функциональный аспект учения о предложении.

Понятие парадигмы предложения (синтаксической парадигмы)

Поскольку мы рассматриваем предложение как единицу, образующую особый уровень языковой системы, естественно ожидать на данном уровне проявления тех закономерностей, которые можно считать универсальными в языковой системе. Одной из таких закономерностей является инвариантный характер единиц (любого уровня): каждая единица представляет собой инвариант, который в речи реализуется в ряде различных вариантов. Совокупность вариантов некоторой единицы составляет ее парадигму. Выбор того или иного варианта обычно бывает обусловлен окружением в речи (позицией).

Данное явление мы наблюдаем, например, на уровне морфем, где инвариантной единице - морфеме соответствует ряд вариантов - алломорфов (например, тек - и теч-, бег - и беж - и т.д.); аналогично, инварианту уровня слов - лексеме - соответствует в речи набор (парадигма) словоформ. Повидимому, аналогичное явление мы вправе ожидать и на уровне предложений. При этом возникает вопрос - какие материально различающиеся высказывания мы должны представлять в качестве вариантов одного предложения, как инвариантной единицы, то есть в качестве парадигмы предложения, и каковы должны быть основания процедуры, которая приведет нас к построению синтаксических парадигм?

Надо сказать, что в последнее время вопрос о "синтаксической парадигме" - парадигме словосочетания и предложения - так же как и вопрос о связях между предложениями, получили довольно широкое освещение. При этом существуют несколько существенно различающихся трактовок данного понятия. Наибольшее распространение получило понимание парадигмы предложения как ряда его вариантов, имеющих одинаковый состав с точки зрения частей речи и одинаковую структуру (то есть тождественную "формулу"), но различающихся грамматическим оформлением. Например, в состав парадигмы одного предложения входят такие варианты, как Птица летит, Птицы летят, Птица летела, Птицы летели, Птица летела бы, и т.д. Здесь, однако, остается неясным, все ли варианты грамматического оформления членов предложения составляют его синтаксическую парадигму, или только некоторые из них, и если верно последнее, то какие именно?

По этому вопросу мнения различных исследователей данного понятия расходятся. Первое решение представлено в известной работе американского лингвиста Д.С.Уорта¹. Уорт считает членами синтаксической парадигмы любые варианты морфологического оформления членов предложения.

Однако при этом стало очевидным, что такой подход к понятию синтаксической парадигмы малосодержателен, так как автоматически выводит данное понятие из возможностей морфологического варьирования членов предложения. Ввиду этого остается неясным, в какой степени структура полу-

I

D.S.Worth, The role of Transformation in the definition of syntagmas in Russian and other slavic languages, "American contributions to the Fifth International Congress of Slavists", v.1, The Hague, Mouton, 1963.

чаемой таким образом парадигмы связана со свойствами предложения как такового. Само единство значения, придающее "синтаксической парадигме" сходство с "морфологической", обусловлено здесь чисто автоматически единством значения морфологических вариантов всех членов предложения. Противопоставления между членами "синтаксической парадигмы" оказываются также сведены к противопоставлениям форм их составляющих.

Осознание данного недостатка приводит к стремлению определить парадигму предложения с точки зрения некоторых синтаксических свойств. Наиболее интересная реализация данной тенденции связана с работами Н.Ю.Шведовой. Оставаясь в рамках подхода к парадигме, как к системе грамматических форм, в которых реализуется структурная схема, или "формула", предложения, Н.Ю.Шведова более четко определяет границы синтаксической парадигмы и в то же время стремится связать ее с общей характеристикой предложения, освободиться от узкого "морфологизма". Эта задача решается автором, во-первых, путем апелляции не ко всем морфологическим категориям, а лишь к предикативным (в соответствии с распространенным в русистике пониманием предикативности), то есть к категориям времени и модальности; во-вторых, в различении морфологических категорий времени и объективной модальности, связанных с формами глагола, и соответствующих синтаксических категорий, связанных с вариантами предложения. Последние, по мнению Н.Ю.Шведовой, как мы уже знаем, отличаются от морфологических категорий как по значению (это относится прежде всего к категории времени), так и по набору форм. Именно эти отличия дают автору основание говорить о самостоятельной значимости "синтаксической парадигмы" как формального признака предложения, не сводимого к формальным свойствам отдельных слов, и строить на основе данно-

го признака классификацию предложений¹.

Однако, как нам представляется, и такой подход к понятию парадигмы на уровне предложения реализует данную идею лишь частично, не доводя ее до логического завершения. В самом деле, смысл и значение понятия "синтаксической парадигмы" состоит в том, что предложение оказывается представлено как функциональная единица — языковой инвариант, реализуемый в речи в ряде вариантов. Последние идентифицируются в качестве представителей одной функциональной единицы на основе наблюдения их "поведения" в тексте, то есть их сочетаемости. Именно правила сочетаемости дают возможность показать явление позиционного варьирования, конституирующее сегментную парадигму.

Между тем, рассмотренные концепции, с этой точки зрения, отличаются одним общим недостатком: определение парадигмы предложений в них не связано с рассмотрением синтаксических свойств предложений. Предложение рассматривается как изолированная единица. Поэтому нерешенным остается вопрос: должна ли быть синтаксическая парадигма связана именно (и исключительно) с категориями времени и объективной модальности? Почему эти категории конституируются именно в данном наборе форм, а не каком-либо другом? На все эти вопросы без обзора синтагматических связей предложений так же трудно дать ответ, как, например, трудно было бы объяснить включение в одну парадигму словоформ иду и идешь без знания дистрибутивных свойств

¹ Данная концепция наиболее полно изложена в работе: Н.Ю.Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии), "Русский язык. Грамматические исследования", изд. "Наука", М., 1967. Ее более ранние варианты см.: Н.Ю.Шведова, Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм, "Проблемы современной филологии", М., 1965; "Основы описательной грамматики современного русского литературного языка", изд. "Наука", М., 1966.

данных словоформ. Ни частичное подобие формы, ни значительное сходство (хотя и не тождество) передаваемой информации, ни даже регулярность их противопоставления не дает еще основания считать эти словоформы вариантами, пока мы не рассмотрим их отношения с точки зрения позиционного варьирования.

Действительно, информация о частичном подобии структуры, получаемая на основе конструктивного подхода, сама по себе, как известно, может служить лишь косвенным свидетельством вариативности. С точки зрения такого подхода, словоформы, например, стол, столы и столык находятся в тождественном отношении между собой: у всех общая ядерная часть и различаются зависимые элементы структуры. Ничто не дает нам основания говорить о первых двух словоформах как о вариантах, а о третьей — как о самостоятельном слове.

Рассмотрение правил синтагматической сочетаемости предложений делает, однако, возможным представление парадигматики предложения как его функционального свойства. В парадигму предложения оказываются при таком подходе включены все позиционные варианты предложения. Число этих вариантов и их характер будут зависеть от дистрибутивных свойств исследуемой единицы.

Тем самым парадигма предложения будет показывать (подобно словесной парадигме) характер возможных соединений данного предложения с другими, способ его включения в текст, то есть отражать его функциональные свойства. Поэтому установленная таким образом и на таких основаниях структура парадигмы может стать основанием для классификации предложений, отражающей функции данных частиц — их "поведение" в тексте. В свою очередь, соединения предложений в тексте могут быть тогда представлены в терминах формальных классов предложений, то есть с точки зрения их грамматической структуры.

Таким образом, те средства, которые использовались в качестве обязательных показателей связей между предло-

жениями в тексте, должны определять формальное различие позиционных вариантов предложения, то есть членов его парадигмы. Мы видели, что таким средством прежде всего является грамматическое оформление членов предложения (и притом не только по категориям времени и объективной модальности).

Однако, чтобы определить более точно, какие именно виды оформления предложения выполняют данную функцию, необходимо рассмотрение типов связей между предложениями в тексте. Такое рассмотрение должно привести нас к установлению границ синтаксической парадигмы.

Действительно, свободные категории, по которым оформляются члены предложения, допускают любую манифестацию в изолированном, отдельно взятом предложении. Но как только предложение включается в связанный текст, выбор грамматического оформления оказывается ограничен требованиями грамматической связи данного предложения с другими. Например, в отдельно взятом предложении Он придет категории лица, рода, числа являются свободными и в принципе могут быть представлены в любой из имеющихся форм. Но в контексте — Мы идем этого человека. Он придет. — форма рода, лица и числа данного предложения является фиксированной. Выбор какой-либо другой формы нарушает связь в тексте. Если говорящий хочет установить связь между данными предложениями, он должен выбрать определенную форму рода, лица и числа.

Таким образом, в нашем примере характер "заполнения" свободных категорий определялся потребностями приспособления предложения к тексту, связывания его с другими предложениями. Различные виды такого заполнения предстают в качестве позиционных вариантов. Мы оказываемся в ситуации, аналогичной той, которая имеется на уровне слова члены словесной парадигмы равноправны, и выбор из них свободен до тех пор, пока слово рассматривается изолированно. Но в контексте, в окружении других слов выбор той или иной

словоформы диктуется (по крайней мере, в некоторых случаях) правилами связи с другими словами, нарушение соответствующего требования не позволяет построить правильное словосочетание.

Таким образом, те варианты формулы предложения, которые, по крайней мере в некоторых случаях, являются позиционно обусловленными, можно считать членами парадигмы предложения.

С другой стороны, те варианты, которые никогда не обнаруживают позиционной обусловленности, не должны описываться в качестве членов парадигмы, а имеют смысл лишь как факультативные разновидности (свободные варианты), подобно тому, как не рассматриваются в качестве разных членов парадигмы, например, словоформы водой - водор.

При таком подходе объем парадигмы в каждом отдельном случае определяется не в результате некоторых конвенциональных установлений, а на базе рассмотрения характера сочетаемости предложения. Тем самым существенно меняется смысл данного понятия, независимо от того, насколько получаемая таким образом парадигма в конечном счете совпадает с предлагаемыми в тех или иных работах разновидностями "синтаксических парадигм". Члены парадигмы предложения отражают правила сочетаемости данной единицы в тексте, а не представляют собой набор некоторых альтернатив ее внутренней формы. Сами данные альтернативы, хотя и связанные с внутренним построением, внутренней конструкцией предложения (форма его членов), выступают в качестве сигналов позиционного варьирования и тем самым оказываются способными характеризовать уже не

только внутреннюю структуру, но и функциональные свойства предложения (подобно тому как словоизменение сигнализирует о синтаксических функциях данного слова).

В результате мы не выводим структуру парадигмы автоматически из морфологических свойств слов в составе предложения, но и не ограничиваем ее произвольным набором категорий, не мотивированным с точки зрения функциональных свойств предложения. Каков же набор категорий, конституирующих парадигму предложения^I в русском языке? Наблюдения показывают, что шесть категорий могут участвовать в механизме связи между предложениями русского языка. Это категории рода, лица, числа, вида, склонения и времени. Другие категории, например, категория падежа, хотя и могут варьироваться в пределах предложения, но эта возможность не используется для обязательного соотнесения форм связываемых предложений. В частности, в пределах ядерной структуры варьирование падежной формы возможно у присвяточной части (был студент - был студентом), но постановка одной из этих форм никогда не бывает обусловлена позиционно связями предложения в тексте. Все это позволяет ограничить список конститутивных элементов парадигмы предложения в русском языке перечисленными шестью категориями. Все возможные варианты оформления того или иного предложения с точки зрения данных категорий и образуют синтаксическую парадигму данного предложения.

---

^I Говоря о предложении, мы имеем здесь в виду ядерную структуру предложения (без второстепенных членов), поскольку именно последняя во всех описаниях является объектом классификации.

12.

Вопрос о неполных предложениях

Понятие неполного предложения интересует нас в рамках общего учения о свойствах предложения в связи с тем, что данное понятие фактически (так сказать, от противного) формирует представление об инвариантных единицах на уровне предложений.

Именно этой цели служит понятие "неполного предложения", не имеющее аналогии в описаниях других уровней, но играющее такую большую роль в учении о предложении. Неполное предложение — это вариант полного. Тем самым все многообразие структур, наблюдаемых в тексте, удается свести к ограниченному числу инвариантных типов.

На первый взгляд, данное понятие вполне очевидно и касается возможных пропусков в словесной структуре, представляющей предложение, которые могут быть некоторым образом восполнены, восстановлены. Однако что именно подлежит восстановлению (и в чем, соответственно, заключается "неполнота" неполного предложения)? Очевидно, апеллировать к смысловой неполноте невозможно — едва ли не любое предложение раскрывает полностью свое содержание только в некотором контексте, и поэтому, будучи взято изолированно, теряет некоторую часть передаваемой информации^I. С этой точки зрения "неполное" предложение Идет ничуть не больше зависит в своем содержании от контекста, чем "полное" предложение Он идет — и в том, и в другом случае ясно, что речь идет о субъекте третьего лица, единственного числа, и в обоих слу-

^I Невозможность обосновать понятие неполного предложения смысловой неполнотой была убедительно показана И.А. Поповой в работе "Неполные предложения в современном русском языке" ("Труды Ин-та языкознания", т. 2, М., 1953).

чаях дальнейшая конкретизация представления о субъекте возможна только в контексте.

Следовательно, речь должна идти не о смысловой неполноте, не о "подразумеваемой" некоторой информации, подчеркнутой из контекста, а о неполноте структурной. Именно такой подход к определению вариантности (неполноты) был разработан А.М.Пешковским, рассматривавшим в качестве признака неполноты нарушение нормальных связей между словами¹. Но здесь возникает вопрос — относительно чего определяем мы структурную неполноту? Ведь, если мы говорим, что в данном случае правила построения нарушены, мы должны тем самым сформулировать сами эти правила. Например, наблюдая построение Он — бежать, мы можем сказать, что здесь нарушено правило, согласно которому инфинитив является распространителем глагола, и поэтому, хотя здесь и не "подразумевается" никакой конкретный глагол, структура может быть признана неполной. Но такое решение означает, что мы сформулировали правило, согласно которому инфинитив в этой позиции должен обязательно относиться к глаголу. Между тем, с таким же успехом можно сформулировать и другое правило, согласно которому инфинитив может противопоставляться именительному падежу как в составе глагольной конфигурации, так и самостоятельно. Тогда, однако, наше предложение получает статус полного. Ту же самую операцию можно, разумеется, проделать и с любой другой конструкцией, признаваемой неполной. Например, предложения Иван — человек и Иван — в лес равным образом могут быть оценены как неполные (на фоне правила обязательного вхождения имени в данной позиции в глагольную конфигурацию) и как полные (если будет сформулировано правило возможности самостоятельного предикативного употребления имени).

¹ А.М.Пешковский, Русский синтаксис..., стр. 396 и сл.

По-видимому, при формулировании правил сочетаемости слов, как и всяких грамматических правил, существенную роль играет регулярность встречаемости той или иной структуры, а также признание ее "правильной" (как бы данное понятие ни определялось). Так, в нашем примере, если мы сочтем, что обороты с "предикативным" инфинитивом достаточно обычны, мы можем признать их самостоятельным структурным типом, независимым от построения с личной формой глагола. Если, с другой стороны, мы признаем аналогичное употребление косвенного падежа имени менее обычным, мы можем квалифицировать такое построение как вариант глагольной конструкции. Наконец, мы можем "полное" построение со связкой в настоящем времени рассматривать, в силу его редкой встречаемости, в качестве варианта основной "неполной" структуры с нулевой связкой.

Но если мы сформулируем структурные правила как порождающие наиболее обычные, регулярные явления в тексте (хотя в настоящее время оценка реально сформулированных правил с точки зрения их места на такой шкале употребительности представляется далеко не очевидной¹), без ответа остается вопрос — почему именно данные (пусть даже наиболее употребительные) словесные структуры представляются в виде основных манифестаторов предложения, какие свойства, существенные именно с точки зрения предложения, делают их таковыми? Этим вопросом должна была бы заняться традиционная теория неполного предложения, когда она пытается связать "полноту" и "неполноту" предложений (как бы она ни определялась) с вопросом об их вариативности, то есть с вопросом, который может быть решен только чисто функционально, пытается представить эти два признака (кон-

---

¹ Одним из немногих примеров последовательного применения данного подхода может служить формулирование правил сильного управления на основании частоты встречаемости глагольных конфигураций в работе: Ю.Д.Апресян, О сильном и слабом управлении, ВЯ, 1964, № 3.

структивная неполнота и функциональная вариативность) в качестве взаимообусловленных. Но в действительности данные признаки определяются на различных основаниях: структурная полнота предложения — это соответствие его внутреннего построения регулярным грамматическим правилам соединения слов.

К вариантности собственно предложений как таковых данный признак не имеет прямого отношения. У нас должны быть какие-то специальные основания, чтобы говорить о некоторой конструкции как основном манифестаторе данного типа предложения, а о других — как о его вариантах. Материальное сходство сравниваемых единиц (и то, что одна из них содержит больше словесных единиц, чем другая) само по себе еще ничего не говорит о их вариантности и о том, какое из них является основным представителем данного типа: в принципе и "меньшая" (с точки зрения числа материально выраженных словесных элементов, заполняющих данную структурную схему) единица может оказаться основной по отношению к ее более "полному" соответствию, и они могут оказаться совершенно автономными представителями различных инвариантов, поскольку вариантность предложений должна устанавливаться на основе совершенно других признаков. Вариантность некоторых предложений по отношению друг к другу — это чисто функциональное свойство, которое может быть представлено лишь на базе функционального описания. Попытки же связать чисто интуитивное (по смыслу) определение вариативности предложений с полнотой их словесного состава, как формальным показателем, приводят к противоречиям. Лингвисты фактически объявляют неполным предложением всякое, которое ими интуитивно оценивается как вариант некоторого другого предложения. Но данная оценка определяется, разумеется, тем, какие признаки предложения данный лингвист считает наиболее существенным, то есть какое он принимает определение предложения. Неудивительно поэтому, что определение "неполноты"

структур (то есть их вариантного характера) оказывается необходимо вытекающим из того, какие конституирующие признаки приписываются предложению. Так, признание в предложении словесной манифестации логического суждения выводит за пределы данных единиц (и относит в разряд "неполных") все построения, в которых не обнаруживается прямого вербального соответствия членам суждения — субъекту, предикату и связке¹.

Психологическое определение предложения как сочетания двух представлений означает уже признание всех двусоставных структур полными, однако сохраняет тенденцию непризнания полноты за односоставными предложениями². Наконец, формальный подход к предложению как словосочетанию, организованному вокруг глагола, приводит к преимущественному признанию неполными различных безглагольных структур.

В результате всего сказанного определение неполноты предложения как нарушения регулярных правил сочетания слов и неполноты как манифестации функциональной вариативности (несамостоятельности) оказывается противоречивым, и реально создаваемое описание обычно представляет собой сложный компромисс между двумя данными принципами. С одной стороны, некоторые структуры признаются полными, хотя их построение отклоняется от регулярных норм. Например, в рус-

¹ Так, Н.И.Греч признает неполными не только все предложения с одним главным членом, но и двусоставные глагольные структуры на том основании, что в них выражение предиката и связки не разделено. См. об этом в кн.: В.В.Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова), изд. МГУ, 1958, стр. 140-142.

² В этом плане характерны возражения А.А.Потебни А.В.Попову, который представлял предложения типа Пожар! в качестве первичного синтаксического типа. Потебня усматривает здесь опущение предиката. См. А.А.Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I-2, Учпедгиз, М., 1958, стр. 84-88.

ском языке структура типа я иду гораздо более обычна (регулярна), чем структура иду. Но последняя не считается обычно неполным предложением на чисто семантическом основании "полной" выраженности понятия о субъекте глагольной флексией, без помощи местоимения. С другой стороны, в некоторых случаях, когда два принципа описания вступают в противоречие, уступка делается другому принципу — структурной регулярности, и, например, предложения типа Он — в лес описываются как неполные, несмотря на их очевидную функциональную самостоятельность (независимость от восполнения во внешнем контексте "пропущенной" синтаксической позиции). Насколько данные решения имеют чисто конвенциональный характер, свидетельствует тот факт, что, например, совершенно тождественная по построению (и ничуть не более регулярная) конструкция с инфинитивом (он — бежать) оценивается, однако, как полная.

Таким образом, определение инвариантов уровня предложения, будучи, как видим, тесно связано с определением предложения, страдает тем же основным недостатком. Понятие инварианта выводится из особенностей внутреннего строения, вариативность единиц устанавливается путем выяснения их некоторого конструктивного сходства. Этим данное понятие резко отличается от соответствующих понятий, формируемых на других уровнях. Действительно, при всех расхождениях в конкретных решениях, предлагаемых для тех или иных случаев, процедура определения вариантности единиц на уровне слова и морфемы в принципе строится функционально. Словоформы идентифицируются в одной лексеме, морфы — в морфеме не на основании частичного материального сходства, но на основании обозрения отношений между соответствующими элементами. Именно этим можно объяснить появление на данных уровнях понятия супплетивов — вариантов, отличающихся нерегулярным соотношением формы — понятия, которое не имеет аналогии на уровне предложения (и не может иметь, поскольку вариантность там определяется исключительно по

соотношению формы). Именно поэтому, с другой стороны, здесь не возникает понятия о "неполных" единицах. Действительно, мы не имеем понятия "неполного" слова вовсе не потому, что среди слов нельзя отыскать аналогий соответствующему явлению уровня предложений. Напротив, эти аналогии очень легко представить. Например, подобно тому, как неполные предложения представляются в виде трансформации полных, при которой устраняются некоторые элементы словесного состава последних, так и слова, образованные безаффиксным способом (путем "отнятия" аффикса) могут быть названы "неполными" словами. Но здесь данное понятие не имеет особого смысла, так как никому ведь не придет в голову считать такие "неполные" слова вариантами "полных" (например, "неполное" отглагольное существительное типа вырез, порез — вариантом соответствующего глагола).

Чтобы устранить данное противоречие, необходимо отделить друг от друга вопросы о функциональной несамостоятельности и структурной неполноте. Следует отдать себе ясно отчет в том, что неполные предложения могут быть функционально самостоятельными, а полные — позиционными вариантами неполных, поскольку данные понятия не сводимы и определяются в разных плоскостях. Структурная полнота определяется как соответствие наиболее регулярным, обычным схемам построения предложений из слов; те случаи, которые, в силу их меньшей регулярности, можно представить как нарушения основных правил соединения слов в предложении, должны квалифицироваться как неполные. С другой стороны, самостоятельность или несамостоятельность предложений может быть выяснена только при функциональном их рассмотрении, то есть с точки зрения характера их поведения в связанном тексте. Если некоторое предложение обнаруживает несамостоятельность, проявляющуюся в том, что оно может быть введено в текст только в определенной позиции, при наличии рядом с ним некоторых других предложений, такое предложение должно быть признано разновидностью неко-

торой единицы данного уровня, а не самостоятельным типом. Такое раздельное представление данных двух планов описания будет иметь положительные следствия для обоих этих планов. В частности, если освободить понятие неполноты предложения от функции определителя вариативности, которую оно фактически не может выполнить, то это понятие получит совершенно иной смысл, аналогичный смыслу понятия безаффиксного образования на уровне слов. А именно, можно будет говорить об "отрицательной деривации" предложений — то есть о построении предложения путем "отнятия" некоторого словесного элемента. Этот случай надо отличить от функционально самостоятельных структур, возможных лишь в определенном контекстуальном окружении (подобно словесным образованиям типа одно- и двухместный и т.д.). Таким образом, не полнота структуры должна служить для определения функциональных особенностей, а напротив, выяснение последних позволит непротиворечиво сформулировать и само понятие "неполноты".

Рассмотрим теперь, каким образом понятие функциональной самостоятельности может быть сформулировано на уровне предложений.

Функциональные признаки предложения

Используя разработанный ранее аппарат, мы можем теперь попытаться определить предложение как функционально самостоятельную единицу и показать свойства данной единицы. Очевидно, функционально самостоятельной единицей данного уровня должна быть признана такая, которая соединяется с другими единицами того же уровня по определенным структурным правилам, но в то же время обнаруживает способность к свободной, открытой сочетаемости в том смысле, что вхождение ее в текст не обусловлено жестко обязательным присутствием в тексте некоторой другой, строго определенной единицы. Тот механизм, те формальные средства, которыми самосто-

ятельные единицы данного уровня располагают для выражения отношений друг с другом, должны быть при этом признаны формальным свойством (признаком) данных единиц.

Решение поставленной задачи затрудняется еще и тем обстоятельством, что нам фактически неизвестными остаются те единицы, отношения между которыми в тексте нам предстоит исследовать. Рассматривать ли отношения между единицами, отделенными друг от друга точками? Но как быть тогда со сложным предложением — ведь даже при самом поверхностном обозрении легко убедиться, что типы связи между частями сложного предложения и простыми предложениями, отделенными точками, во многом параллельны. Если рассматривать отношения "предикативных единиц", то непонятно, куда отнести непредикативные образования в речи, отделенные паузами (точками) от других образований. Если это не предложения, то с чем (и как) они связаны.

В связи с этим предложим рабочее определение единицы, которая в дальнейшем будет выступать в качестве объекта наших наблюдений (назовем эту единицу сегментом текста). Будем считать сегментом текста всякую единицу, удовлетворяющую одному (любому) из двух следующих условий:

а) наличие выделения в начале и конце паузами (которым на письме соответствуют точки, многоточие, вопросительный или восклицательный знак);

б) соответствие правилам построения независимого словосочетания (то есть наличие ядерной словесной структуры), — или обоим этим условиям одновременно и не содержащее в своем составе меньших единиц, также удовлетворяющих хотя бы одному из данных условий.

Как видим, данное определение позволяет на данном этапе исследования включить в сферу нашего рассмотрения как части сложного предложения, так и различные непредикативные конструкции в тексте.

Каждое из этих явлений обладает одним из указанных признаков: части сложного предложения представляют собой

независимые словосочетания, организованные каждое вокруг своего словесного ядра, но не обособленные с помощью точек (или их перечисленных вариантов). Парцеллированные конструкции отделены точками, но не содержат в себе ядерных словосочетаний. В то же время обычные простые предложения соответствуют обоим данным условиям.

Понятие "сегмент текста", однако, представляет собой лишь предварительную гипотезу о единице данного уровня - предложении. Последняя должна быть определена на основе формулирования функциональных правил, которые должны показать, какие сегменты представляются вариантами одного предложения и какие, быть может, вообще не обладают функциональными свойствами, позволяющими приписать им статус предложения. Соотношение между данными понятиями в принципе обещает быть таким же, как между понятием словоупотребления (сегмента между двумя пробелами) и словом как единицей определенного языкового уровня: ряд словоупотреблений по своим функциональным свойствам идентифицируются в качестве вариантов слова-лексемы, а некоторые из них и вовсе оказываются за пределами понятия слова (например, парцеллированные части слова). Но все это выясняется уже на основе знания правил грамматики, сформулировать которые было бы невозможно, если бы мы не располагали, в качестве исходной единицы, понятием словоупотребления.

Теперь, после того как мы можем разбить текст на отдельные сегменты, задача состоит в определении того, какие из данных сегментов манифестируют функционально самостоятельные единицы (назовем их автосемантическими сегментами текста), а какие являются представителями несамостоятельных единиц (синсемантическими сегментами текста).

Однако практически отбор самостоятельных сегментов текста оказывается нелегкой задачей. Мы уже имели возможность убедиться (см. первую часть нашего исследования), что ни смысловая автономность, ни "полнота" словесного состава не может служить в данном плане надежным различительным признаком. В принципе ясно, что синсемантическими сегментами могут быть признаны такие, которые содержат в своем составе нулевые субституты, поскольку такой сегмент может появиться в тексте лишь при наличии в окружающем контексте элементов, которые имеют в составе данного сегмента нулевое выражение. Задача, однако, состоит в том, чтобы формально определить последнее, отличить нулевую субституцию, как показатель связи между предложениями, от весьма неопределенного подразумевания в данном предложении некоторых слов из предыдущих, связанных с ним по смыслу, предложений.

Нам кажется, что это возможно сделать на базе принятого нами основного показателя связи — соотношения грамматической формы членов связываемых предложений.

Нужно сформулировать следующее правило: если введение в структуру данного предложения некоторого слова (или словосочетания), имеющегося в других предложениях в данном тексте, сопровождается связанностью грамматического оформления этого слова, то можно говорить о нулевой репрезентации этого слова в структуре данного предложения как показателе его связей в тексте, а варианты с нулевой и не-нулевой репрезентацией рассматривать в качестве позиционных; если же форма вводимого слова оказывается факультативной (в параметрах тех свободных категорий, кото-

рые в нем представлены), такое слово нельзя считать нулевым членом структуры данного предложения.

Поясним это правило примерами. Рассмотрим два текста:

а) В лес! Это была чудесная идея.

б) Куда вы направляетесь? — В лес.

В первом случае в предложении В лес! явно нет нулевого представления каких-то конкретных слов, поскольку подходящих для этого слов просто нет в тексте. Во втором случае — явное представительство местоимения и глагола из соседнего предложения. Однако как разграничить данные случаи? Нельзя сказать, что в первом примере не "подразаумевается" никакого действия. Следовательно, наличие или отсутствие "подразаумевания" (даже если бы нам удалось как-то определить, что это такое) еще не может служить здесь различительными признаком. Наличие или отсутствие некоторых "подходящих" слов в тексте тоже не может само по себе ни о чем свидетельствовать, так как, во-первых, откуда нам известно, какие именно слова являются "подходящими"? Например, в тексте — Приближается ночь. В лес! — глагол приближается явно не оценивается нами как "подходящее" слово, хотя и по своим грамматическим свойствам, и с точки зрения смысловой сочетаемости он вполне мог бы в принципе "представительствовать" в предложении В лес. Во-вторых, неясно, как далеко друг от друга могут быть расположены предложения, чтобы можно было говорить о нулевой субституции некоторого слова одного из этих предложений в другом? Это явно не обязательно должны быть соседние предложения. Но если в этом плане нет строгих ограничений, то можно дойти до абсурда и отыскивать соответствие нулевому субституту на любом расстоянии.

Эти-то трудности и устраняет вводимое нами правило. Если мы попытаемся ввести некоторый глагол в первом примере, его оформление окажется свободным по всем категориям. Ср.: Бежим в лес! Это была чудесная идея. Можно, не разрушая данный текст, поставить глагол в любой форме

лица, числа, склонения, времени, вида, рода (там, где появляются формы рода). Следовательно, связь между данными предложениями не проходит через данный компонент структуры. Его отсутствие в данном случае (в предложении В лес!) нельзя считать позиционно обусловленным. То же можно сказать и о тексте: Приближается ночь. В лес! Даже если мы вставим глагол приближаться во второе предложение, его оформление будет свободно и никак не зависеть от формы того же слова в предыдущем предложении.

Другая ситуация, однако, наблюдается в случае типа - Куда вы направляетесь? В лес. Здесь подстановка местоимения или глагола, или обоих этих слов во второе предложение должна осуществляться в определенной форме лица (Я (мы) - в лес, или Я направляюсь (мы направляемся) в лес), в противном случае нарушается связь между предложениями. Следовательно, эта связь действительно осуществляется через соответствующие узлы структуры, и их нулевое представительство во втором предложении должно быть признано.

Данное правило избавляет нас от необходимости гадать, является ли то или иное слово, имеющееся в тексте, "подразумеваемым" и "пропущенным" в некотором предложении, или нет. Исчезают также и трудности, связанные с неопределенностью расстояния между предложениями, на котором действует нулевая субституция: там, где имеется связь между предложениями (о чем свидетельствует связанность грамматических форм), независимо от расстояния, на котором эти предложения находятся, может быть признана нулевая субституция.

Таким образом, выясняется, что наличие или отсутствие нулевой субституции (а следовательно - самостоятельность или несамостоятельность соответствующего сегмента текста) зависит не столько от словесного состава, сколько от характера употребления в тексте: один и тот же (с точки зрения словесного состава) сегмент может в одних условиях употребления выступать в качестве автосемантического, в других - в качестве синсемантического. Это неудивительно, поскольку данные понятия выводятся из особенностей функ-

ционирования сегментов в тексте, а не из их внутреннего устройства. Это напоминает аналогичную ситуацию на уровне слов, когда одна и та же морфемная конструкция в разных условиях употребления может выступать либо в качестве свободной, либо в качестве связанной. Например, форма унтер может функционировать в качестве самостоятельного слова, но может оказаться и синсемантической — в контексте типа унтер- и обер-офицеры. На уровне предложений аналогичное явление распространено значительно шире, в связи с тем, что нулевая субституция слов осуществляется гораздо свободнее, чем нулевая субституция морфем.

Из этого следует, что "неполнота" предложений (как бы мы ее ни определяли) и синсемантизм отнюдь не находятся в прямой связи. Нулевая субституция может иметь место и у бесспорно "полных" предложений, в том случае, например, когда она касается зависимых слов. Так, в контексте Кто стучал в окно? — Я стучал. — второе предложение является полным, но синсемантическим, поскольку налицо нулевая субституция зависимого элемента. С другой стороны, и предложения, обычно признаваемые неполными, могут, как мы видели, употребляться автосемантически.

Это не значит, однако, что не существует вообще конструкций, которые в принципе могут функционировать только в одном качестве, в частности, только как синсемантические. Наблюдения показывают, что не всякие "сокращения" (особенно — ядерных элементов) создают структуру, способную к изолированному употреблению. Например, опущение глагола (или подусвязки), при наличии зависимого творительного предикативного, дополнения или инфинитива, создает конструкцию, неспособную к употреблению вне контекста, в котором выявляется нулевая субституция глагола.

В связи с этим необходимо ввести определенные терминологические уточнения. В рамках общего понятия сегмента текста мы будем различать два класса — назовем их свободными и связанными сегментами. Свободным сегментом текста

будем называть такой, который по крайней мере в некоторых случаях может быть употреблен автосемантически, то есть без нулевого замещения некоторых элементов своей структуры. Связанным сегментом, соответственно, будем называть такой, который опособен только к синсемантическому употреблению.

Свободный сегмент текста, в отличие от связанного, можно назвать предложением. Таким образом, предложение, в нашем понимании, это единица, характеризуемая не тем или иным внутренним построением, а способностью к автосемантическому употреблению. Предложение -

это, подобно слову, "свободная форма". Это не исключает того обстоятельства, что определенные конструктивные показатели могут характеризовать свободную форму на уровне предложения, так же как и на уровне слова. Однако не эти последние (наличие корня у слова, определенной словесной конструкции у предложения) определяют автосемантический характер данных единиц, а напротив, функциональная характеристика показывает, какие структурные особенности отличают автосемантические единицы. В частности, по-видимому, сокращения зависимого элемента при главном никогда не нарушают свободного характера сегмента. Сокращение же главного элемента в структуре при сокращении зависимого может привести (хотя и не обязательно во всех случаях приводит) к связанности сегмента текста.

Итак, мы разработали процедуру, позволяющую среди сегментов текста отобрать те, которые представляют самостоятельные функциональные единицы данного уровня - предложения. Заметим, что для уровня предложений наличие такой процедуры имеет большее значение, чем для уровня слов, в связи с тем, что в тексте встречается гораздо больше фразовых сегментов, не являющихся предложениями, чем словесных сегментов (словоупотреблений), не являющихся словами. В самом деле, на уровне слов явление нулевой субституции морфем, приводящее к появлению несамостоятельных образований, встречается достаточно редко (примеры типа друк-и

трехнедельный), по крайней мере в русском языке^I, в то время как аналогичное явление среди предложений весьма широко распространено.

Исходя из сказанного, мы и определили предложение как самостоятельный сегмент текста (в соответствии с разработанным ранее определением сегмента текста и самостоятельности). Признаком предложения, как самостоятельной функциональной единицы, является его способность вступать в свободные, оформленные по определенным правилам сочетания с другими предложениями. Способы выражения данного оформления могут рассматриваться, тем самым, в качестве выразителей функциональных свойств предложения.

Мы уже говорили, что в русском языке данную функцию выполняют шесть грамматических категорий — рода, лица, числа, склонения, времени и вида. Именно данные категории (а не только категории лица, времени и склонения) в совокупности выражают свойства предложения, как функциональной единицы, в русском языке. Из этого следует, что разные языки будут давать нам различный набор категорий, на базе которых формируются свойства предложения. Это, однако, не значит, что общее определение признаков предложения при таком подходе оказывается невозможным. Универсальный характер носит сама процедура определения того, какие средства являются выразителями признаков предложения: процедура, основанная на соотношении предложений в связанном тексте и выяснении тех моментов, которые для такого соотношения используются.

---

^I В языках с широко распространенным словосложением (в частности, в эстонском) данное явление встречается значительно чаще.

Конструктивная классификация предложений и ее недостатки

Наряду с определением единицы уровня предложений и ее свойств, другим важнейшим вопросом функционального описания является выделение классов предложений. Надо сказать, что существующая в настоящее время и повсеместно применяемая в учебной практике классификация обнаруживает ряд недостатков, во многом сходных с теми, которые были показаны при рассмотрении общего учения о предложении. А именно, определения, которые могут быть введены только на базе функционального подхода к предложению, пытаются обосновать конструктивно, исходя исключительно из внутреннего словесного состава одного, отдельно взятого предложения. Применительно к интересующей нас сейчас проблеме это проявляется в том, что предложения классифицируются по характеру лежащей в их основе словосочетательной структуры, то есть на основании того же признака, который обнаружил уже свою недостаточность при определении предложения и определении отношений вариативности. Основным признаком, по которому различные типы предложений противопоставляются друг другу, является строение "формулы" предложения, и прежде всего ядерной структуры. Количество членов ядерной структуры (один или два главных члена), их строение (выбор морфологических классов слов, в которых реализуются подлежащее и сказуемое), наконец, грамматическая форма — вот различительные признаки, конституирующие типы предложений.

Данный принцип классификации был наиболее систематически разработан А.А.Шахматовым в его книге "Синтаксис русского языка" (2-е изд. Л., 1941). Учение А.А.Шахматова о типах предложений в русском языке явилось крупнейшим достижением в разработке данной проблемы, поскольку впер-

вые все многообразие синтаксических структур, существующих в языке, было систематически описано не с предвзятых экстралингвистических позиций (соответствия данных структур логическому или психологическому суждению), а с точки зрения показаний их собственной, им самим присущей языковой формы. Такой подход полностью определил, вплоть до последнего времени, и пути дальнейшего изучения синтаксического строя русского языка, мыслившегося как уточнение и детализация первоначальной, данной А.А. Шахматовым, классификации на базе тех же принципов.

В соответствии с данными принципами предложения обычно делятся (по крайней мере при описании русского языка со времени "Синтаксиса" А.А. Шахматова) прежде всего на "односоставные" (один главный член) и "двусоставные" (два главных члена). Далее, данные основные типы подразделяются по форме главных членов. Так, двусоставные предложения классифицируются фактически лишь по типу сказуемого¹, которые, в свою очередь, — какие бы конкретные типы ни выделялись в той или иной классификации — определяются морфологическими классами слов, образующих сказуемое. Односоставные предложения подразделяются прежде всего, по характеру главного члена, на "бесподлежащие" и "бессказуемые"

¹ Собственно, специальной классификации двусоставных предложений обычно не дается, она просто автоматически сводится к классификации сказуемого. Этим еще более подчеркивается чисто конструктивный характер данной классификации.

² Термины эти, введенные А.А. Шахматовым, несомненно, неудачны, так как создают впечатление того, что речь идет о неполноте предложений, что противоречит духу шахматовского учения об односоставных предложениях как о структурно полных, не требующих второго главного члена. Это обстоятельство не раз отмечалось позднее (см., напр., В.В. Виноградов, Синтаксис акад. А.А. Шахматова, "Вопросы синтаксиса современного русского языка", М., 1950, стр. 108). Иногда данные типы называют "глагольным" и "лисным". Однако замена терминов не изменяет сущности данной классификации, которая и в настоящее время строится на принципе соотнесенности

Дальнейшая классификация, в основном, охватывает "обособленные" предложения. Ее структурным основанием служит опять-таки форма главного члена. На этом основании выделяются обычно определенно-личные предложения (главный член — глагол в форме 1-го или 2-го лица единственного и множественного числа), неопределенно-личные (главный член в форме 3-го лица множественного числа), обобщенно-личные (главный член в форме 2-го лица единственного и множественного числа, а также 3-го лица множественного числа и 1-го лица множественного числа), безличные (форма главного члена — 3-е лицо единственного числа в настоящем времени и средний род единственного числа — в прошедшем), инфинитивные (главный член — независимый инфинитив).

Однако наряду с указанными важными положительными сторонами, данная классификация обнаруживает коренной недостаток, заключающийся в том, что она определяет не типы предложений, а лишь типы словесных форм и словосочетаний внутри предложения.

Следовательно, предлагаемая классификация предложений не имеет прямого отношения к свойствам предложения как такового. Эти свойства (если они имеются в действительности) остаются за пределами выделяемых типов, что неудивительно, поскольку мы уже не раз имели возможность убедиться в том, что свойства предложения оказываются при существующем подходе фактом экстралингвистическим.

А между тем, предложения, помимо своей внутренней структуры, должны характеризоваться некоторыми функциональными особенностями. Более того, эти особенности интуитивно ощущаются исследователями, но, поскольку описание формы предложений не направлено на выявление данных особенностей, они получают неструктурную интерпретацию, воспринимаясь как некоторое обобщенное значение предложения.

морфологической формы главного члена односоставного предложения с формой подлежащего или сказуемого двусоставного предложения.

Так на структурную, чисто морфологическую по своему характеру, классификацию накладывается другая — классификация предложений по их обобщенному значению.

При этом данные две классификации отнюдь не существуют как самостоятельные, независимые одна от другой. Как и при определении признаков предложения и инварианта на данном уровне, традиционная теория и здесь полагает, что внутреннее устройство предложения и его обобщенное значение непосредственно связаны друг с другом, и пытается объединить данные признаки, строя на их основе единую классификацию. Но, поскольку в действительности обобщенное категориальное значение предложения (как и категориальное значение любой значимой лингвистической единицы) вытекает отнюдь не из его внутреннего устройства, а из особенностей функционирования, данные два признака (структура и значение) в традиционной классификации фактически оказываются разобщенными, что и обуславливает множество трудностей, возникающих перед данной классификацией.

Особенно это заметно в классификации глагольных односоставных предложений. Мы уже говорили, что типы здесь выделяются по форме главного члена. Однако такого, чисто формального, определения оказывается явно недостаточно. Дело в том, что наряду с односоставными глагольными предложениями постулируется существование неполных двусоставных с пропущенным и подразумеваемым подлежащим (в то время как у односоставных предложений подлежащее не является необходимым и не "подразумевается"). Данные две разновидности являются омонимами — материальная репрезентация их тождественна.

Невозможность показать отличие "полных" односоставных предложений от соответствующих "неполных" двусоставных на основании правил построения словосочетания, исследования валентности слов приводит к тому, что данные понятия определяются на основании семантических критериев,

исходя из наличия или отсутствия "подразумеваемого".

Говорится, что омонимы, например Стучит¹ (безличное предложение) и Стучит² (неполное с подразумеваемым подлежащим), Идут¹ (односоставное неопределенно-личное предложение) и Идут² (двусоставное неполное) различаются тем, что в первых случаях речь не идет ни о каком конкретном, определенном субъекте — последний либо вовсе отсутствует, либо мыслится как неопределенный, а потому и не "подра­зу­ме­ва­ет­ся" в данном предложении; во вторых же случаях имеет­ся в виду определенный субъект, обычно восстанавливае­мый из контекста.

Однако может ли критерий "подразумеваемости" и "не­под­ра­зу­ме­ва­е­мо­сти" подлежащего играть роль определителя типов предложений? Для этого он, очевидно, должен быть как-то формализован: само по себе понятие подразумева­ния, до тех пор, пока ему не найдено регулярного соответствия в языковой форме, не может считаться понятием лингвисти­ческим. В этой связи иногда говорится об обязательной контекстуальной зависимости неполных бесподлежащих пред­ложений, возможности восстановить их подлежащее из кон­текста¹. Но мы уже говорили о том, что необходимость в контекстуальном дополнении неполных предложений типа Идут, в сущности, такая же, как и для полного предложения Они идут. И в том, и в другом случае контекст ничего не прибав­ляет к грамматической характеристике субъекта и дает по­следнему лишь "вещественное" определение. Но аналогичная конкретизация путем отнесения к денотату, выясняемому из контекста, возможна, разумеется, и у всех типов односо­ставных предложений. Многочисленные примеры такого кон­текстуального "восполнения" содержания односоставного

¹ Ср. А.А.Юдин, Об отличии односоставных предложений от двусоставных. "Уч. записки Рязанского ПИ", т. 30, 1962, стр. 40.

предложения из контекста приводятся В.В.Бабайцевой¹. Вот некоторые из них:

Меня откупили. — Кто? — Савелий Алексеевич.
(Тургенев)

В воздухе вдруг заняло, захлюпало, прошумело вихрем над головами и хрястнуло позади нас, в соседнем дворе. Мина! За ней вторая, третья.
(В.Росляков)

Оправдывая квалификацию этих случаев как односоставных, В.В.Бабайцева пишет о том, что в таких контекстах в односоставном предложении делается упор на само действие, а последующее уточнение лица уже не изменяет характера предложения². Однако такое толкование не дает возможности объяснить, почему односоставные предложения могут не только предшествовать уточнению субъекта, но и следовать за таким уточнением. Представим себе один из приведенных ранее примеров трансформированным следующим образом:

Мина! В воздухе вдруг заняло, захлюпало, зашумело — и т.д.

Теперь, произнося второе предложение, мы уже знаем субъект действия (а не уточняем его впоследствии). Однако эта определенность, известность "дейателя" не переводит данное предложение в разряд личных.

Поскольку контекстуальная восполнимость подлежащего, как видим, неспособна служить различительным признаком типа синтаксической структуры, односоставные предложения, в их отличии от двусоставных, пытаются определить, исходя из их общего значения. Предполагается, что значение неопределенности, обобщенности субъекта и его "устраненности" (безличности) присуще неопределенно-личным, обобщен-

¹ В.В.Бабайцева, Односоставные предложения в современном русском языке, изд. "Просвещение", М., 1968, стр. 39 и сл.

² В.В.Бабайцева, ук. соч., стр. 38-39.

но-личным и безличным предложениям как таковым, независимо от того, назван ли реально субъект действия в контексте, или он действительно остается неизвестен. Именно это значение типов односоставных предложений является конституирующим для них.

В этом случае обычно делаются попытки связать смысловую характеристику рассматриваемых типов предложений с их формальной характеристикой, как односоставных, путем указания на то, что односоставность является как бы обязательным средством выражения неопределенности, обобщенности и безличности — общих значений разновидностей односоставного предложения. Подстановка подлежащего, хотя и возможная с точки зрения чисто "словосочетательных" правил, разрушает данное значение и потому может считаться "запрещенной", с точки зрения данного типа¹.

Такое определение приводит нас, однако, к логическому кругу: правила введения подлежащего в ядерную структуру данного типа будут апеллировать к его значению (сохраняется ли значение при "двусоставном" преобразовании), последнее же, в свою очередь, формируется на основе понятия односоставности как формального фундамента "одночленности" выражаемого сообщения (поскольку само это значение будет выводиться из структур, сведенных в один тип по признаку "односоставности"). Но даже если предположить, что нам каким-либо образом удастся определить односоставность формально (причем так, чтобы это понятие не ограничивалось теми скудными результатами, которые в принципе могут быть получены на основании применения чисто "словосочетательных" правил, а позволило подвести под это понятие те предложения, которые реально

¹ "Односоставные предложения — это такие предложения с одним главным членом, которые не требуют другого главного члена и не могут быть дополнены им без изменения характера выражаемой мысли" (В.В.Бабайцева, Односоставные предложения в современном русском языке..., стр.23).

оцениваются грамматикой как односоставные), легко можно убедиться, что понятия формальной односоставности и смысловой "одночленности" (реализуемой как неопределенность, обобщенность субъекта и безличность) вовсе не находятся между собой в сколько-нибудь обязательной зависимости.

Действительно, с одной стороны, существование таких односоставных предложений, как определенно-личные, показывает, что грамматическая односоставность (как бы мы ее ни определяли) вовсе не противоречит двучленности выражаемой мысли с выражением (независимым от контекстуального уточнения) представления об определенном субъекте. Следовательно, регулярное отсутствие подлежащего (односоставность) не может служить тем формальным основанием, на котором могло бы базироваться значение "неопределенности" (в широком смысле) субъекта, как категориальное значение некоторого класса предложений. Но, может быть, односоставные предложения являются в этом отношении "слабым" классом, конституируемым в противопоставлении с сильным классом двусоставных предложений? В этом случае мы должны ожидать, что двусоставность связана обязательно с признаком определенности субъекта действия.

Однако и такое утверждение не соответствует истинному положению вещей. Если введение местоименного подлежащего ничего не добавляет к сведениям о субъекте определенно-личного предложения, что и обуславливает параллелизм односоставных и двусоставных определенно-личных предложений, то аналогичную операцию можно проделать и во всех остальных случаях. Действительно, введение местоименного подлежащего в неопределенно-личное, обобщенно-личное и безличное предложения нередко совершенно не изменяет его значение (вопреки ! приводившемуся выше утверждению) и оставляет субъект ничуть не более "определенным", чем при односоставном выражении. Так, широко известно, что наряду с односоставными обобщенно-личными предложениями возможна и их двусоставная реализация - с местоимением ты (иногда вы):

можно сказать — Бывало, сидишь себе и думаешь... и Бывало, ты сидишь себе и думаешь..., явно не изменяя "обобщенно-личного" значения. То же самое относится и к неопределенно-личным предложениям: можно сказать Опять шумят и Опять они шумят — не нарушая неопределенного характера субъекта. Наконец, и большинство безличных предложений могут выступать в двусоставном варианте, чаще всего с местоименным все: ср. Тихо и Все тихо.

Итак, в рамках каждого из выделенных типов предложений мы имеем параллельные структурные реализации — односоставную и двусоставную, совершенно тождественные с точки зрения характера представления субъекта; но как согласовать данное обстоятельство с рассматриваемым тезисом об односоставности как источнике устранения субъекта? Если тот факт, что для неопределенно-личных предложений наличие подлежащего не являлось релевантным, объяснялся тем, что сама глагольная флексия дает "определенную" информацию о субъекте, то как объяснить необязательность отсутствия подлежащего при выражении "одночленности"? Сослаться на то, что информацию о "неопределенном" субъекте также дает глагольная флексия независимо от подлежащего, уже нельзя, так как тогда получится, что одна и та же флексия (в одних и тех же словесных конструкциях) способна выражать то "определенность", то "неопределенность" субъекта.

Мы видим, что значение различных типов предложения не удается связать с формой их внутреннего построения. В результате понятия определенности и неопределенности субъекта становятся неформализуемыми, то есть предстают как понятия экстралингвистические, дающие чисто смысловую, логическую классификацию предложений по типу выражаемого в них содержания.

Но тогда понятия — "определенно-личное", "обобщенно-личное", "неопределенно-личное" и "безличное" предложения теряют какой-либо лингвистический смысл и сводятся к классификации предложений по их "вещественному" значению

в конкретных контекстах. Если быть последовательными в проведении этого принципа, придется признать, что данные понятия не способны служить основой для различения не только односоставных и двусоставных, но и вообще каких-либо языковых типов предложений, так как любая форма предложения может в принципе соответствовать любой из указанных семантических разновидностей.

Например, предложение со сказуемым в форме третьего лица множественного числа может иметь следующие значения: а) определенно-личное прямое (реальный субъект соответствует его формальному определению); б) определенно-личное не прямое (реальный субъект не соответствует его формальному определению: Говорят тебе, отойди); в) неопределенно-личное; г) обобщенно-личное; д) безличное (Его зовут Иван). То же относится к безличной форме, которая может содержать и указание на определенный субъект (в виде "косвенного" субъекта), и на неопределенный субъект: Сказано тебе, отойди, и т.д.

Но признать это значило бы, разумеется, просто отказаться от классификации предложений. Поэтому существующее описание в действительности строится в виде компромисса между двумя фактически разноплановыми признаками: словесным составом предложения и его интуитивно определяемым значением. Фактически определение предложения по составу его ядерного словосочетания и по форме сказуемого, с одной стороны, и определение его как определенно-личного, неопределенно-личного и т.д., с другой — это две разные, в сущности никак не связанные между собой классификации, которые, однако, пытаются представить как одну. Это, конечно, делает данное описание таким же противоречивым, как и рассмотренное ранее учение о неполном предложении, ведет к образованию пересекающихся классов, когда одна форма оказывается выразителем различных семантических классов, а каждый семантический класс может реализоваться в различных формах.

Такой результат вполне закономерен. Поскольку форма предложения рассматривается исключительно как форма конструктивная, она и не может служить основанием для определения общего (категориального) значения предложения. Мы говорили уже, что категориальное значение любой языковой единицы обусловлено особенностями ее функционирования, то есть правилами ее сочетаемости с другими единицами того же уровня и системой форм, в которых эти возможности сочетаемости закреплены ("морфологизованы") в языке. Поэтому функциональный класс некоторых единиц может быть сформирован, и его категориальное значение определено, лишь на базе анализа функционирования данных единиц. Конструктивные особенности единиц, их внутренний состав не играют при этом существенной роли. Чтобы понять, насколько в этом отношении классификация предложений отличается от соответствующих разделов описания других уровней языковой системы, прибегнем вновь к экстраполяции понятий, принятых в современной синтаксисе, на уровень слов и морфем, и установим, каким явлениям данные понятия могут здесь соответствовать. Попробуем определить классы слов чисто конструктивно, то есть по количеству составляющих (морфемных) элементов в словесном ядре (аналогично определим классы морфем по количеству ядерных фонемных элементов). Очевидно, "главными" членами структуры слова являются корни. В соответствии с этим, мы можем определить понятия "односоставного" слова (организованного вокруг одного корня) и "двусоставного" слова (имеющего в своем составе два корня), "нераспространенного" слова (состоящего только из корня или корней) и "распространенного" - имеющего также аффиксы. Соответственно, поскольку ядерными элементами в фонемных сочетаниях являются слогиобразующие фонемы (в частности, в русском языке - гласные), назовем "односоставными", "двусоставными", "трехсоставными" и т.д. морфемы, состоящие из одного, двух, трех и т.д. слогов; "нераспространенными" - морфемы, имеющие в своем со-

ставе только гласные, и "распространенными" -- морфемы, включающие в свой состав также и согласные.

Такая классификация в принципе, конечно, возможна (мы видим, что некоторые из перечисленных понятий даже и реально используются в описании слов и морфем, хотя им даются другие наименования). Но странно было бы видеть такое описание в роли единственной классификации единиц данных уровней, заменяющей обычное выделение классов слов (частей речи) и морфем. Странно было бы полагать, что такая классификация может претендовать на определение типов данных единиц, конституирующих некие категориальные значения. В самом деле, такая классификация была бы совершенно безразлична к функциональным свойствам классифицируемых единиц. Так, при указанном разбиении слов в один класс попали бы разные части речи (имеющие разное категориальное значение) и, напротив, каждая часть речи реализовалась бы в различных классах. То же самое, конечно, относится и к описанию морфем.

Именно эта картина наблюдается при описании предложений. Мы можем поэтому предположить, что общие значения, которые стремятся приписать выделяемым типам предложений, предстают в качестве экстралингвистического фактора не потому, что они в действительности не имеют никакого соответствия в языковой форме, а лишь потому, что их пытаются соотнести с конструктивной формой. С последней они действительно не имеют прямых связей. Но определение функциональных особенностей предложения позволило бы выделить на формальных основаниях классы предложений, конституирующие определенные типы категориальных значений.

Принципы функциональной классификации предложений

Мы установили, что в основу классификации предложения должны быть положены его функциональные свойства. Предложения должны объединяться в один класс не на основании сходства внутренней структуры, а на основе общих функциональных свойств, проявляемых в характере соотношения с другими предложениями. Такой подход позволит выделить классы предложений, аналогичные по своему характеру тем, которые мы имеем на уровне слов в учении о частях речи. Поскольку при этом конститутивным признаком станут функциональные свойства предложения, мы будем называть в дальнейшем получаемые классы функциональными классами предложений.

Какие же компоненты формы предложений являются показателями их принадлежности к тому или иному функциональному классу? Очевидно, те, в которых непосредственно выражаются функциональные свойства предложений. Мы знаем, что в этой роли выступают определенные грамматические категории, вернее, способность предложения иметь варианты (парадигму) по этим категориям, из которых и осуществляется выбор в определенной позиции. При этом структура парадигмы у различных предложений оказывается неодинаковой.

На основании этого оказывается возможным выделить классы предложений с точки зрения их функционирования в тексте. Ведь парадигма показывает, в конечном счете, возможности связи данного предложения с другими в тексте, то есть характер функционирования данного предложения. Мы можем поэтому предположить, что одинаковое построение парадигмы у некоторых предложений отражает их тождественные функциональные свойства, в силу чего данные структуры могут быть признаны представителями одного класса предложе-

ний. Данное рассуждение может служить основой функциональной классификации предложений, базирующейся не на внутреннем устройстве (поскольку в один класс при таком подходе могут оказаться объединенными предложения с разной структурой), а на типе связей в тексте, выявляемом в структуре парадигмы.

Классификация предложений с точки зрения строения их парадигм активно разрабатывается в русской грамматике в течение последнего десятилетия. Впервые на русском материале идея такой классификации была высказана Е.А.Седелником¹. В дальнейшем наиболее систематическое описание предложений русского языка в данном аспекте связано с работами Н.Ю.Шведовой². Однако мы уже видели, что само определение парадигмы остается при этом нефункциональным. Естественно, что получаемые на основе такого определения парадигмы классы предложений не оказываются функциональными классами в полном смысле этого слова, так как не отражают (или в неполной степени отражают) характер "поведения" предложений в тексте. В частности, Н.Ю.Шведова строит классифи-

¹ Е.А.Седелников, Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений, НДВШ ФН, 1961, № 3.

² Н.Ю.Шведова, Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм, сб. "Проблемы современной филологии", изд. "Наука", М., 1965; ее же, Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии), сб. "Русский язык. Грамматические исследования", изд. "Наука", М., 1967; см. также написанный тем же автором раздел синтаксиса простого предложения в кн.: "Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка", изд. "Наука", М., 1966.

кацию лишь на основании строения парадигмы по категориям времени и модальности. Поскольку такая классификация охватывает лишь часть признаков, конституирующих функциональные свойства предложений, естественно, что многие чрезвычайно важные функциональные противопоставления остаются в этом случае не показанными.

Определение парадигмы как инструмента функционирования предложения и установление на этой основе границ парадигмы открывает возможность использования данного признака в качестве конститутивного признака функциональной классификации предложений. Структура парадигмы оказывается формальным признаком некоторого функционального класса предложений. На базе этого формального признака становится возможным определить общее категориальное значение, присущее данному классу в силу его формальных свойств, в силу определенного характера его использования (функционирования) в тексте. Такое общее значение функционального класса предложений подобно общему значению части речи. Точно так же как, например, общее значение предметности существительного не зависит от вещественного значения того или иного слова (данное общее значение проявляется и у тех существительных, которые, вообще говоря, обозначают вовсе не предмет) и вытекает исключительно из типовой роли существительного в его соотношениях с другими классами (в частности, в его противопоставлении прилагательному и глагоду), так и общее значение класса предложений не зависит от конкретного "вещественного" смысла предложения, определяемого лексическим наполнением и условием употребления. Даже в том случае, если вещественное значение не согласуется и противоречит категориальному, последнее проявляется в виде некоторого основного, устойчивого способа представления смысла сообщения, накладывающегося на условия конкретной ситуации (ср. аналогичное "просвечивание" значения предметности у таких существительных, как бег или белизна).

Итак, классификация предложений будет строиться нами в зависимости от наличия или отсутствия парадигмы по шести грамматическим категориям. Однако не все противопоставления такого рода будут равноценными. Дело в том, что среди данных категорий обнаруживается явное разбиение на группы, причем в пределах каждой из групп обнаруживается известное родство, общность входящих в одну группу категорий. Таких групп среди наших шести категорий можно выделить три. Это, во-первых, категории рода, лица и числа. Все они характеризуются тем, что относятся (в пределах ядерной структуры) к грамматическому субъекту. Даже тогда, когда они представлены в сказуемом (Идет), они характеризуют субъект - в данном случае словесно не выраженный. Назовем данные категории поэтому субъектными категориями, обозначив их в совокупности символом S.

Вторую группу составляют категории времени и наклонения. Данные категории, напротив, характеризуют исключительно грамматический предикат и могут быть выражены только в пределах последнего. Будем называть их поэтому предикативными категориями (обозначим в совокупности символом P).

Наконец, третью группу образует категория вида, характеризующаяся тем, что она определяет процесс, который может быть представлен не только в роли грамматического предиката, но также и в роли грамматического субъекта (учиться - трудно). Обозначим данную категорию символом A (от англ. *aspect* - вид).

Поскольку, как мы уже сказали, в пределах каждой из групп обнаруживается значительная общность категорий, представляется целесообразным противопоставлять функциональные классы предложений по совокупности признаков, составляющих одну группу. Иначе говоря, разграничение функциональных классов будет производиться не на основании наличия - отсутствия парадигмы по одной какой-либо категории, а на основе аналогичного противопоставления по це-

лой группе категорий (S, P или A).

Мы можем обозначить эти два состояния как + и - . Символ + будет означать, что имеется парадигма по данной группе категорий (по крайней мере по одной из категорий данной группы), так, S + будет обозначать, что по крайней мере по одной из субъектных категорий (рода, лица или числа) парадигма имеется ; символ - означает, что ни по одной из категорий данной группы предложение парадигмой не обладает.

Рассмотрим теперь получаемые на основе изложенных принципов функциональные классы предложений современного русского языка.

I. Определенно-субъектные предложения

(P + A + S +).

Данный класс образуется сочетанием подлежащего - субстантивного слова и глагольного сказуемого (любого типа). Наличие в качестве центрального элемента в сказуемом глагола обуславливает свободный характер категорий наклонения, времени и вида (P+A+). Наличие в роли подлежащего некоторого субстантивного слова обеспечивает варьирование хотя бы по одной из субъектных категорий. При этом, в зависимости от характера субстантивного слова, открываются различные возможности такого варьирования, в связи с чем в рамках данного функционального класса могут быть выделены следующие основные структурные разновидности.

1) Соединение личного местоимения и глагола (Мест. л. + Гл.). Данное соединение характеризуется наличием полной субъектной парадигмы - по всем субъектным категориям.

2) Соединение местоименных прилагательных (слов типа этот, сам, какой) и глагола (Мест. пр. + Гл.).

Данная конструкция открывает возможность варьирования по роду и числу, но не лицу.

3) Соединение существительного и глагола (Сущ. + Гл.).

Очевидны возможности варьирования форм числа у данной структуры. Если отвлечься от лексического наполнения указанной формулы, можно сказать, что здесь возможно варьирование и по категории рода, поскольку, подбирая различные существительные (но не изменяя при этом формулы предложения), мы можем менять родовую характеристику.

4) Сочетание местоименного существительного^I и глагола (Мест. сущ. + Гл.). Здесь также, оставаясь в пределах общей формулы и меняя лишь подбор слов, можно варьировать родовую характеристику (Кто стучал - Что стучало), так что по одной данной субъектной категории имеется парадигма.

5) Сочетание числительного и глагола (Числ. + Гл.). Для данной структуры характерна возможность варьирования форм числа (Двое шло - Двое шли).

Таковы двусоставные структуры, в которых оказывается представлен описываемый функциональный класс². Однако и устранение подлежащего в данном случае сохраняет возможность варьирования субъектной формы (ср. Я иду - Иду). Следовательно, в рамках данного функционального класса парад-

^I Местоименными существительными мы будем называть только слова кто, что и их производные, в отличие от особо выделяемых личных местоимений (такому разделению соответствует ряд различий грамматической характеристики данных групп слов).

² Мы не останавливаемся на тех структурных разновидностях данных основных типов, которые обусловлены возможностью введения различных типов непростого подлежащего и непростого сказуемого, поскольку данные разновидности автоматически вытекают из предложенной ранее классификации подлежащего и сказуемого.

дельно всем названным ранее двусоставным конструкциям может быть названа односоставная бесподлежащая структура (Гл.).

Закуривай, Филат (Платонов)

Видел широкие, занесенные снегом улицы, чернеющие в снегу хибарки, красный огонек в одной из них

(Бунин)

Сегодня предложение сделал (Чех.)

Потом проснулась и долго бормотала славянские молитвы

(Платонов)

Пожалуй, еще дурно себя поведет да фамилию мою замазает, мерзавец (Дост.)

Жду ответа вашего с нетерпением (Дост.)

Понял? (Булг.)

Потом отозвал в сторону Федору и под каким-то странным предлогом хотел дать ей сколько-то денег (Дост.)

Не можешь сказать принесли-с (Дост.)

Буду продолжать писать, работать над обоей (Бунин)

Хочет о чем-то поведать миру (Чех.)

Мы видим, таким образом, что в нашей системе оказались представлены в качестве вариантов одного типа структуры, которые обычно трактуются либо как "полные" и "неполные", либо как двусоставные и односоставные (определенно-личные). Выделение указанных предложений в особый тип как односоставных не соответствует очевидной близости, взаимозаменяемости структур с личным местоимением и без него, на что имеются указания и в работах, где такое выделение производится¹. К тому же неясно при этом, почему предложения с глагольным сказуемым рассматриваются как полные односоставные, а совершенно параллельные им предложения с именным сказуемым — как неполные двусоставные.

¹ См., например, "Современный русский язык", ч. II, МГУ, 1964, стр. 397.

Точно так же невозможно согласиться с обычно проводимым разделом между собственно определенно-личными (односоставными) и неполными (двусоставными) предложениями. К первым обычно относят предложения со сказуемым в форме 1-го и 2-го лица настоящего времени и повелительного наклонения, ко вторым — предложения со всеми остальными глагольными формами (третьего лица, прошедшего времени и сослагательного наклонения). Главным основанием служит при этом то обстоятельство, что формы первого и второго лица глагола сами исчерпывающе определяют субъект действия — последний может быть выражен только определенной формой личного местоимения. В то же время во всех остальных случаях позиция субъекта действия может быть замещена любым существительным, а следовательно, само по себе такое предложение оказывается недостаточно определенным и потому нуждается в контекстуальном уточнении.

Данная аргументация, однако, основана на недостаточно четком представлении о том, что считать "определенностью" субъекта действия. Если определенность понимать вещественно, как указание на конкретного деятеля, то в этом смысле предложение Иду (равно как и Я иду) не может быть признано определенно-личным: ведь этим я может быть кто (или что) угодно, что доказывается, между прочим, возможностью постановки при подлежащем я (или ты) любого существительного в качестве уточняющего слова — возможностью, которая в некоторых случаях, связанных с обязательным уточнением лица (деловых бумагах, например) превращается в необходимость (Я, Иванов Иван Петрович, обязуюсь...; мы, нижеподписавшиеся, заявляем... и т.п.). Следовательно, утверждение, что форме первого и второго лица соответствует только одна форма местоимения, а форме третьего лица — любое существительное, верно лишь с точки зрения свойств местоимений (местоимение он может быть заменено существительным, а я или ты — не могут), но не с точки зрения свойств предложения, в котором данные местоимения употреблены: в

этом случае субъекту действия для всех данных предложений может соответствовать любое существительное, а следовательно, может возникнуть потребность в контекстуальном уточнении.

Итак, с точки зрения вещественной определенности формы первого и второго лица не имеют никаких преимуществ перед остальными: я и ты ничуть не более определенно (и ничуть не менее нуждается в контекстуальном уточнении), чем он. Поэтому и предложению Иду не может быть с этой точки зрения признано более определенным, чем предложение Идет. По-видимому, речь может идти в данном случае только о грамматической определенности, то есть о том, что субъект действия оказывается определен с точки зрения некоторых грамматических, категориальных параметров. И действительно, хотя у предложения Иду в принципе может быть любой конкретный субъект (уточняемый обычно из контекста или ситуации сообщения), но некоторые грамматические признаки его (первое лицо, единственное число) оказываются однозначно определенными. Но то же самое можно сказать и о предложении Идет, где определенными оказываются те же грамматические параметры (лицо и число). Следовательно, с точки зрения как вещественной, так и грамматической определенности субъекта предложения с глаголом в форме первого-второго и третьего лица обнаруживают тождественные свойства.

Правда, односоставные предложения с глаголом в форме прошедшего времени (сослагательного наклонения) несколько отличаются в этом отношении от рассмотренных примеров. Здесь неопределенным остается лицо субъекта. Но зато включается дополнительно еще один грамматический параметр, отсутствовавший для форм настоящего времени — род. Таким образом, во всех рассматриваемых случаях субъект действия оказывается определенным по двум грамматическим параметрам — лицу и числу или роду и числу. Это позволяет говорить о том, что всем рассмотренным типам

предложений присуща одинаковая степень определенности субъекта, все они с равным основанием могут быть названы определенно-личными. Следовательно, для противопоставления их на "полные" и "неполные" нет оснований. Данные структуры, разобщенные обычно в традиционной классификации, образуют одну парадигму и принадлежат к одной инвариантной единице уровня предложений.

Все рассмотренные нами типы предложений имеют некоторый набор вариантов по субъектным категориям, иначе говоря, все они при своем оформлении предполагают свободный выбор в отношении данных категорий (хотя бы некоторых из них). Следовательно, субъектные категории служат для этих предложений инструментом связи с другими предложениями в тексте.

Поскольку выбор оформления по субъектным категориям здесь является свободным с точки зрения закономерностей внутреннего построения предложения, он должен быть мотивирован какими-либо явлениями вне предложения. Такими явлениями является либо контекст — связь с соседними предложениями, — либо ситуация сообщения. Таким образом, оформление данных предложений с точки зрения параметров, характеризующих грамматический субъект, всегда обусловлено их функциональными связями. Следовательно, грамматическая форма субъекта данных предложений всегда несет информацию о ситуации (контексте, в котором осуществляется сообщение). Когда говорящий произносит предложение он идет, то это предложение содержит информацию о грамматической характеристике субъекта, о котором идет речь в данной ситуации (контексте) сообщения. Поскольку в нашем примере форма третьего лица, единственного числа, мужского рода является лишь одной из альтернативных форм, равным образом репрезентирующих данный тип, данную структурную формулу предложения, сам факт выбора данной формы, а не какой-либо другой, характеризует субъект этого предложения,

является информативным с этой точки зрения.

В этом смысле можно говорить, что грамматический субъект данных предложений является определенным. Эта определенность субъекта ничего общего не имеет с вещественной определенностью — последняя зависит целиком от ситуации, от лексического наполнения предложения, то есть от неграмматических факторов. Поэтому реальный субъект предложения в этом случае может быть весьма неопределенным, либо неизвестным вовсе. Но некоторые его грамматические параметры, как мы видели, всегда оказываются определены.

Категориальное значение определенности субъекта (основанное на формальном показателе — наличии парадигмы по субъектным категориям) лежит в основе данных предложений независимо от их лексического наполнения и контекстуального употребления и сказывается даже тогда, когда реальный субъект неизвестен. Употребив предложение он шумит вне контекста, мы не можем, по одному лишь местоимению он, составить сколько-нибудь определенное представление о субъекте данного предложения. Но некоторые основные параметры данного субъекта (род, число, лицо) нам из этого предложения оказываются известны, и именно это обстоятельство придает предложению значение определенности.

На основании сказанного мы можем объединить выделенные нами структурные разновидности предложений в один большой функциональный класс, который можно назвать — определенно-субъектные предложения. Название "определенно-личные" здесь было бы неудачно, так как субъект данного типа предложений, конечно, вовсе не обязательно является лицом (даже и в том случае, когда он выражен личным местоимением первого и второго лица, то есть в "классическом", традиционно выделяемом случае определенно-личного предложения).

Как видим, описанный функциональный класс предложений реализуется в многочисленных структурах, различающихся

ся с точки зрения внутреннего устройства. В частности, в рамках данного класса могут быть отмечены односоставные и двусоставные структуры. Можно, следовательно, говорить об односоставных и двусоставных определенно-субъектных предложениях. Репрезентация одного функционального класса различными конструктивными типами — явление вполне естественное, поскольку функциональный класс определяется по характеру внешних связей с единицами того же уровня, а не по внутреннему составу. В этом отношении, как и в ряде других, функциональный класс предложений обнаруживает полный параллелизм с функциональными классами слов, которые репрезентируются в единицах различной морфемной структуры.

Мы рассмотрели определенно-субъектные предложения. Очевидно, данный класс должен противопоставляться другому функциональному классу с противоположными свойствами.

В формальном плане данные свойства должны, очевидно, выражаться в отсутствии парадигмы по субъектным категориям. Рассмотрим теперь данный функциональный класс предложений.

2. Неопределенно-субъектные предложения

(P+A₊ -)

К данному классу относятся все так называемые безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения (глагольного типа).

Мы уже говорили о тех трудностях, которые возникают обычно при определении данных видов предложений. Традиционно их определяют исходя из особенностей внутренней структуры (односоставность) и из присущего им значения неопределенности, обобщенности субъекта или безличного значения. Однако апелляция к внутренней структуре предложения без указания на то, какие функциональные свойства она

репрезентирует, не может быть эффективным, поскольку между функциональным и конструктивным типом нет однозначного соответствия. Ссылка же на значение без указания на те формальные признаки, на которых данное значение базируется, также не может быть принята в качестве критерия грамматического описания, поскольку в этом случае анализ значения неизбежно оказывается под влиянием внеграмматических и даже внелингвистических факторов — лексического наполнения предложения, общего смысла контекста и ситуации, в которых происходит сообщение.

Между тем рассматриваемые предложения обладают формальным признаком, на основании которого могут быть четко определены в качестве особого класса, поскольку, с одной стороны, данный признак отражает их функциональные свойства, с другой — служит основой, на которой базируется их общее (категориальное) значение.

Таким признаком (общим для всех перечисленных типов предложения) является отсутствие у них субъектной парадигмы, то есть отсутствие возможности варьирования по субъектным категориям рода, лица и числа.

Действительно, хотя безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения характеризуются определенной формой рода, лица и числа (безличные предложения — формой третьего лица или среднего рода, единственного числа; неопределенно-личные — формой третьего лица множественного числа; обобщенно-личные — формой второго лица единственного числа), однако эта их форма является единственной и не имеет альтернатив, не противопоставляется другим формам рода, лица и числа.

Отсутствие свободного выбора по данным категориям означает, как следствие, что в тексте предложения данного типа не могут быть связаны формально с другими предложениями по данным категориям — их формы рода, лица и числа ни при каких обстоятельствах не могут быть координированы

о соответствующих формах соседних предложений (что и является для нас показателем связей этих предложений). Итак, характеристика предложения данного типа с точки зрения форм рода, лица и числа не зависит от того, в какой именно конкретный текст оно будет включено. Следовательно, те компоненты плана содержания предложения, которые обычно определяются (в известной степени, по крайней мере) данными категориями, для этих предложений нерелевантны: в самом деле, если содержание предложения в значительной степени определяется его окружением в тексте (так же как и значение слова), то релевантные компоненты этого содержания, по-видимому, по крайней мере в некоторых случаях должны изменяться в зависимости от окружения; если же таких изменений никогда не происходит, мы вправе заключить, что данные компоненты не являются релевантными.

Далее, форма предложения определяется не только его окружением в контексте, но и ситуацией сообщения. Однако, поскольку субъектная форма в данном случае не имеет альтернатив, она никак не связана и с ситуацией сообщения.

Таким образом, субъектная форма предложений данного типа, не будучи объектом свободного выбора и не служа инструментом включения предложения в контекст и ситуацию сообщения, тем самым не является информативной. Из данной формы мы не получаем никаких сведений о действительном характере субъекта (с точки зрения грамматических параметров его характеристики), поскольку любой ситуации, любому субъекту соответствует всегда одна и та же субъектная форма. Поэтому данные предложения характеризуются неопределенностью субъекта.

Здесь, однако, имеется в виду (и это необходимо подчеркнуть) лишь неопределенность с точки зрения указанных грамматических параметров — рода, лица и числа — то есть грамматических компонентов характеристики субъекта. Различные необязательные компоненты такой характеристики, по-

являющиеся в том или ином лексическом контексте, могут в значительной степени затуманивать в ряде случаев это противопоставление определенности — неопределенности субъекта. Так, мы уже говорили о том, что слово он (на лексическом уровне) может обозначать в достаточной мере "неопределенный" субъект. Это относится и ко многим (если не ко всем, в определенных положениях) существительным: ср. некто в сером — незнакомец в сером. С другой стороны, и значение субъекта неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений в некоторых конкретных случаях может стать вполне определенным и недвусмысленным, — например, им может быть сам говорящий (ср. Я любил ходить в этот лес. Сядешь, бывало, в тени деревьев, и т.д.). Но речь идет о том, что при этом решающие, обязательные компоненты характеристики субъекта, "отложившиеся" в соответствующих грамматических категориях, остаются неопределенными и не зависят от контекстуальных связей. В любой контекст, о чем и о ком бы ни шла речь, такое предложение включается без корректирования этих характеристик. Это и позволяет говорить о том, что на грамматическом уровне (то есть именно на том, который мы рассматриваем), субъект данного предложения мыслится неопределенно.

Таким образом, неопределенность субъекта в данном случае является категориальным значением рассматриваемого функционального класса предложений. Последние могут быть поэтому названы неопределенно-субъектными предложениями^I. Категориальное значение неопределенно-субъектных предложений (как и категориальное значение определенно-субъектных) может, как мы видели, противоречить их вещественному значению, определяемому лексическим наполнением и контекстом. Однако это не изменяет природы данных предложений и ни-

^I Название "неопределенно-личные" здесь не подходит по той же причине, что и название "определенно-личные" для предыдущего класса: во-первых, субъектом может быть не только лицо, во-вторых, это название традиционно закреплено уже за одной из разновидностей данного типа предложений.

сколько не затрудняет их определения. Неопределенно-субъектным предложением может быть названо всякое предложение, обнаруживающее независимость своей субъектной формы от окружающего контекста и ситуации сообщения, независимо от того, остается ли при этом субъект реально неопределенным или каким-то образом оказывается известен. В последнем случае особое качество неопределенно-субъектных предложений даже еще более подчеркивается, поскольку его форма может противоречить реальному представлению о субъекте. Так, неопределенно-личное предложение К вам пришли не изменяет форму числа независимо от того, идет ли речь об одном человеке или о множестве: уточнение этого обстоятельства в контексте не изменяет формы данного предложения (ср. К вам пришли. - Кто? - Иван Иванович). Аналогично, форма безличного предложения остается неизвестной независимо от того, назван или не назван субъект и какова его грамматическая характеристика. Сравним, например, такие контексты: Это розы. Как пахнут! и Это розы. Как пахнет! В первом случае перед нами определенно-субъектное предложение, форма которого находится в соответствии с характером субъекта, известного из контекста. Во втором - неопределенно-субъектное (безличное) предложение, форма которого не координируется с реальным представлением о субъекте, хотя последний и в этом случае известен из контекста.

Неопределенно-субъектные предложения противопоставляются определенно-субъектным, как два функциональных класса предложений. Противопоставление это носит двойственный характер, вернее, может быть представлено двояко. С одной стороны, неопределенно-субъектные предложения характеризуются чисто отрицательно отсутствием субъектной парадигмы. С этой точки зрения они являются слабым членом данного противопоставления. Но с другой стороны, они могут быть охарактеризованы и положительным образом на основании такого признака, как наличие жесткой закреплённости субъектной формы,

фиксированный характер этой формы. Конечно, если бы данное обстоятельство было обусловлено исключительно морфологическими свойствами составляющих данных предложений или правилами их сочетаемости между собой, оно не могло бы рассматриваться как особое отличительное свойство данных предложений. Однако в том-то и дело (и это важно подчеркнуть), что внутренняя структура неопределенно-субъектных предложений в основной массе случаев сама по себе не накладывает никаких запретов на варьирование субъектной формы. Действительно, ядерную структуру данных предложений образует обычно глагол, нередко в сопровождении местоимения, так что никаких препятствий конструктивного характера к изменению формы рода, лица и числа не наблюдается. Если же это изменение не происходит, и форма неопределенно-субъектного предложения в любой ситуации остается неизменной, то данное явление должно быть расценено как признак собственно предложения как такового, отражающий функциональные свойства последнего.

С точки зрения данного признака неопределенно-субъектные предложения являются сильным членом оппозиции. Таким образом, рассматриваемые два функциональных класса образуют в целом эквиополентную оппозицию, в которой каждый класс характеризуется одним специальным признаком. Вот почему неопределенно-субъектным предложениям, так же как и определенно-субъектным, присуще свое собственное категориальное значение. Мы можем теперь сказать, что у предложений S+ определенность субъекта выражена как их собственное, постоянное свойство, опирающееся на такой признак, как наличие субъектной парадигмы, неопределенность же субъекта специально не выражена (то есть может присутствовать или не присутствовать в различных контекстах). У предложений S-, напротив, неопределенность субъекта выражена как их постоянное свойство, опирающееся на признак фиксированности-субъектной формы, а определенность — не выражена специально (может наличествовать или отсутствовать в различных контекстах).

Поскольку с точки зрения строения субъектной парадигмы неопределенно-субъектные предложения характеризуются чисто отрицательно, в пределах данного класса не существует формальных различий с точки зрения морфологических и синтаксических особенностей — все предложения данного класса обладают в принципе одинаковой парадигмой и одинаковым характером включения в текст. Но в пределах данного класса имеется одно основание разбиения на подклассы, отсутствующее у определенно-субъектных предложений. Этим основанием служит фиксированная субъектная форма. В зависимости от характера последней, можно различать несколько подклассов неопределенно-субъектных предложений. Эти подклассы различаются не только своей формой, но, отчасти, и общим значением, образуя известные варианты неопределенно-субъектного значения, свойственного всему функциональному классу в целом. При этом разновидности категориального значения у различных подклассов, очевидно, определяются свойствами той субъектной формы, в которой каждый из этих подклассов манифестируется. Объясняется это тем, что некоторая субъектная форма, будучи фиксированной, наиболее выпукло проявляет свои свойства, которые не так четко выступают в случае, если она выступает как один из членов парадигматического ряда (у определенно-субъектных предложений). В последнем случае субъектная форма просто несет информацию о грамматических параметрах субъекта. Но когда одна субъектная форма замещает в некотором подклассе неопределенно-субъектных предложений все остальные, оказывается единственно возможным представителем данного типа, она теряет свою информативность относительно характера субъекта, но тем рельефнее обозначаются ее общие семантические свойства. "Отчужденные" от информации о субъекте, они сообщаются предложению в целом как его общее, не зависящее ни от лексического наполнения, ни от условий употребления значение — разновидность и некоторая спецификация общего неопределенно-субъектного значения.

Рассмотрим теперь более подробно подклассы неопределенно-субъектных предложений.

15

Неопределенно-личные предложения

Основу структуры неопределенно-личного предложения класса 2 составляет глагольное сказуемое, ядром которого является глагол в форме третьего лица множественного числа (в прошедшем времени и сослагательном наклонении — множественного числа). Данный подкласс реализуется, во-первых, в односоставных структурах (без подлежащего) с различными видами глагольных сказуемых.

Быть может, его видят теперь где-нибудь на Марсе
или на какой-нибудь звезде Южного Креста (Чех.)

Слава богу, еще не спят! (Бунин)

Вот мне так обещались на днях достать чего-нибудь
почитать (Дост.)

Обычно неопределенно-личные предложения считаются исключительно односоставными. Более того, само значение неопределенности связывается с обязательным отсутствием подлежащего. Мы видели, что в действительности свойства неопределенно-личных предложений (как и всех неопределенно-субъектных) определяются не их словесным составом, а известными особенностями их включения в связный текст. Поэтому нет никаких оснований полагать, что отсутствие подлежащего является непременным условием реализации неопределенно-личных предложений. Если название субъекта такого предложения в окружающем контексте не препятствует выявлению материального значения, то и словесное выражение субъекта в самом предложении, очевидно, не может этому препятствовать.

Действительно, в русском языке легко можно обнаружить двусоставные предложения, ни по особенностям своего функционирования в тексте, ни по своему значению ничем не отличающиеся от односоставных неопределенно-личных предложений. Та-

кова, например, конструкция с личным местоимением третьего лица множественного числа они и глаголом. Будучи употребляемо как подлежащее неопределенно-личного предложения, слово они теряет соотносительность с другими формами личных местоимений. Тем самым двусоставная конструкция сохраняет важнейший формальный признак неопределенно-личного предложения — закрепленность формы третьего лица множественного числа независимо от реальной характеристики субъекта. Вместе с тем, данная конструкция сохраняет неопределенно-личное значение, что проявляется в способности односоставного и двусоставного варианта к взаимной замене. Ср. два варианта: Опять не топят! и Опять они не топят! Оба варианта равным образом не "реагируют" на реальные сведения о субъекте, если таковые содержатся (ср. Опять не топят! — Кто? — Наш источник и Опять они не топят! — Кто? — Наш источник), и обоим в равной степени присуще "неопределенно-личное" значение.

Следовательно, наряду с односоставными структурами полноправными репрезентаторами неопределенно-личного типа предложений могут быть признаны также двусоставные структуры. Отсутствие последних в абсолютном большинстве описаний можно объяснить, очевидно, лишь господствующим предубеждением относительно того, что именно в односоставности конструкции, в отсутствии подлежащего заключается причина особого характера субъекта неопределенно-личных предложений. Между тем, как отсутствие подлежащего само по себе не означает неопределенности субъекта, так и наличие его не снимает неопределенно-личного значения.

В заключение, на базе охарактеризованных формальных признаков, рассмотрим подробнее вопрос о значении неопределенно-личных предложений. Мы уже знаем, что общее значение неопределенности субъекта в данном подклассе известным образом конкретизируется. Эта конкретизация связана с особенностями той субъектной формы, в которой данный подкласс реализуется — формы третьего лица мно-

естественного числа. Форма третьего лица создает характерный эффект отстранения сообщаемого от акта сообщения и его участников — говорящего и слушающего. Это отстранение особенно наглядно выступает именно в тех случаях, когда оно противоречит реальной ситуации, в которой сообщение как раз относится к говорящему или слушающему: С вами не говорят (имеется в виду сам говорящий); Здесь не курят (имеется в виду адресат данного сообщения — слушатель или читатель). В этих случаях сообщение, хотя в действительности непосредственно касается говорящего или адресата сообщения, как бы отвлекается от последних, приобретая "косвенный" характер. Однако эффект отстранения присутствует и тогда, когда речь идет действительно о третьем лице (то есть когда форма лица совпадает с реально выражаемым значением). В этом случае отстранение субъекта заключается в том, что последний осмысливается как неопределенный или неизвестный. Неопределенность, неизвестность субъекта — это форма, в которой особенно подчеркивается отстраненность субъекта от участников коммуникации, его чуждость, посторонность по отношению к последним. Субъект неопределенно-личного предложения — это не просто "он" (не-я и не-ты), а "некто он", подчеркнуто посторонний, подчеркнуто противопоставленный говорящему и его адресату.

Данный эффект сохраняется и тогда, когда имеется в виду вполне конкретное и в действительности известное лицо (примеры мы уже приводили выше), и тогда, когда имеется в виду обобщение (например, в выражениях пословичного характера). Во всех этих случаях говорящий как бы отключается, как субъект сообщения, даже если по смыслу сообщения он также должен быть включен в субъект этого сообщения. Выражение типа Цыплят по осени считают, в силу своего обобщенного характера, конечно, предполагает субъектом и говорящего. Но участие говорящего в этом "действии" выявляется лишь косвенно, постольку, поскольку "все" являются его "производителями". На первом плане здесь именно это "все", "всякий",

"любой", и уже только в силу этого - говорящий и его собеседник. Этим данные предложения решительно отличаются от обобщенно-личных предложений в форме второго лица, которые не предполагают такого отстранения участников акта сообщения. Поэтому присоединение таких предложений, на основании только "обобщенности" их значения, к обобщенно-личным считаем необоснованным. Обобщенность данных предложений носит иной характер, диктуемый прежде всего формой третьего лица¹.

М

Безличные предложения

Формальным признаком безличного предложения данного класса является глагольное сказуемое, в центре которого находится глагол в форме третьего лица, единственного числа или среднего рода (в прошедшем времени и сослагательном наклонении). Данный класс предложений реализуется, прежде всего, в односоставных бесподлежащих структурах с различными видами глагольных сказуемых.

В ходьбе прошло с полчаса (Дост.)

Газом в ум шибануло! (Платонов)

В этот раз смотреть и дожидаться пришлось ему недолго (Дост.)

В составе безличной конструкции могут быть употреблены личные глаголы, но не все, а лишь обозначающие дейст-

¹ Характерно, что все попытки отграничить данные "обобщенные" предложения от собственно неопределенно-личных не имели успеха. Это не удивительно: с точки зрения чисто семантической, неопределенность и обобщенность - явления родственные, и невозможно с достоверностью указать, где кончается "чистая неопределенность" и начинается "неопределенность с оттенком обобщенности". Необходимо помнить, что анализ значения языковых единиц должен производиться на основе их формальных признаков. В данном случае единство формы у всех рассматриваемых предложений обуславливает принципиальное сходство их категориального значения, сохраняемое при всех вариантах, связанных со сферой употребления и конкретной ситуацией.

вие, которое нормально может быть приписано не-лицу. Глаголы, обозначающие специфически "личное" действие, в данном типе предложений невозможны (возможно безличное предложение Стучит, Пахнет, но не ^жчитает, ^жразговаривает и т.п.). С другой стороны, имеется значительная по своему составу группа безличных глаголов, специализированных для употребления только в составе безличных предложений и закрепивших данную особенность употребления в своих морфологических свойствах (отсутствие спряжения, несоотносительность форм третьего лица единственного числа и среднего рода с другими формами рода, лица и числа). Интересно, что среди данных слов есть и такие, которые относятся исключительно (или преимущественно) к лицу — думается, знобит, нездоровится, пишется (в выражении мне не пишется) и т.д., тогда как обычные глаголы и своим лексическим значением не должны противоречить идее безличности. Аналогично, косвенный субъект, выражающий лицо, возможен при безличных глаголах (меня знобит, мне не спится), но при личных глаголах в безличной конструкции возможен лишь косвенный субъект, обозначающий не-лицо.

Такое положение является весьма симптоматичным. Дело в том, что, как это ни парадоксально, именно конструкции с безличными глаголами являются "слабыми" представителями данного класса предложений. В самом деле, поскольку безличный глагол сам, в силу своих морфологических свойств, лишен субъектной парадигмы, данная особенность, составляющая основной признак неопределенно-субъектной структуры, в этом случае оказывается обусловленной чисто конструктивно, тогда как в случае использования личного глагола выявляется функционально, через определенный характер связи с другими предложениями. В результате фиксированный характер субъектной формы перестает быть свойством самого безличного предложения, как такового, автоматически вытекая из характера его составляющих. Тем самым данные предложения лишаются своего собственного положительного признака и про-

тивопоставляются определенно-субъектным предложениям чисто негативно. Поэтому и с точки зрения значения они могут быть охарактеризованы лишь отрицательно — как не дающие определения субъекта. Их собственное значение, позитивная "идея" (безличность) в этом случае оказывается выражена не так ярко.

Выявившиеся две разновидности глагольных безличных предложений различаются не только в отношении морфологических свойств глагола и выражаемого значения, но и с точки зрения отношения к двусоставному варианту. Конструкции с безличными глаголами не имеют двусоставных соответствий, они принципиально односоставны. Данное обстоятельство обусловлено особенностями валентности безличных глаголов, не допускающих сочетания с именительным падежом.

Однако из этого не вытекает еще с необходимостью, что и все безличные предложения могут реализоваться только в односоставных структурах. Ведь валентность безличных глаголов, обусловившая односоставность соответствующих предложений, не имеет прямого отношения к свойствам безличных предложений как таковых. И поскольку этим свойствам не противоречит использование обычных личных глаголов, естественно предположить, что в этом случае возможна также и постановка подлежащего, в соответствии с нормальной валентностью данных глаголов, без нарушения характера безличного предложения.

Действительно, подобно уже рассмотренному случаю с неопределенно-личными предложениями, в русском языке обнаруживаются также двусоставные структуры, функциональные особенности и значение которых оказывается совершенно параллельно односоставным безличным предложениям. В роли подлежащего такого предложения выступает местоименное слово, форма которого соответствует форме глагола в безличном употреблении — то есть форме третьего лица среднего рода единственного числа. Таковы слова все, оно, это.

Это меня восхищает больше всего (Бунин).

Это так не идет к вам! (Чех.).

Все во мне требовало чего-то отчаянно-ловкого (Бунин)
Все стояло, все молчало, все выжидало; немного поближе зашептало, немного подальше захохотало (Дост.)

В последнем примере особенно ясно виден абсолютный параллелизм односоставных и двусоставных безличных конструкций.

Таким образом, тезис об обязательной односоставности безличных предложений (представляемой в большинстве работ в качестве их основного признака), как и в случае с неопределенно-личными предложениями, не находит подтверждения. Безличные предложения, как особый морфологический (с точки зрения уровня предложения) класс конституирует не их односоставность, а особая структура парадигмы и определенная субъектная форма, в которой оказываются фиксированы члены его ядерной структуры.

Эта фиксированная субъектная форма никак не "реагирует" на окружающий контекст и на ситуацию сообщения, оставаясь неизменной при любом реальном значении субъекта. Например, субъектная форма безличного предложения остается неизменной, если субъект действия обозначен в самом предложении в качестве косвенного субъекта: форма косвенного субъекта никак не влияет на форму безличной конструкции (ср. ветром унесло лодку - течением унесло лодку - ветрами унесло лодку и т.д.).

Во всех этих случаях известность субъекта не только не изменяет характера безличного предложения, но даже еще более подчеркивает эффект безличности, как всегда, когда категориальное значение "пробивается" через противоречащее ему вещественное значение.

Говоря о значении безличного предложения, следует различать две разновидности этого типа - конструкции с безличным глаголом (их можно назвать - собственно-безличные предложения) и конструкции с личным глаголом, употребленным безлично (функционально-безличные предложения). При общем сходстве в рамках одного типа, эти разновидности обладают некоторыми специфическими свойствами как формальными, так и

семантическими.

Рассмотрим сначала функционально-безличные предложения. Мы уже говорили о том, что с точки зрения свойств самого предложения (а не словосочетательной модели в составе предложения) именно они являются сильным подклассом безличного типа, поскольку у них безличность никак не выражена специально особыми словесными формами, а вытекает целиком из характера использования предложения. Этим обусловлено и наличие у функционально-безличного предложения собственного категориального значения. Последнее представляет собой спецификацию общего значения неопределенно-субъектных предложений в соответствии с характером той фиксированной субъектной формы, которая манифестирует данную разновидность этих предложений.

Какие же семантические свойства вытекают из репрезентации безличных предложений формами третьего лица (среднего рода) единственного числа?

По-видимому, основным показателем безличности следует считать фиксированную форму среднего рода. Действительно, эта форма четко отличает безличные предложения от всех остальных видов неопределенно-субъектных предложений.

Итак, субъект, характеризуемый средним родом — это прежде всего не-лицо^I, а следовательно, и не деятель, не агент в полном смысле этого слова, поскольку подлинным агентом может быть именно лицо. Если мы используем в качестве агента название предмета, а не лица, то такое употребление содержит в себе известную долю персонификации, не замечаемой обычно, по-видимому, лишь в силу широкой распространенности подобного рода конструкций. Действительно, осмысление не-лица в качестве деятеля возможно лишь в случае, если называется некоторый конкретный неодушевленный

^I Не случайно единственное слово среднего рода, обозначающее лицо — дитя — практически вышло из употребления в современном языке.

субъект. Использование в этой роли местоименного слова со значением неопределенности (нечто, что-то и т.д.), исключая возможность персонификации, сразу придает сообщаемому действию оттенок стихийности (нечто стучит), то есть делает его по значению сходным с безличным предложением.

Таким образом, функционально-безличное предложение своей формой устраняет возможность осмысления субъекта как лица и в то же время не называет никакого конкретного субъекта, который мог бы быть персонифицирован. Отсюда — значение безагентности, стихийности совершаемого действия. Действие осмысляется как стихийный процесс, который происходит "сам по себе", без движущего его деятеля. Даже в том случае, если субъект назван (косвенный субъект), он осмыляется совершенно по-иному, чем прямой субъект в других типах предложений. Поскольку участие лица (как собственно лица, так и персонифицированного предмета) в качестве субъекта исключается, косвенный субъект осмыляется не как агент, а как орудие действия^I. Смысл предложения ветром унесло лодку (в отличие от ветер унес лодку) сводится к сообщению — 'лодку унесло (стихийно) при помощи ветра'.

В этом смысле обнаруживается известное родство между безличными и неопределенно-личными предложениями. В сущности, описанный нами эффект есть эффект отстранения субъекта, но отстранения более радикального, чем у неопределенно-личного предложения: отстраняются в качестве субъекта не только участники акта сообщения, но и всякое лицо (включая и предметы, персонифицируемые в качестве производителей действия), в результате чего действию сообщается стихийный характер. В случае с неопределенно-личными предложениями, действие исходит откуда-то "со стороны" (не от непосредственных участников акта коммуникации), его источник остается неопределенным, но, во всяком случае, остается известным, что такой источник (агент) имеется. В случае без-

^I Не случайно форма косвенного субъекта функционально-безличных предложений — творительный падеж с характерным "орудийным" значением.

личного предложения действие также исходит от каких-то внешних сил (по отношению к участникам акта коммуникации), причем эти силы имеют стихийный характер. В неопределенно-личном предложении мы не желаем уточнять, кто совершает действие (или не знаем этого), для нас достаточно знать, что источник действия — это "некто" третий по отношению к говорящему и адресату. В случае с безличным предложением такое уточнение в принципе признается невозможным.

Все сказанное до сих пор относится целиком к функционально-безличным предложениям. Для собственно-безличных предложений картина оказывается сходной, но все же несколько иной.

Мы уже отмечали, что собственно-безличные предложения представляют собой слабый (немаркированный) подкласс, в котором безличность не выражена свойствами самого предложения как такового, а автоматически вытекает из особенностей его внутренней структуры. Тем самым эти предложения лишены собственных признаков, а представляют собой лишь немаркированные члены оппозиции с определенно-субъектными предложениями; это — определенно-субъектные предложения со знаком минус. Признаком определенно-субъектного предложения является выраженность субъекта, информация о субъекте, содержащаяся в самом предложении, в его субъектной форме. Собственно безличные предложения, соответственно, характеризуются невыраженностью субъекта, отсутствием какого-либо его определения. Здесь нет того активного отстранения субъекта, которое мы наблюдаем у маркированных подклассов неопределенно-субъектных предложений. Вопрос о субъекте собственно-безличного предложения просто снимается, субъект представляется в данном предложении несуществующим. Фактически собственно-безличные предложения обозначают не действие (стихийно совершаемое, как в случае с функционально-безличным предложением), а состояние, которое не имеет

производителя, субъекта, а может иметь лишь объект. Действительно, то, что обычно называют косвенным субъектом собственно-безличных предложений, имеет, в сущности, совершенно иное значение, чем косвенный субъект функционально-безличных предложений. В последних косвенный субъект — это отстраненный субъект, деперсонифицированный и представляемый поэтому не в качестве производителя, а в качестве орудия стихийно совершаемого действия. В собственно-безличном предложении не присутствует значение отстранения и деперсонификации косвенного субъекта, напротив, последний чаще всего оказывается лицом. Это лицо представляется в качестве объекта, испытывающего состояние, выраженное безличным глаголом. Следовательно, перед нами вовсе не субъект (хотя бы и косвенный), а объект. Различие в смысле предложений Я чувствую озноб и Меня знобит состоит именно в том, что в первом случае человек сам является для себя источником данного состояния, оно поступает к нему через посредство его собственной "деятельности", состоящей в осознании, чувствовании этого состояния (в этом смысле предложения я чувствую озноб и я преодолеваю озноб, в сущности, одного порядка). Во втором случае состояние характеризует говорящего помимо его активного участия, стихийно. Это значение стихийности объединяет собственно-безличные предложения с функционально-безличными, однако имеет специфический оттенок: косвенный субъект функционально-безличного предложения представляет собой орудие стихийно совершающегося действия, косвенный субъект собственно-безличного предложения является объектом стихийно проявляющегося состояния. Характерно, что в последнем случае косвенный субъект выступает всегда в форме дательного или винительного падежа, то есть падежей, характеризующихся направленностью на них дей-

ствия.

Исходя из всего сказанного, следует признать, что понятие косвенного субъекта в действительном смысле этого слова применимо лишь к функционально-безличному предложению. То, что традиционно называется косвенным субъектом собственно-безличных предложений, в сущности является объектом. Субъект здесь вообще не присутствует, хотя бы и в отстраненном виде. Характерно, что вопрос субъекта — кто? или что? — возможен по отношению к функционально-безличному предложению (особенно, если агент не обозначен в виде косвенного субъекта), причем ни сам вопрос, ни ответ на него не устраняют значение безличности. Ср.: В лесу стучало. — Что же это было? — Ветер. Но к собственно-безличному предложению такой вопрос в принципе невозможен.

Исходя из сказанного, можно заключить, что название — "безличные предложения" подходит, в сущности, только для функциональных безличных предложений. Собственно-безличные предложения не соответствуют данному названию, поскольку речь здесь вовсе не идет об устранении лица. Их правильнее было бы назвать бессубъектными предложениями. Таким образом, бессубъектные предложения — это особая немаркированная разновидность неопределенно-субъектных предложений.

15. Обобщенно-личные (апеллятивные) предложения

Характерной приметой обобщенно-личного предложения является фиксированный с точки зрения субъектных категорий характер главных членов в форме второго лица, обычно единственного (реже множественного) числа. Данный тип реализуется прежде всего, как и другие типы неопределенно-субъектных структур, односоставной конструкцией без подлежащего и с различными разновидностями глагольного сказуемого.

Иной раз, особенно в сумерки, сидишь себе одна-однашенька (Дост.)

Час едешь, два стоишь (Булг.)

Так же как и другие виды неопределенно-субъектных предложений, обобщенно-личное предложение выступает в постоянной субъектной форме независимо от того, известен ли субъект и соответствуют ли требования, вытекающие из ситуации, данной форме. Так, действие, обозначаемое в обобщенно-личном предложении, может относиться к первому лицу:

Некогда скучать. Разве по утрам иногда поезда ждешь:
вот-вот загудит (Пауст.)

В некоторых контекстах обобщенно-личное предложение может относиться к третьему лицу:

Лепел: Это Клец что ли? Чего он? Бежит, как ошпаренный...

Лука. Побежишь, если эдак... к сердцу подступит
(Горьк.)

Эта неинформативность субъектной формы относительно реального характера субъекта составляет характерную примету обобщенно-личного предложения, как одного из разрядов неопределенно-субъектного функционального класса.

Правда, обобщенно-личные предложения возможны с глагольными формами как в единственном, так и (изредка) во множественном числе. Однако изменение формы числа не является в данном случае (как и в ряде неопределенно-личных предложений) зависящим от контекстуальных связей, поскольку не несет реального изменения понятия о лице, которое в данном случае сохраняется неизменным, и, следовательно, не может зависеть от характера представления о лице в предшествующих предложениях.

Форма множественного числа в обобщенно-личном предложении противопоставлена форме единственного числа не грамматически, а стилистически: это вариант, связанный не с информацией о множестве лиц, а лишь с вежливым обращением к собеседнику. Форма множественного числа в обобщенно-личном предложении всегда связана с формулой вежливости, и в этом смысле так же неинформативна в отношении числа субъ-

екта, как и форма единственного числа. Она может быть употреблена в ситуации, предполагающей любую реальную характеристику субъекта.

Мы уже не раз имели возможность убедиться, что количество членов предложения (состав) не оказывает влияния на функциональные свойства предложения, так что большинство выделенных нами до сих пор классов манифестировалось двумя структурными разновидностями — односоставной и двусоставной.

Не составляют в этом отношении исключения и обобщенно-личные предложения — они тоже, наряду с односоставными структурами, имеют в качестве репрезентаторов двусоставные с подлежащим. Более того, двусоставные обобщенно-личные предложения распространены весьма широко и, пожалуй, являются наиболее продуктивными среди всех двусоставных неопределенно-субъектных предложений. Они встречаются в речи настолько часто, что все без исключения более или менее полные описания обобщенно-личных предложений содержат упоминание об этой структурной разновидности^I.

В роли подлежащего обобщенно-личного предложения выступает личное местоимение второго лица ты. Так же как и глагольное сказуемое, подлежащее в этом случае оказывается несоотносительно с другими формами рода, лица и числа и не несет поэтому никакой информации о реальном характере субъекта. Поэтому двусоставность несколько не изменяет функциональную характеристику предложения.

Наконец, так же как и в односоставной разновидности, двусоставный вариант возможен в форме множественного числа. В этом случае в роли подлежащего выступает местоимение вы. Соотношение подлежащих ты и вы в обобщенно-личном предложении имеет точно такой же характер, как соотношение гла-

^I См., в частности, "Грамматика русского языка"..., т. II, ч. 2, стр. II. В этом случае остается, однако, необъясненным существование данного феномена, поскольку традиционная теория видит причину особого характера неопределенно-субъектных предложений в их односоставности.

гольных форм единственного и множественного числа в одно-
составном варианте: форма вы относится к ты не как множест-
венное число к единственному, но всегда только как вариант,
связанный с формулой вежливого обращения. Это позволяет счи-
тать структуры с подлежащим ты и вы различными разновидностями
обобщенно-личного предложения, а не членами одной парадигмы.

При анализе общего значения обобщенно-личного предло-
жения следует исходить из основной формальной приметы дан-
ного типа — формы второго лица.

Основной особенностью последней является ее апеллятив-
ный характер. Форма второго лица — это форма обращения гово-
рящего к адресату. Это свойство и определяет основную особен-
ность обобщенно-личного предложения. Обобщенно-личные предло-
жения — это предложения апеллятивного характера. Говорящий
апеллирует к адресату, как к субъекту действия. Но сам ад-
ресат здесь оказывается неопределенным. Это — не обязатель-
но собеседник, участник акта коммуникации, поскольку форма
второго лица в данном случае неинформативна: она может от-
носиться в принципе к любому лицу. Здесь апеллятивность на-
кладывается на общее свойство неопределенно-субъектных пред-
ложений — отсутствие информации относительно грамматических
параметров субъекта. В результате адресатом, к которому апел-
лирует обобщенно-личное предложение, как к своему субъекту,
оказывается вовсе не обязательно непосредственный адресат
сообщения, а всякий, любой субъект. Тем самым субъект обоб-
щенно-личного предложения принимает обобщенный характер.
Сообщаемое как бы апеллирует к каждому, как к потенциаль-
ному субъекту сообщения. Говорящий, используя обобщенно-лич-
ное предложение, включает в сферу сообщаемого каждого, в том
числе и самого себя, и собеседника, и всякое третье лицо. Он
как бы говорит: "Это действие совершаем обычно (или, во вся-
ком случае, можем совершить) и я, и вы, и каждый".

Даже в тех случаях, когда из контекста очевиден вполне
конкретный субъект, категориальное значение обобщенно-лич-
ного предложения проступает сквозь его вещественное значе-

ние (и даже вопреки последнему), окрашивая определенным образом вещественный субъект, а именно, придавая ему характерную апеллативность, "сострадательность". Так, если действие относится к первому лицу (Я люблю удить рыбу. Бывало, сидишь и думаешь..., и т.д.), действия говорящего приобретают обобщенный, "внеличный" характер. Говорящий как бы не просто сообщает о своих действиях, но апеллирует к своим адресатам (причем не только к действительным - второму лицу, но и потенциальным - третьему лицу): "Вам это тоже свойственно, не правда ли?" Апеллативность сохраняется даже в том случае, если действие характеризует "отстраненное" третье лицо. В этом случае отстраненность третьего лица снимается, говорящий как бы делает себя и собеседника потенциальными соучастниками сообщаемого действия: "И я, и вы поступили бы точно так же на его месте".

Здесь проходит глубокая грань между обобщенно-личными предложениями и неопределенно-личными, имеющими обобщенное значение: обобщенность в этих случаях достигается совершенно различными, можно сказать, диаметрально противоположными путями. У неопределенно-личных предложений, в силу их отстраненного характера, на первом плане - третье лицо, "некто", внешний по отношению к участникам акта коммуникации, всячески подчеркивается эта его "посторонность" и потому неопределенность, неизвестность для говорящего и его собеседника. Если в высказываниях обобщенного характера этот "некто" приобретает значение "всякий", то говорящий и адресат включаются в понятие субъекта сообщения опосредованно, через осознание своей включенности в объем понятия "всякий": "Это свойственно всякому, следовательно, и нам с вами". У обобщенно-личных предложений на первом плане, напротив, участники акта коммуникации - говорящий и слушатель, но в сферу сообщаемого оказывается вовлечен и каждый, любой путем снятия этой его отстраненности, "чуждости", включения его в акт коммуникации в качестве потенциального участника, потен-

циального адресата: "Это свойственно каждому так же, как и нам с вами" ¹.

Эти соображения еще раз призваны подчеркнуть, что отождествление предложений типа Цыплят по осени считают с обобщенно-личными исключительно в силу их обобщенного значения совершенно неправомерно. В связи с этим, неудачным представляется название "обобщенно-личные предложения", во-первых, потому, что обобщенность не является их главным признаком, а лишь производным, вытекающим из их апеллятивного характера; во-вторых, потому, что обобщенность может быть свойством не только данного класса предложений, и представление обобщенности в качестве основной приметы создает опасность неправомерного расширения границ этого класса. Чтобы избежать этого, необходимо уточнение в каждом случае, какой характер имеет обобщенность, в силу чего она достигается. Поэтому название "обобщенно-личные предложения" не характеризует достаточно ясно определенный класс предложений. Мы предлагаем назвать описанный здесь класс обобщенно-апеллятивными предложениями.

---

¹ Для того чтобы наглядно показать разницу в показе обобщенности у неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, полезно трансформировать некоторые пословичные выражения и проследить, как при этом изменится их смысл. Представим себе, например, пословицу Цыплят по осени считают преобразованной в обобщенно-личное предложение: Цыплят (ведь) по осени считаешь. Обобщенность при этом сохраняется, но совершенно изменяется отношение действия к участникам акта коммуникации. В первом случае они в качестве субъекта совершенно растворяются в понятии "всякий, каждый", воспринимается "в последнюю очередь", на фоне данного понятия: "мы, как все". Во втором, напротив, они оказываются на первом плане, как первые производители данного действия, которое свойственно и всем остальным": "все, как мы".

Наряду с описанными типами, в русском языке можно отметить еще один тип неопределенно-субъектных предложений, иногда отождествляемый с обобщенно-личными. Рассмотрим данный последний тип.

Инклзивные предложения

Характерным признаком данных предложений является форма первого лица множественного (реже единственного) числа. Однако особенность их по сравнению со всеми остальными классами неопределенно-субъектных предложений состоит в том, что данная форма не является строго фиксированной. В принципе здесь возможно варьирование форм лица, числа и рода, причем варьирование, происходящее под влиянием контекста и ситуации сообщения.

Тем самым оказывается невозможным говорить о данных предложениях как о полноправной разновидности неопределенно-субъектного функционального класса, поскольку отсутствует основной формальный признак данного класса — фиксированный характер и независимость от контекста субъектной формы. Однако это не означает также, что здесь мы имеем дело с обычным определенно-субъектным предложением. По сравнению с последними в данном случае также имеется одна существенная особенность, состоящая в том, что хотя в принципе возможно различное оформление с точки зрения субъектных категорий и налицо таким образом субъектная парадигма, но одна из форм явно предпочитается перед всеми остальными — именно форма первого лица. Данный вариант преобладает по употребительности, причем это происходит за счет того, что его употребление возможно вместо любого другого варианта. Таким образом, форма первого лица может употребляться безотносительно к ситуации, применительно к любому реальному субъекту, то есть так, как это свойственно неопределенно-субъектному предложению, но эта фиксированность формы не является обязательной, воз-

можно (хотя и необязательно) ее замена другой субъектной формой, соответствующей ситуации сообщения.

Следовательно, перед нами переходное явление между определенно-субъектным и неопределенно-субъектным классом, или, вернее, неотстоявшийся окончательно, "слабый" вид неопределенно-субъектных предложений. То, что у сильных подклассов выражено как четкая закономерность и даже в некоторых случаях закреплено в морфологических и синтаксических свойствах слов, составляющих структуру фразы, в данном случае проявляется лишь как некоторая тенденция, как возможность, не ставшая еще необходимостью.

В принципе это не означает, конечно, что инклюзивные предложения представляют собой развивавшийся тип: говоря о том, что они не до конца определились в своих функциональных свойствах, мы имеем в виду прежде всего чисто синхронный план этого явления - наличие в современном русском языке слабого подкласса неопределенно-субъектных предложений, обладающего недостаточно четко выраженными свойствами данного функционального класса. Однако некоторые соображения позволяют предполагать, что в настоящее время в языке действительно совершается развитие данного типа. Приметы данного процесса заключаются во все более широком употреблении инклюзивных предложений в различных стилях речи и закреплении их в качестве устойчивых (в некоторых случаях - обязательных) формул, вытесняющих в любой ситуации другие субъектные формы. В частности, широкое распространение инклюзивная форма получила в формулах общения с клиентом. Если и прежде широко была известна формула - вопрос врача: "Как мы себя чувствуем?" - то в настоящее время широкое распространение получили многие аналогичные формулы обращения: "Как будем стричься?" (парикмахер клиенту), "Что будем кушать?" (официант посетителю), "Куда поедем?", "Подвезем товарища?" (о попутном пассажире), "Сначала заедем заправимся" (формулы обращения водителя такси к пассажиру).

Можно полагать, что дальнейшее распространение подобных оборотов приведет к устойчивому вытеснению "инклюдивной" формой первого лица всех остальных субъектных форм и к окончательному оформлению данного типа неопределенно-субъектных предложений.

Говоря о значении инклюдивных предложений, следует помнить, что мы имеем дело со слабым типом неопределенно-субъектных предложений. Поскольку его субъектная форма не является строго фиксированной и допускает альтернативы, она не может оказывать такого определяющего влияния на характер инклюдивных предложений, как субъектная форма других, "сильных" классов неопределенно-субъектных предложений. В связи с этим категориальное значение инклюдивных предложений, так же как и его формальные признаки, выглядит не вполне определенным.

Тем не менее и здесь в принципе значение типа определяется репрезентирующей его формой. Форма первого лица множественного числа создает представление о множестве, в которое оказывается включен говорящий. Этот эффект инклюдивности, приобщения говорящего к сообщаемому составляет, по-видимому, наиболее характерную черту значения инклюдивных предложений, что и побудило нас дать этому типу соответствующее наименование.

Эффект инклюдивности наблюдается и тогда, когда реально, по смыслу ситуации, говорящий не является субъектом действия (ср. фразы вроде "Как мы себя чувствуем?") В этом случае говорящий как бы представляет себя соучастником действия. В том же случае, когда говорящий реально является производителем действия, его роль также представляется в виде включения в общее действие, соучастия, даже тогда, когда говорящий является, в сущности, единственным подлинным деятелем ("Поедем заправимся").

Данное осмысление лежит в основе обобщенного значения, свойственного инклюдивным предложениям в не меньшей мере, чем апеллятивным; источником обобщения служит включенность говорящего в тесную группу, составляющую субъект ("мы").

Однако в данном случае эффект обобщения создается иным путем и имеет специфический оттенок по сравнению с апеллятивными и некоторыми неопределенно-личными предложениями. Можно сказать, что в этом отношении инклюзивный тип занимает как бы промежуточное положение, обладая чертами, частично сходными как с апеллятивными, так и с неопределенно-личными предложениями (которые представляют собой с этой точки зрения полярные случаи). С одной стороны, инклюзивные предложения сближает с апеллятивными отсутствие эффекта отстранения, создание особого оттенка "приобщенности" (сохраняемого даже тогда, когда реально сообщение относится к третьему лицу). Но, с другой стороны, это приобщение говорящего к сообщаемому действию осуществляется в направлении, противоположном тому, которое характерно для апеллятивного предложения. В последнем говорящий - сам первый субъект, первый производитель действия, к которому оказываются приобщены и все остальные. В инклюзивном же предложении говорящий, напротив, приобщается к действию, совершаемому этими "остальными". Направление данного процесса здесь не центростремительное, а центробежное - не апелляция, а инклюзия. В этом отношении инклюзивные предложения объединяются с неопределенно-личными, отличаясь, однако, от последних прямым приобщением говорящего к действию (а не только косвенным, через понятие "каждый", "всякий"), отсутствием эффекта чуждости, отстраненности субъекта по отношению к говорящему. В неопределенно-личном предложении говорящий представляется не-участником действия, он отстранен от действия (даже тогда, когда реально действие производится именно говорящим). В отличие от этого, в инклюзивном предложении говорящий представляется участником действия, но не прямым, не "первым", а лишь "соучастником", тогда как в обобщенно-апеллятивном предложении, напротив, "всякий", "каждый" представляется "соучастником" говорящего.

3 - 4. Бытийные предложения (Р + А -)

Мы рассмотрели оппозицию двух функциональных классов предложений. Однако легко видеть, что в отношениях данных классов существуют не только дифференциальные признаки, по которым они различаются, но и ряд общих явлений, которые служат основанием их противопоставления. Такими общими признаками, отличающими как определенно-субъектные, так и неопределенно-субъектные предложения рассмотренных типов, является наличие парадигмы по категориям наклонения, времени и вида.

Естественно поэтому предположить, что существуют некоторые классы предложений, которые противопоставляются уже изученному нами участку морфологической системы предложений (в целом) по данным признакам. И действительно, в русском языке имеются предложения, не обладающие парадигмой по категориям наклонения, времени или вида. В связи с этим рассмотрим теперь оппозиции, возникающие на основании признака наличия или отсутствия парадигмы по категориям вида.

В этом плане могут быть выделены некоторые классы предложений, не обладающих видовой парадигмой и по этому признаку противопоставляемые двум первым классам. Общая для всех этих предложений характеристика будет выглядеть как Р + А -. Что касается субъектной парадигмы, то в принципе она, очевидно, может иметь те же характеристики, что у рассмотренных классов, в связи с чем можно ожидать в принципе наличия в языке еще двух функциональных классов предложений, которые между собой противопоставляются по структуре субъектной парадигмы (совершенно так же, как классы 1 - 2), а все вместе противопоставляются классам 1 - 2 с точки зрения видовой парадигмы.

Наиболее очевидной структурной реализацией данного противопоставления является соотношение предложений с глагольным сказуемым, с одной стороны, и со связочным сказуемым - с другой. Подавляющее большинство рассматривавшихся нами до сих пор структур имели в своем составе различные виды

глагольного сказуемого. Очевидно, такие же или близкие структуры с различными видами связочного сказуемого, не имеющие видовой парадигмы (поскольку она отсутствует у связки), должны образовывать интересующую нас группу.

В описываемом противопоставлении глагольные структуры выполняют роль маркированного члена, поскольку они являются носителями положительного признака — парадигмы по категориям вида. С другой стороны, связочные структуры не могут быть охарактеризованы некоторым положительным признаком в данном противопоставлении. Они не обладают видовой парадигмой, но нельзя сказать также, что они обладают фиксированной видовой формой: отсутствие видового варьирования в данном случае выступает не как собственное функциональное свойство предложения, а как качество, обусловленное его конструктивной формой (наличием в составе структуры слова связочного класса, не обладающего видовой формой). Поэтому здесь мы имеем привативную оппозицию, в то время как противопоставление определенно-субъектного и неопределенно-субъектного класса в целом (за исключением немаркированных классов $\bar{S}$ -) было охарактеризовано нами как эквиполентное.

В чем состоит сущность противопоставления предложений по категории вида? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что категория вида характеризует процесс с точки зрения характера его протекания. Поэтому все предложения, имеющие видовую парадигму, содержат некоторое определение (в параметрах соответствующей грамматической категории) процесса. В связи с этим их можно было бы назвать определенно-процессуальными предложениями.

С другой стороны, предложения, не имеющие видовой парадигмы, не несут грамматического определения характера процесса. Однако это не значит, что их, пользуясь аналогией с предыдущим описанием, можно назвать неопределенно-процессуальными. Дело в том, что процессуальная неопределенность (так же как и субъектная неопределенность) — это некоторый положительный признак, который можно было бы противопоставить процес-

суальной определенности только в том случае, если бы мы имели дело с маркированным классом. Поскольку же интересующие нас структуры являются немаркированными, их следует определять, по аналогии с немаркированными подклассами неопределенно-субъектных предложений, как не-процессуальные. Действительно, в этих структурах вопрос о некоем, каком бы то ни было процессе вообще снимается, в результате чего предцирование приобретает характер статуса, состояния.

Мы уже говорили о том, что значение состояния есть не что иное, как значение процесса "со знаком минус", в связи с чем оно появляется у немаркированных подклассов неопределенно-субъектных предложений. Характерно, что и в интересующем нас случае немаркированность ведет к возникновению данного категориального значения (в несколько модифицированном виде).

Дело в том, что в данном случае мы имеем не просто состояние, а такое, которое приписывается некоторому субъекту (определенному или неопределенному), в отличие от бес-субъектных предложений, где состояние не приписывалось некоторому субъекту.

Такое состояние, имеющее субъект (а не только объект), может быть интерпретировано как наличие, бытие. Таким образом, бытие, как и состояние - это также "не-действие", то есть немаркированный противочлен процесса, но в отличие от состояния, это такое "не-действие", такой статус, который является собственным признаком некоторого субъекта, а не приписывается ему, как объекту, извне, стихийно.

В связи с этим мы можем назвать не-процессуальные предложения - бытийными предложениями.

Структуры, в которых реализуются бытийные предложения, оказываются совершенно параллельны структурным типам процессуальных предложений, с той лишь разницей, что на месте глагольного сказуемого в данных структурах мы имеем аналогичные типы связочного сказуемого. Соответственно, образуются два класса бытийных предложений (3 и 4) - определен-

но-субъектные и неопределенно-субъектные бытийные предложения, противопоставляемые определенно-субъектным и неопределенно-субъектным процессуальным предложениям.

Определенно-субъектные бытийные предложения

(P + A - S +)

Они имеют в принципе те же структурные разновидности, что и функциональный класс I. Нет смысла поэтому останавливаться на данном вопросе специально. Обратим внимание лишь на одну особенность данного класса, связанную с нулевой репрезентацией связки в форме настоящего времени. В случае с простым связочным сказуемым данный член парадигмы предложения класса 3 оказывается (с точки зрения материальной репрезентации) односоставным, в отличие от других членов данной парадигмы - двосоставных. Данный случай описывается обычно отдельно в качестве номинативных (односоставных) предложений: Мороз. Утро!, и т.д.) Следует, однако, помнить, что этот случай на уровне структурных отношений может быть интерпретирован как двусоставный (со сказуемым в нулевой форме) и что он включается в одну парадигму с материально двусоставными структурами (Был мороз), поэтому нет никаких оснований описывать его как особый синтаксический тип. В данном случае особенно наглядно проявляется несущественность материального состава предложения с точки зрения функционального определения этой единицы.

Отметим, далее, что односоставная (не только с точки зрения материального выражения, но и в плане структурных отношений) разновидность - без подлежащего, присуща данному классу так же, как и классу I, наряду с двусоставными разновидностями.

Хочешь быть молодцом - так будь джигит, а не мужик (Л. Толст.)

Будь моею женою (Пушк.)

Волен ехать и волен не ехать (Дост.)

Должно быть, нервна в высшей степени (Чех.)
Уж месяц не была (Леонов)

Неопределенно-субъектные бытийные предложения

(P + A - S -) противопоставляется классу 2 как его немаркированный (с точки зрения признака процессуальности) противочлен. В остальном они полностью параллельны неопределенно-субъектным процессуальным предложениям, как с точки зрения характера своего противопоставления определенно-субъектным предложениям, так и с точки зрения наличия тех подклассов, которые образуют данный класс. С предложениями класса 3 (определенно-субъектными бытийными) они образуют эквивалентную оппозицию, формальная и содержательная стороны которой совершенно аналогичны оппозиции соответствующих классов процессуальных предложений.

Из структурных манифестаций данного класса специальный интерес представляют безличные бытийные предложения.

Безличные предложения

Формальным признаком безличных предложений является, как известно, форма третьего лица единственного числа (или среднего рода). Именно эта форма, фиксированная у связки, является отличительным признаком бытийных безличных предложений.

Надо сказать, что бытийные безличные предложения распространены чрезвычайно широко, более широко, чем соответствующие процессуальные предложения. В этом отношении они значительно выделяются среди всех бытийных неопределенно-субъектных предложений, которые в целом по своей распространенности значительно уступают процессуальным.

Но почему же его до сих пор нет? (Булг.)

Нету никакого (Булг.)

Да и было от чего, впрочем (Дост.)

Каких только тут не было причуд, изысканных уродств и издевательств над природой! (Чех.)

Кабинета и окна уже не было (Чех.)

Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да казалось, что и быть не могло в такую пору и в такую погоду (Дост.)

Петрушки же, во-первых, не будет со мной (Дост.)

Прекраснее Малороссии нет страны в мире (Бун.)

Выше вас чина ведь не будет? (Платонов)

Того документально нет! (Платонов)

Особенного-то здесь нет ничего (Дост.)

Параллелизм процессуальных и бытийных безличных предложений проявляется и в том, что последние также имеют особую немаркированную разновидность, репрезентируемую особым классом-присвязочных слов, специализированных по своим морфологическим свойствам и синтаксической сочетаемости для данных целей. Таким классом слов являются предикативы (категория состояния). Надо сказать, что предикативы соотносятся с краткими прилагательными совершенно так же, как безличные глаголы - с личными.

В самом деле, с точки зрения употребительности в безличных конструкциях все глаголы могут быть разделены на три группы:

а) Глаголы, допускающие только личное употребление и способные появиться в безличной конструкции только оказательно: читаю, говорю и т.д.

б) Глаголы, употребляющиеся только в безличных конструкциях, то есть так называемые безличные глаголы - светает, нездоровится и т.д.; такие глаголы имеют только безличную форму (третьего лица, единственного числа настоящего времени или среднего рода, единственного числа прошедшего времени) и лишены полной парадигмы, так как никогда не употребляются в других позициях.

в) Глаголы, способные к употреблению как в личной, так и в безличной конструкции: стучит, пахнет и т.д. В личных

конструкциях у этих слов свободно варьируются формы рода, лица и числа, как у глаголов группы а). В безличных они застывают в форме третьего лица (среднего рода) единственного числа, теряя противопоставление другим формам, то есть уподобляясь глаголам группы б).

Нетрудно заметить, что аналогичная ситуация наблюдается в сфере именных предикативных (то есть употребляющихся преимущественно или исключительно в роли сказуемого) слов. Здесь существуют также три группы:

а) Слова, употребляемые только в составе личных конструкций (и появляющиеся в безличной позиции только окказионально): красен, быстр. Данные слова обладают характерной именной адъективной парадигмой по роду и числу.

б) Слова, употребляющиеся только в безличных конструкциях – безлично-предикативные слова, или предикативы: каль, грех, пора. Эти слова неизменяемы.

в) Слова, допускающие оба вида употребления – грустно, хорошо, тихо. В личной конструкции они обладают парадигмой по роду и числу, как слова группы а), в безличной – застывают в форме среднего рода единственного числа, теряя соотносительность с другими формами рода и числа (то есть уподобляясь неизменяемым словам группы б)).

Чем можно объяснить подобный параллелизм? Известно, что позиция сказуемого ассоциируется с глагольностью, и потому именные слова, закрепляясь в этой позиции, подвергаются "оглаголиванию". Именно так объясняется обычно образование безлично-предикативных слов – своего рода "промежуточной станции" между именем и глаголом. Однако в связи с изложенным выше нам представляется, что данный процесс имеет не одностороннюю, а двустороннюю направленность. Перед нами не движение имени к глаголу, а нейтрализация противопоставления глагола и имени в определенной позиции. Такой позицией не случайно оказывается безличная конструкция, в которой отсутствует противопоставление субъекта и предиката. Данную особенность обычно квалифицируют только как устранение субь-

екта, тогда как и предикат здесь, не апплицируясь к субъекту, теряет фактически свою функцию. Вот почему данная позиция благоприятствует нейтрализации имени и глагола, как морфологических классов, составляющих формальный фундамент оппозиции "субъект - предикат". Попадая в состав безличной конструкции, как имена (прилагательные), так и глаголы утрачивают свою парадигму, то есть свои характерные грамматические категории, а вместе с ними - и свое категориальное значение. При этом нейтрализацией противопоставления категориальных значений "действие - признак" оказывается значение состояния, то есть (согласно общему закону нейтрализации) общая часть, которая наличествует у обоих противопоставляемых членов (действительно, понятие состояния входит как составная часть и в понятие признака, и в понятие действия, процесса) ^I. В самом деле, и глаголы, и имена в безличной конструкции выражают состояние - в противоположность значению действия или признака в личной конструкции.

Первоначально безличная конструкция выступает лишь в роли одной из позиций, в которой нейтрализуется противопоставление, действующее во всех других случаях. Для большинства слов (как имен, так и глаголов) такое положение сохраняется и сейчас. Для этих слов нейтрализация является чисто синтаксическим явлением, она не морфологизована. Вот почему нецелесообразно расширять морфологический класс предикативов, включая в него слова типа хорошо, грустно. Безлично-предикативное употребление этих слов параллельно и аналогично безличному употреблению личных глаголов (которые в принципе продолжают считаться - и справедливо - личными глаголами). Но со временем данное явление закрепляется в языке, отлагается в его формах, и это приводит к образованию морфологических групп слов, которые характеризуются специфическим употреблением в

---

^I В сущности, признак и процесс противопоставляются по характеру их аппликации к субъекту (признак как постоянная, статическая, процесс как переменная, динамическая характеристика субъекта); поэтому с устранением субъекта устраняется и данное противопоставление.

безличной конструкции, нейтрализацией парадигмы (утрата противопоставлений по роду, лицу и числу) и значением состояния, которое становится их категориальным значением. Такие группы выделяются как из сферы имен, так и из сферы глаголов, приводя к образованию предикативов, с одной стороны, и безличных глаголов, с другой.

Таким образом, мы можем выделить два вида безличных бытийных предложений - маркированный, выраженный с помощью фиксированной субъектной формы связки и краткого прилагательного (поскольку фиксированный характер формы последних обусловлен функциональными свойствами предложения), и немаркированный, выражаемый сочетанием связки с предикативом, где безличная форма обусловлена конструктивно (для предикатива - морфологически, для связки - синтаксически - правилами ее сочетаемости с предикативом).

Однако противопоставление данных типов здесь гораздо менее отчетливо в связи с тем, что, в отличие от своего процессуального коррелята, бытийные собственно-безличные предложения могут быть двусоставными так же, как и функционально-безличные: возможны предложения типа Все мне боязно. Это стыдно и т.д. В этом отношении предикативы являются менее четко формально отмеченной группой слов, чем безличные глаголы. С другой стороны, и функционально-безличные бытийные предложения оказываются лишены одного важного формального признака: они допускают в роли косвенного субъекта не только неличные имена, но и названия лиц, и собственно личные местоимения: Человеку грустно. мне ясно и т.д.

Все остальные разновидности данного класса (неопределенно-личные, апеллятивные и инклюзивные) обнаруживают полный параллелизм с классом 2 и в отношении структурной репрезентации, и в отношении характера представления субъекта.

Неопределенно-предикатируемые предложения (Р -)

Описанный до сих пор участок системы является наиболее употребительным в современном русском языке (хотя и тут,

как легко было заметить, употребительность отдельных типов, даже разновидностей одного типа иногда значительно различалась). Мы переходим далее к описанию следующих классов, которые, напротив, несмотря на значительное многообразие манифестирующих их структур, в целом оказываются гораздо менее употребительными и находятся в этом смысле как бы на периферии синтаксической системы.

До сих пор речь шла о классах, имеющих такой важный общий признак, как наличие парадигмы по категории времени и наклонения.

Все последующие структуры оказываются противопоставлены уже изученным сразу по этим двум признакам — характеру категорий времени и наклонения (предикативных категорий). Данные категории оказываются связанными у описываемых ниже типов, в противоположность первым четырем классам, где эти категории неизменно оказывались свободными. По этому признаку (или, вернее, по этим двум признакам) вторая половина нашей модели коррелирует с первой.

В чем же состоит смысл данного противопоставления? Поскольку, как мы выяснили, данные категории относятся исключительно к предикату, их наличие или отсутствие, очевидно, характеризует определенным образом предикат. Эта характеристика совершенно параллельна той, которая возникает при наличии парадигмы по субъектным или процессуальной категориям. А именно, возможность выбора той или иной модально-временной характеристики (при наличии парадигмы) открывает возможность определения предиката в соответствии с ситуацией сообщения. А так как грамматический предикат является центром предложения, то, тем самым, речь идет о включении данного сообщения в целом в определенную ситуацию сообщения, то есть об "актуализации" сообщения.

С другой стороны, отсутствие возможности изменять модально-временную характеристику сообщений в соответствии с потребностями актуализации (в связи с отсутствием парадигмы по категориям времени и наклонения) делает характеристику

предиката (с точки зрения грамматических параметров) неопределенной или даже вовсе отсутствующей. В этом случае форма предложения, как такового, не несет информации о модально-временной отнесенности сообщения, и хотя в принципе данная характеристика может оказаться ясна из контекста, общее значение неопределенности предсказания оказывается присущим такому предложению.

Мы назовем поэтому два типа предложений, противостоящих по данному признаку, определенно-предсказуемыми (для краткости мы будем именовать их просто предсказуемыми) и неопределенно-предсказуемыми. Все изученные нами до сих пор классы предложений принадлежали к определенно-предсказуемым, противопоставляясь между собой по другим дифференциальным признакам. Теперь мы переходим к характеристике неопределенно-предсказуемых предложений.

Структурно данные классы обнаруживают известный параллелизм описанным нами типам I - 4 и могут быть описаны поэтому в сопоставлении с последними. Отличие их от предыдущих состоит в том, что если до сих пор мы рассматривали предложения, в составе которых обязательно находилась глагольная (или связочная) формы, выступавшие в качестве носителей категорий времени и наклонения, то теперь нам предстоит исследовать структуры, в состав которых не входят классы слов, изменяющихся по этим категориям. Такими являются, прежде всего, структуры с инфинитивом в качестве одного из главных членов.

Постановка инфинитива оставляет возможным варьирование формы вида, то есть дает неопределенно-предсказуемые процессуальные предложения (P - A +).

Инфинитивная конструкция в данном употреблении (то есть при условии возможности варьирования видовой формы инфинитива) может иметь разные значения. Чаще всего это - значение приказа:

А вы - стоять на крыльце и ни с места (Гог.)

Нередко также употребление данной конструкции со значе-

нием невозможности, невероятности предполагаемого действия:
Он — убежать?

Что касается способов репрезентации подлежащего, то они совершенно аналогичны тем, которые мы описывали для классов I и 2. В то же время данные классы противопоставляются с описываемым с точки зрения модально-временной парадигмы, что и обуславливает специфику последнего.

Данная специфика состоит, во-первых, в неотнесенности сообщаемого действия к какому-либо времени. Известно, что действие совершается (предложение предсосуальное), следовательно, оно совершается и во времени, но вопрос о временных координатах в предложении данного типа не ставится — они остаются неопределенными и могут принимать любую характеристику. Отсюда — тяготение к модальным характеристикам, не связываемым в русском языке с временными определениями — условным и императивным.

Итак, вопрос о времени совершаемого действия или вовсе не ставится, или остается неопределенным (разумеется, в рамках самого предложения, что вовсе не исключает возможности определения времени действия из контекста). Предложения указанного типа могут появляться в контексте рядом с предложениями, обладающими любой временной характеристикой, не изменяя при этом своей формы. Это отсутствие формальных "механизмов" выделения в некоторую временную ситуацию и обуславливает неопределенность временной характеристики, как категориальное значение описываемых предложений.

С другой стороны, модальная характеристика у данных предложений, как мы видели, имеется, хотя и различная в разных случаях. Объясняется это, видимо, тем, что средства выражения модальности в языке чрезвычайно разнообразны и не ограничиваются грамматическими формами наклонения. В частности, нам приходилось уже говорить о возможности наличия у предложения, помимо формальной, также и актуальной модальности. Если мы рассмотрим перечислявшиеся ранее оттенки модального значения, возможные в рамках данного класса, то убедимся, что

эти оттенки связаны исключительно с наличием определенной интонации, паузы между подлежащим и сказуемым, наконец, с определенным линейным расположением подлежащего и сказуемого, то есть с типичными средствами актуальной грамматики. Итак, модальная характеристика данных предложений создается при помощи средств актуальной грамматики и может быть поэтому признана актуальной модальной характеристикой. С точки же зрения структурной модальности (если отвлечься от оформления предложения средствами актуальной грамматики) модальная характеристика предложения оказывается неопределенной.

С точки зрения субъектной характеристики среди рассматриваемых случаев может быть выделено противопоставление определенно-субъектных и неопределенно-субъектных предложений (P - A + S + и P - A + S -), образующих два функциональных класса - 5 и 6.

Последний класс репрезентируется, в частности, односоставными инфинитивными структурами, имеющими бессубъектный характер. Правда, они могут относиться к тому или иному конкретному лицу, например, ко второму (Молчать!) или к первому (Молчать? Разве это возможно?), и т.д., хотя, впрочем, могут и не относиться ни к какому определенному лицу (Молчать... Это было бы трудно). Но инфинитивные предложения данного типа, несмотря на это, сохраняют значение стихийности, представления действия совершающимся "само по себе", как это свойственно бессубъектным предложениям. Дело в том, что, например, приказ, обращенный ко второму лицу в форме инфинитивного предложения, не представляет данное лицо в качестве агента (в отличие от приказа в императивной форме), отчего приказание оказывается категорическим (ср. Молчать! и Молчите!): приказывающий не допускает и тени возможности, что его приказание не будет выполнено, поскольку выполнение приказа не связывается с личностью, волей и действиями адресата, а представляется совершаемым как бы помимо воли последнего, а лишь через его посредство

(ср. характерную форму косвенного субъекта - дательный падеж - Вам - немедленно отправляться!, представляющую субъект в качестве субъекта-объекта действия, которое он должен выполнять). Отдавая приказ в императивной форме, говорящий как бы имеет в виду: "Я требую, чтобы вы это сделали"; приказ же в форме инфинитивного предложения имеет смысл: "Я требую, чтобы это было сделано" (ср. аналогичный оттенок категоричности, присущий приказаниям, отдаваемым в форме безличного предложения: Чтоб было сделано!).

Аналогичный эффект - действия, не совершаемого субъектом, а как бы "проходящего" через субъект, охватывающего его, как его состояние - возникает и во всех тех случаях, когда действие относится к другому лицу, узнаваемому из контекста.

В частности, если речь идет о самом говорящем, то такое действие воспринимается как совершаемое им помимо своей воли, как охватившее его в качестве некоторого состояния. Наконец, это значение статуса, состояния особенно ярко утверждается тогда, когда действие не приписывается (контекстом) никакому определенному субъекту.

Писать! Вот о крышах, о каловах, о спинах надо писать, а вовсе не затем, чтобы "бороться с произволом и насилием, защищать угнетенных и обездоленных, рисовать широкие картины общественности, современности, ее настроений и течений!" (Бунин)

Мену не волновать, господин Тальберг! (Булг.)

Гораздо большие возможности реализации неопределенно-субъектного типа имеют двусоставные структуры. Здесь фиксированная субъектная форма оказывается выраженной личным местоимением, что дает возможность и квази-императивным и инфинитивным конструкциям участвовать во всех видах неопределенно-субъектных предложений: неопределенно-личном (подлежащее они), безличном (подлежащее - все, оно, это), апеллятивном (подлежащее - ты, вы), инклюзивном (подлежащее - мы, я). Конечно, такие предложения встречаются крайне редко, но в принципе неопределенно-субъектное употребление двусоставных

структур данного типа возможно.

Мы рассмотрели еще один участок нашей системы — неопределенно-предсказуемые процессуальные предложения. Он состоит, так же как и два предыдущих рассмотренных нами участка, из двух взаимно противопоставленных функциональных классов — определенно-субъектных и неопределенно-субъектных предложений, отношение между которыми оказывается вполне пропорционально отношению соответствующих определенно-предсказуемых классов.

Нам осталось рассмотреть последний участок нашей системы — неопределенно-предсказуемые предложения, не обладающие парадигмой по категории вида, то есть процессуальной характеристикой.

Подобно тому, как типы, имеющие в своем составе глагол и связку, соотносятся по категории вида, аналогичные отношения наблюдаем у структур, содержащих, с одной стороны, глагольный инфинитив, с другой стороны — связочный инфинитив. Таким образом, инварианты, которые мы будем описывать, содержат в своем составе, как правило, связочный инфинитив (исключение, как увидим ниже, составляют лишь некоторые предложения-омонимы, имеющие иной морфологический состав, но функционально принадлежащие к описываемым типам). В остальном структура типов 7 — 8 (Р — А —) совершенно аналогична структуре типов 5 — 6 соответственно.

При этом, кроме связочного инфинитива, отглагольной формой, не обладающей категориями наклонения, времени и вида, является междометие. Соединения личного местоимения с междометием, таким образом, составляют еще одну структурную разновидность нашего типа.

Надо сказать, что в данной конструкции особенно легко употребительны так называемые "глагольные междометия" (или "междометная форма глагола", как ее иногда называют) — хлоп, бац, трах и т.п.

Но наряду с этим возможны и собственно междометия, приобретающие в этом случае некоторый "глагольный" (процессуальный) оттенок.

Вся столица

Содрогнулась. А девица -

Хи-хи-хи да ха-ха-ха!

Не боится, знать, греха (Пушк.)

Данная конструкция существенно отличается от омонимичного ей предложения, в котором междометие так же как будто выступает в роли сказуемого:

Ведь предмет просто - фу-фу! Что же он стоит?

Кому нужен? (Гог.)

В этих случаях, однако, междометие в действительности выступает не в роли самостоятельного главного члена предложения, а в качестве зависимой присвязочной части - при нулевой связке. Здесь, таким образом, междометие являет собой одну из разновидностей адвербиализованных форм. Присвязочный, адвербиальный характер междометия в данной позиции обуславливает возможность варьирования у таких предложений форм наклонения и времени (ср.: предмет был просто фу-фу и т.д.). Это варьирование невозможно для конструкции типа Я - хлоп!, поскольку в позиции сказуемого (а не присвязочной части) междометие не сочетается со связкой.

Таким образом, мы обнаружили пару синтаксических омонимов, формально различающихся по строению парадигм; этому формальному различию соответствует и различие в значении: в позиции сказуемого междометие приобретает значение действия (оглаголивается), а в позиции присвязочного члена - значение признака (адвербиализуется). Ср. Он - ой-ой! (тип 7) - в значении 'он кричит', и он - ой-ой! (тип 3) - в значении 'он таков, что ой-ой'. В первом случае нельзя сказать он был ой-ой, он был бы ой-ой, во втором - это вполне возможно.

Неудивительно, что чем сильнее у междометия собственное значение процессуальности, чем ярче оно соотнесено с глаголом, тем труднее образуется с ним предложение типа 3

(наиболее трудно, естественно, с глагольными междометиями - ср. малую естественность высказывания вроде он был - трах!) и обратно, чем ярче у междометия значение признака, тем легче оно адвербиализуется и тем, естественно, труднее мыслить его в предложении типа 7 (ср., например, междометия, образованные от частиц - ну и ну и т.п.).

Наконец, данный класс содержит еще ряд структур, такие внешне напоминающих предложения других типов, но по особенностям своей парадигмы входящих в состав типа 7.

Таковы предложения, состоящие из личных местоимений без связки. Этим они отличаются от соответствующих номинативных предложений (тип 3). Однако последние при нулевой связке внешне совпадают с описываемыми здесь предложениями.

Сюда относятся некоторые из предложений, квалифицируемых обычно как внешне сходные с номинативными - именно так называемый "именительный представления".

Опальному изгнаннику легко

Обдумывать мятеж и заговор,

Но мне ли, мне ль, любимцу государя...

Но смерть ... Но власть... Но бедствия народны... (Пушк.)

Семьсот пятьдесят рублей...

знатная сумма! (Дост.)

Эх, Варенька, Варенька (Дост.)

Умас, умас! (Булг.)

Далее, другой разновидностью являются различные обращения.

Милостивый государь мой, Яков Петрович! (Дост.)

Граждане советские служащие! (Платонов)

Как видим, данный случай омонимии учитывается при традиционном описании, однако омонимы разграничиваются на чисто семантической основе - на том основании, что "именительный представления" не включает в себе "значения бытия, существования, обнаружения называемого предмета или явления". Следует подчеркнуть, что данные предложения различаются

Формально — как по структуре, так и по характеру своих парадигм, и относятся к разным синтаксическим инвариантам, что и находит выражение в различии их семантики.

Внешне сходными с только что описанными являются эллиптические бессказуемые предложения (речь идет, разумеется, о таких, в которых пропуск сказуемого не нарушает самостоятельного характера предложения).

Надо сказать, что ни по своему составу, ни по характеру парадигмы данные предложения не отличаются от предыдущих. Если рассматривать только ядерные структуры, формально разграничить данные предложения, таким образом, не представляется возможным. Однако различие все же имеется. Оно состоит в том, что "именительный представления" может выступать либо изолированно (как ядерная структура), либо допускает только атрибутивное распространение. Напротив, эллиптические структуры не могут быть употреблены изолированно, и обязательно требуют объектного или обстоятельственного (приглагольного) распространителя. Ср. "именительный представления" улица направо..., где распространитель относится к имени непосредственно и имеет атрибутивное значение, и эллиптическое предложение улица — направо! (в значении 'улица свернула направо'), где распространитель имеет обстоятельственное значение и мыслится как приглагольный (хотя фактически глагол и отсутствует).

О том, что в подобном случае распространитель не относится к местоимению, свидетельствует отсутствие согласования в тех случаях, когда оно в принципе было бы возможно (то есть когда распространитель выражен кратким прилагательным) — ср. он серьезно?

И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев
и Петлюру!.. (Булг.)

Ты в Дворянскую? (Бунин)

Я не в том смысле (Чех.)

Наконец, нам осталось рассмотреть последний функциональный класс 8 — соответствующие неопределенно-субъект-

ные предложения (P - A - S -). Они, очевидно, могут быть представлены структурами, совершенно аналогичными тем, которые манифестировали тип 6, с той лишь разницей, что в роли сказуемого в этом случае выступает связочный инфинитив или глагольное междометие. Здесь, во-первых, можно отметить односоставные бессубъектные структуры, во-вторых - двусоставные конструкции с фиксированной субъектной формой. Мы уже знаем, что данные конструкции, в отличие от односоставных, могут манифестировать различные подклассы неопределенно-субъектных предложений, в зависимости от характера подлежащего. Подлежащее может выступать, соответственно, в фиксированной форме второго лица - ты, вы (апеллятивные предложения), первого лица - мы (инклюзивные предложения), третьего лица множественного числа - они (неопределенно-личные предложения), среднего рода - оно, это, все (безличные предложения).

К данному типу относятся также так называемые "слова-предложения", образуемые особой группой неизменяемых модальных слов, несоединимых с другими формальными классами.

Ты веришь в бессмертие людей? - Да, конечно (Чех.)

Нет, нет, Петр! (Дост.)

Ах, боже мой, конечно! (Булг.)

То-то-с (Дост.)

Общая характеристика системы предложений

современного русского языка

Итак, мы полностью построили систему классов предложений, состоящую из восьми инвариантов.

Как видим, эта система в целом конституируется в противопоставлениях инвариантов по шести дифференциальным признакам, которые могут быть распределены по трем различным группам. Это, во-первых, противопоставление по характеру категорий наклонения и времени. По данному признаку первые четыре типа (следуя их нумерации, принятой в данном описании) противополо-

ставляются следующим образом. Таким образом, здесь могут быть выделены четыре пропорциональных корреляции.

Далее, это видовая корреляция, по которой внутри каждой из противопоставленных выше "подсистем" выделяются две оппозиции, так что эти подсистемы в свою очередь оказываются разбиты на два противопоставленных участка системы.

Следующая группа противопоставлений - признаки, характеризующие грамматический субъект: категории лица, рода и числа. По данным признакам в системе образуется также четыре пропорциональных корреляции.

Итак, каждый выделяемый в данной модели инвариант конституируется благодаря своему месту в системе, то есть определенным противопоставлениям другим инвариантам. Поэтому представляется важным наряду с констатацией самого факта парадигматических противопоставлений еще раз остановиться на их содержательной стороне.

Если рассматривать противопоставления инвариантов с этой точки зрения, то они будут выглядеть прежде всего как разные способы, разные типы включения в текст, которыми располагает тот или иной синтаксический инвариант. Действительно, мы уже отмечали, что синтаксическая парадигма некоторого предложения - это не просто сумма некоторых его форм, но одновременно как бы "программа" свертывания данной парадигмы в том или ином контексте, следовательно, синтаксическая парадигма отражает формальные возможности контекстуальных связей предложения. Именно разными возможностями этого рода различаются элементы построенной модели.

С этой точки зрения мы уже подробно показывали (в связи с рассуждением о природе неопределенно-субъектных предложений) содержательную сторону одного из таких различий - а именно, противопоставления по категориям, характеризующим грамматический субъект, то есть категориям рода, лица и числа. Мы видели, что предложения, являющиеся "сильными" с точки зрения этого вида противопоставлений, обладают возможностью представления субъекта как связанного со всем контек-

стом - поскольку грамматическая форма, в которой выражен в предложении субъект, может быть контекстуально обусловленной (благодаря "свертыванию" в контексте парадигмы по категориям, характеризующим субъект). Например, в контексте На дороге появился человек. Он быстро бежал нам навстречу - форма он (мужской род, единственное число, третье лицо) обусловлена контекстом, следовательно, грамматическая характеристика субъекта (он) оказывается формально (не только чисто по смыслу) включенной в данный контекст и с этой точки зрения, - как включенная в некую конкретную внутриязыковую ситуацию, - определенной (конечно, только с точки зрения указанных грамматических характеристик). Это включение отсутствует (остается формально не выраженным) у предложений, не имеющих парадигмы по указанным категориям. Следовательно, для таких предложений субъект оказывается формально не включен в контекст, в конкретную ситуацию в тексте, остается всегда независим, как бы изолирован от нее, и с этой точки зрения его характеристика (в указанных грамматических параметрах) остается неопределенной.

Аналогичные рассуждения помогают выяснить содержательную сторону противопоставлений и по другим дифференциальным признакам. Так, в корреляциях типа I - 5 и т.д., то есть в корреляциях по признаку наклонения-времени, мы имеем дело, с одной стороны, с предложениями, в которых действие (или состояние) оказывается определенным с точки зрения модальности (возможности - действительности - необходимости) и с точки зрения времени - определенными в том смысле, что их модальный и временной план могут оказаться формально включенными в некоторый определенный контекст благодаря тому, что формы наклонения и времени этих предложений могут оказаться контекстуально обусловленными. С другой стороны, перед нами предложения, лишенные возможности формального соотнесения их модального и временного плана с некоторой конкретной ситуацией и с этой точки зрения оставляющие эти характеристики неопределенными.

Подобно тому как "субъектные" противопоставления наиболее ярко выступали в случае синтаксической омонимии (именно в этих случаях, при тождестве состава, особенно наглядно проявлялось функциональное различие предложений), представляется целесообразным и противопоставление по времени-наклонению проиллюстрировать на примере структур-омонимов. Сопоставим номинативные предложения, с одной стороны, и "именительный представления" - с другой (например, типы 3 и 7, Утро. и Утро...). В первом случае, во-первых, налицо утверждение действительности явления, во-вторых, его "наличия", то есть отнесенности к настоящему времени. Во втором - обе эти характеристики отсутствуют.

Все сказанное не значит, что в предложениях типа Он бежать и т.п. модально-временной план остается всегда неясным, равно как немаркированность субъектной характеристики не означала, что субъект в таких предложениях всегда остается неизвестным, неопределенным (во многих случаях в определенной ситуации неопределенно-личный или обобщенно-личный характер предложения не мешает ясному, недвусмысленно вытекающему из контекста, представлению о субъекте). Речь идет лишь о том, что данные характеристики остаются неопределенными как грамматические параметры высказывания. Лексический же контекст (и, далее, внелингвистические обстоятельства, характеризующие ситуацию), наслаиваясь на грамматическую характеристику, может, разумеется, либо усиливать, либо перекрывать ее, снимая указанную неопределенность.

Аналогично противопоставляются синтаксические инварианты по виду. Здесь можно, как мы видели, вести речь о противопоставлении "процессуальности" и "бытийности" (опять-таки только на грамматическом уровне, абстрагируясь от различных лексических и экстралингвистических ситуационных обстоятельств). В самом деле, перед нами, с одной стороны, предложения, в которых действие может быть определено (путем формального включения в контекст) с точки зрения его длительности, законченности и т.п. Для данных характеристик действия

(в предложениях, маркированных с точки зрения видового противопоставления) оказывается релевантным контекст, они (по крайней мере в некоторых случаях) оказываются вытекающими из контекстуальных связей. Это не имеет места в предложениях, имеющих связанную категорию вида, где поэтому процессуальная характеристика действия оказывается неопределенной.

В результате в данных противопоставлениях конституируются восемь функциональных классов предложений, каждый из которых определяется в "трех измерениях", противопоставляясь другим классам по трем дифференциальным признакам.

1) $P + A + S +$ - определенно-предсказуемые, процессуальные, определенно-субъектные предложения.

2) $P + A + S -$ - определенно-предсказуемые, процессуальные, неопределенно-субъектные предложения.

3) $P + A - S +$ - определенно-предсказуемые, непроцессуальные (бытийные), определенно-субъектные предложения.

4) $P + A - S -$ - определенно-предсказуемые, непроцессуальные, неопределенно-субъектные предложения.

5) $P - A + S +$ - неопределенно-предсказуемые, процессуальные, определенно-субъектные предложения.

6) $P - A + S -$ - неопределенно-предсказуемые, процессуальные, неопределенно-субъектные предложения.

7) $P - A - S +$ - неопределенно-предсказуемые, непроцессуальные, определенно-субъектные предложения.

8) $P - A - S -$ - неопределенно-предсказуемые, непроцессуальные, неопределенно-субъектные предложения.

Таким образом, структура парадигмы предложения, служащая основанием произведенного здесь разбиения на классы единиц данного уровня, оказывается признаком, отражающим функциональные свойства предложений. Конечно, структура парадигмы предложения в известной мере зависит от внутренней структуры предложения, и в этом смысле оказывается обусловленной конструктивно. Однако необходимо всячески подчеркнуть, что к чисто конструктивным моментам отнюдь не сводятся исследованные особенности парадигм предложений. В пользу этого говорят два обстоятельства - во-первых, наличие случаев, когда парадигматическое варьирование предложения выходит за рамки парадигматического варьирования его составляющих, и во-вторых, случаи грамматической омонимии предложений.

В самом деле, нам неоднократно приходилось отмечать, что категории, конституирующие парадигму предложения, не образуют парадигму его составляющих. Так, лексико-грамматическое варьирование по лицу личных местоимений, по роду - существительных, с точки зрения одушевленности - местоименных существительных приводит к образованию вариантов - членов одной парадигмы предложения, что подтверждается характером связи последнего с другими предложениями в тексте. В этом случае, следовательно, разное словесное наполнение отличает члены одной парадигмы. В то же время, напротив, некоторые случаи чисто грамматического варьирования слов в составе предложения не приводят к образованию самостоятельных членов его парадигмы, примером чего могут служить структуры со свободной категорией падежа (именительный - творительный предикативный), не являющиеся, с точки зрения уровня предложений, самостоятельными членами парадигмы (а лишь свободными вариантами).

Еще более наглядно функциональный характер произведенного разбиения вырисовывается благодаря наличию в системе многочисленных случаев морфологической омонимии - предложений-омоформ, полностью совпадающих конструктивно, то есть с точки зрения словесного состава и структурных отношений

между словами, но различающихся характером парадигматического варьирования. Данные различия оказываются в этом случае уже всецело обусловлены функциональными свойствами предложений, характером их употребления. Только так (а отнюдь не морфологическими свойствами слов и не синтаксическими правилами сочетания их между собой в предложении) можно объяснить, в частности, фиксированный характер субъектной формы у неопределенно-субъектных предложений.

Следовательно, особенности конструктивной формы предложения и структура его парадигмы (а вместе с тем - и его функциональная принадлежность) лишь косвенно связаны между собой, в том смысле, что определенные конструктивные особенности имеют тенденцию (но не более) манифестировать некоторый функциональный тип, подобно тому как и определенная морфемная организация слова имеет тенденцию манифестировать определенную функциональную принадлежность - часть речи. Но утверждать, на основании этого, что некоторый тип предложения определяется особенностями его структуры, было бы равносильно тому как если бы мы предположили, например, что наличие категории падежа у существительного определяется присутствием в его составе падежной флексии. Применительно к уровню слов, имеющему разработанную грамматику, такое утверждение, представляющее причину в качестве следствия, очевидно, невозможно. Но аналогично и для уровня предложений мы должны признать, что не словесный состав определяет парадигму предложения, а напротив, определенный функциональный тип, характеризуемый определенными категориальными параметрами, кристаллизует в качестве своих манифестаторов структуры, обладающие определенными конструктивными свойствами. Многочисленные случаи (как для слов, так и для предложений) отсутствия между конструктивными и функциональными свойствами однозначного соответствия наглядно свидетельствуют о примате последних, поскольку никакие конструктивные дефекты или конструктивная омонимия не в состоянии изменить свойства функционального класса. Именно поэтому, как мы не раз имели слу-

чай убедиться, словесный состав оказывался совершенно нерелевантным для распределения структур по "клеткам" модели. Сплось и рядом в одну "клетку" у нас попадали разноструктурные (в частности - односоставные и двусоставные) образования, оказывавшиеся, однако, тождественными по своим функциональным свойствам. Тем самым оказался преодолён конструктивный принцип традиционной классификации, рассматриваемой предложения исключительно с точки зрения их словесного состава (как односоставные или двусоставные, полные и неполные, и т.д.). Недостаток такого описания в полной мере проявляется при попытках в его рамках дать предложениям функциональную характеристику (например, при определении безличных, неопределённо-личных, обобщённо-личных предложений), поскольку и в этом случае, как мы видели, делается попытка чисто функциональные понятия определить, исходя из состава предложения, и данные описания оказываются в тупике перед очевидным фактом структурного многообразия выделенных функциональных единиц. Недостатки традиционной классификации в полной мере проявляются также в многочисленных случаях неразличения омонимии предложений или (при выделении этого явления, например, омонимии определённо-личных и обобщённо-личных структур) беспорядочном смешении семантических и структурных критериев.

Данные недостатки общепринятого синтаксического описания связаны с его коренным, принципиальным изъяном - с тем, что оно основано на ложной идее определения единиц одного уровня через составляющие их единицы низшего уровня.

Другой отличительной чертой настоящего описания по сравнению с традиционным является то, что выделяемые синтаксические типы выступают не изолированно, независимо друг от друга, а в противопоставлениях. Более того, характеристика каждого типа вырисовывается в его противопоставлениях с другими типами. Иначе говоря, в отличие от традиционной классификации, представляющей собой в целом простую совокупность отдельных типов, предлагаемая модель показывает систе-

му синтаксических единиц. Мы можем определить место каждого типа относительно других, степень близости отношений между различными синтаксическими инвариантами.

Таким образом, предложенное здесь описание позволяет представить уровень предложений как систему формальных классов, выявляемых во взаимных противопоставлениях по определенным дифференциальным признакам, которые носят функциональный характер. Подобно тому как функциональная классификация слов (части речи) позволяет показать типы связей между словами в рамках единиц следующего уровня - предложений - и образующиеся при этом структуры, так же и функциональное описание предложений открывает путь к изучению типов их связей в тексте и к формальному исследованию единиц более высокого уровня, в рамках которых функционируют предложения, - сверхфразовых единств.

О Г Л А В Л Е Н И Е

стр.

ЧАСТЬ I. Предмет и задачи синтаксического описания. 1	
1. Общие принципы строения языковой системы. Понятие языкового уровня.....	4
2. Синтагматические и парадигматические отношения в языковой системе.....	6
3. Вопрос о предмете синтаксиса.....	12
4. Конструктивный и <u>функциональный</u> аспект изучения предложения.....	21
ЧАСТЬ II. Структура предложения.	
1. Трудности школьного анализа по членам предложения	26
2. Понятие синтаксической зависимости. Конфигурация. Типы синтаксических отношений	27
3. Понятие синтаксического дерева. Два способа представления структуры предложения..	31
4. Вопрос о составе синтаксического ядра.....	35
5. Морфолого-синтаксическая связь слов.....	43
6. Актуальная структура предложения.....	67
7. Способы выражения сказуемого в русском языке	74
8. Типы сказуемого	79
9. Способы выражения и типы подлежащего.....	84
10. Вопрос о второстепенных членах предложения.....	98

II. К вопросу об аппозиции..... 107

ЧАСТЬ III. Учение о признаках и типах предложения современного русского языка.

1	Предикативность и модальность как признаки предложения	120
2.	Характер связи между предложениями в тексте.....	129
3.	Понятие парадигмы предложения.....	138
4	Вопрос о неполных предложениях.....	146
5.	Функциональные признаки предложения.....	153
6	Конструктивная классификация предложений и ее недостатки	162
7	Принципы функциональной классификации предложений	174
8.	Определенно-субъектные предложения.....	178
9.	Неопределенно-субъектные предложения.....	185
	а) Неопределенно-личные предложения.....	192
	б) Безличные предложения.....	195
	в) Обобщенно-личные предложения.....	203
	г) Инклюзивные предложения	209
10.	Бытийные предложения	213
	а) Определенно-субъектные бытийные	216
	б) Неопределенно-субъектные бытийные.....	217
	в) Безличные предложения	217
11.	Неопределенно-предсказуемые предложения.....	221
12.	Общая характеристика системы предложений современного русского языка	231

Б.М. Гаспаров

ИЗ КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО СИНТАКСИСУ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА

Простое предложение

Пособие для студентов заочного отделения
Тартуский государственный университет

ЗССР, г. Тарту, ул. Пликооли, 18

Ответственный редактор П. Сигахов

Ротапринт ТГУ 1970. Подписано к печати 15/III-1970 г.

Печ. листов 15,13 (условных 14,16). Учетн.-издат.

листов 10,86. Тираж 500 экз. Бумага 30x42. 1/4.

МВ 10904. Зак. № 1009.

Цена 55 коп.